

В. Н. ПИЛИПКО

ПОЗДНЕПАРФЯНСКИЕ
ПАМЯТНИКИ АХАЛА

АШХАБАД • 1990

АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. Ш. БАТЫРОВА

В. Н. ПИЛИПКО

ПОЗДНЕПАРФЯНСКИЕ ПАМЯТНИКИ АХАЛА

Под редакцией доктора
исторических наук Г. А. Кошеленко

АШХАБАД · ЫЛЫМ · 1990

ББК 63.4(2)

П32

Рецензенты

Е. Атагарриев, Х. Юсупов

Пилипко В. Н.

П32 Позднепарфянские памятники Ахала/Под ред.
Г. А. Кошеленко. — А.: Ылым, 1990.—176 с.

Работа представляет первое обобщающее издание, посвященное матеральной культуре центральной части подгорной полосы Копетдага в первые века н. э. В основе ее — результаты многолетних археологических раскопок двух позднепарфянских поселений Коша-Хаудан и Чакан-депе. На базе этих исследований и привлечения материалов с других памятников региона предлагается развернутая характеристика археологических комплексов последних двух столетий существования Парфянского государства.

Для археологов, историков.

ББК 63.4(2)

П $\frac{0504000000-034}{M 561(14)-90}$ 10-90

ISBN 5-8338-0280-6

© Издательство «Ылым», 1990

ВВЕДЕНИЕ

Раскопки памятников античного времени в подгорной полосе Копетдага начались в 1930 г. Первым и в течение длительного времени единственным объектом изучения были городища Нисы. Изучение остальных парфянских памятников в регионе ограничивалось их визуальным осмотром и сбором подъемного материала¹. При такой скудности исходных данных отсутствовала возможность не только для развернутой характеристики материальной культуры Прикопетдага, но и для узкой датировки отдельных памятников. Большинство их на основании отдаленных аналогий обобщенно датировалось в широких пределах аршакидской эпохи (III в. до н. э. — III в. н. э.).

Попытки сузить датировку, как правило, не имели оснований. Для исправления этого положения в 1967 г. в Институте истории АН СССР организована Парфянская экспедиция по изучению памятников этой эпохи. Наряду с новым тщательным обследованием подгорной полосы Копетдага, проведены раскопки отдельных памятников с целью получения сравнительно узкодатированных и представительных археологических комплексов поселений Гарры-Кяриз², Коша-депе³, Чакан-депе, Коша-Хаудан, Яндаклы-депе и ряда памятников Дашлинского оазиса⁴.

В процессе исследований выявились определенные различия в материальной культуре Ахала (Ашхабадский, Геок-Тепинский и Бахарденский районы) и Этека (Каахкинский район), что обусловило необходимость создания отдельных хронологических колонок для каждой из этих областей.

В ходе работ Парфянской экспедиции внесены некоторые коррективы в археологическую периодизацию материальной культуры Копетдага. В первую очередь это касается понятия «парфянская эпоха». Обычно под этим термином понимается период существования государства Аршакидов (середина III в. до н. э. — 226 г. н. э.), нередко его хронологические рамки приводятся более обобщенно — III в. до н. э. — III в. н. э. Однако в историко-культурном плане это представляется не совсем правильным. Парфяне обосновались на территории Южного Туркменистана значительно раньше. Древнейшее упоминание о парфянах содержится в Бехистунской надписи Дария, в описании событий 522—521 гг. до н. э.⁵ Следует также признать достоверными сведения о вхождении парфян в состав Мидийской державы⁶.

Данные археологических исследований показывают, что в первой половине I тыс. до н. э. в материальной культуре Южного Туркменистана происходило лишь постепенное эволюционное развитие, свидетельствующее об отсутствии значительных изменений в этническом составе населения данной территории. Это позволяет заключить, что парфяне обитали в подгорной полосе Копетдага в течение всего I тыс. до н. э. Таким образом, парфянский период в истории Южного Туркменистана следует определять не в 5 (период существования Аршакидского государства), а в 12—14 столетий. В соответствии с этими общенсторическими представлениями проводится и археологическая периодизация.

В советской исторической литературе в соответствии с марксистским учением об общественно-экономических формациях период I тыс. до н. э. и первой половины I тыс. н. э. в применении к земледельческому населению Средней Азии характеризуется как эпоха зарождения, расцвета и разложения рабовладельческих обществ. В археологической периодизации ей соответствуют два крупных периода — ранний железный век и период античности. Начальная дата раннего железного века применительно к Средней Азии служит предметом оживленных дискуссий⁷ и, вероятно, в дальнейшем будет уточняться. В решении этого вопроса, видимо, не следует придерживаться строго формальной точки зрения и ориентироваться только на конкретные ныне известные факты находок железных предметов. Тем более, что по мере расширения археологических исследований дата подобных находок, несомненно, будет удвояться.

Несмотря на нерешенность проблемы происхождения культур расписной лепной керамики I тыс. до н. э., всеми исследователями признается, что между древнеземледельческими племенами, представленными комплексами типа Намазга VI и носителями культур типа Яз I, имеются существенные различия как в материальной культуре, так и в социальной структуре⁸. Это позволяет считать начальную дату культур типа Яз I начальной датой раннего железного века Средней Азии. На современном уровне знаний в абсолютном выражении она может быть определена рубежом II и I тыс. до н. э.

Конечная дата этого периода обычно связывается с греко-македонским завоеванием Средней Азии в 330—327 гг. до н. э. Учитывая, что в хронологических построениях археологии в основном оперируют веками и что процесс революционных преобразований общества и его материальной культуры имеет определенную протяженность во времени, отсчет следующего античного периода целесообразно начинать не с этих конкретных дат, а с конца IV в. до н. э. Античный период применительно к Средней Азии соответствует периоду максимального развития и последующего разложения рабовладельческой формации. Однако хронологические рамки данного периода определяются по-разному в зависимости от политической ситуации в том или ином регионе Средней Азии. Исследователи, занимающиеся изучением областей, входивших в состав Парфянского государства, обычно ограничивают античный период III в. н. э.⁹ Для юго-восточных областей Средней Азии, входивших в состав Кушанского царства, конечная дата этого периода соотносится с конечной датой позднекушанских правителей, в том числе кушаншахов сасанидского происхождения. В зависимости от принятия той или иной точки зрения на начальную дату

«эры Канишки» она приходится на III—первую половину V в. н. э. Следует отметить, что «античный период» — понятие не археологической, а исторической периодизации, его выделение не базируется на фиксации каких-то специфических элементов материальной культуры (формально он представляет собой продолжение железного века).

Применительно к Копетдагу в рамках этой общей периодизации выделено 6 хронологических периодов: ранний железный век РЖВ I (X—VIII вв. до н. э.), РЖВ II (VII—VI вв. до н. э.), РЖВ III (V—IV вв. до н. э.), эллинистический (III в. до н. э.), раннеаршакидский (II—I вв. до н. э.) и позднеаршакидский (позднепарфянский) (I—III вв. н. э.). Для каждого из этих периодов в Ахале и Этеке выделены самостоятельные археологические комплексы, отражающие последовательное развитие культуры в каждой из этих областей.

Ахалом в географической, исторической и этнографической литературе называется подгорная полоса Копетдага на участке между Гяурсом и Бахарденом¹⁰. На востоке естественной границей Ахала, отделяющей его от расположенного далее Этека, служит примерно 30-километровый участок ранее безводных земель между Гяурсом и Бабадурмазом. На западе границу между Ахалом и соседствующим с ним Аркачем условно можно провести в районе Арчмана, западнее которого отсутствуют возможности для орошения крупных массивов земель. Это естественное физико-географическое деление подгорной полосы Копетдага на Этек, Ахал и Аркач оказывало определенное влияние на этническое распределение и культурное развитие населения в различные исторические эпохи¹¹. Естественные преграды служили одной из причин обособления населения того или иного района. В период развитого средневековья границам Ахала примерно соответствовали границы области Нисы¹². Это историко-культурное обособление рассматриваемого участка подгорной полосы Копетдага в различные исторические эпохи делает правомерным обособленное рассмотрение расположенных здесь памятников античной эпохи.

Цель данной работы — ввести в научный оборот материалы, полученные при раскопках позднепарфянских поселений Коша-Хаудана и Чакан-депе.

Глава I

КОША-ХАУДАН

Поселение Коша-Хаудан находится на 51 км шоссе Ашхабад — Красноводск¹. Это 13 неодинаковых по размерам холмов, занимающих территорию примерно в 15 га (рис. 1). Наиболее крупный холм № 5 имеет в

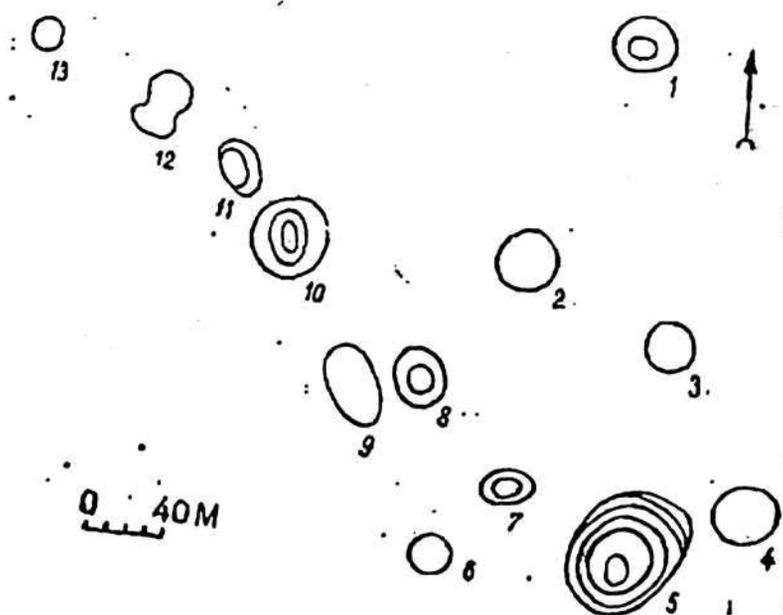

Рис. 1. Коша-Хаудан. План поселения.

плане очертания неправильного овала диаметром 58—70 м и высотой 5 м, самые маленькие холмы № 6 и 13 имеют диаметр 15—20 м и едва прослеживаются на местности. Подъемный материал на поселении немногочисленный, но все же позволяет предполагать, что все

холмы этой группы — остатки одного древнего поселения.

На вершине холма № 8 заложен контрольный шурф размером 3×2 м. Он пройден до уровня какого-то пола, располагающегося горизонтально на глубине 1,65 м (рис. 2). В юго-западном углу шурфа частично выяв-

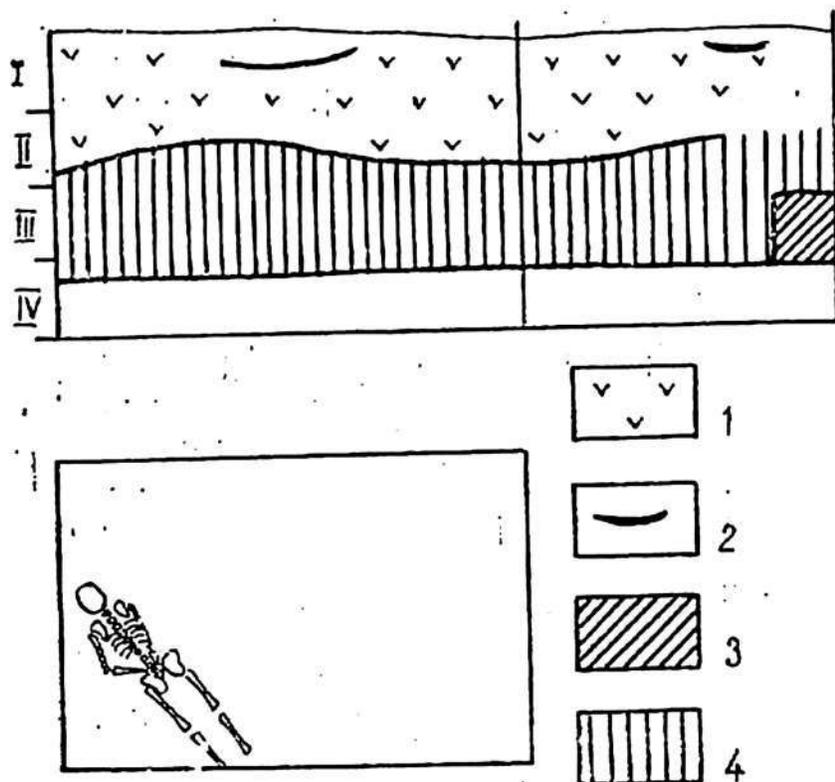

Рис. 2. Коша-Хаудан. Холм № 8, шурф

лена связанная с этим полом стена, сохранившаяся на высоту 0,5 м. Остальное пространство шурфа на уровне этой стены и выше занято плотным завалом или забутовкой, в которой находки малочисленны и представлены в основном стенками керамических сосудов. Неровная поверхность данного слоя зафиксирована во II ярусе. Выше залегает рыхлый культурный слой с включениями зольных линз. Керамика, происходящая из него, аналогична такой же из раскопа на холме № 10, описание которой приводится ниже. На глубине 75 см от верха шурфа, в северо-восточной его части, обнаружен хорошо сохранившийся костяк человека. Он лежал в вытянутом положении, лицом вниз, головой на северо-запад. Ступни слегка согнутых в коленях ног разведены в стороны, полусогнутые руки

расположены под грудью и животом, кисть левой руки находилась у пояса, правой — у плеча. Сопроводительный инвентарь отсутствует, контуры могильной ямы выявить не удалось. Все это затрудняет хронологическое и культурное определение погребения.

На втором по величине холме № 10 проведены раскопки. Холм имел в поперечнике около 45 м при средней высоте 2,5 м. Проведенные стратиграфические исследования показали, что в истории функционирования этого объекта выделяются два основных периода. Представляющие их слои разделяет глиняная забутовка толщиной 0,4—0,65 м, вероятно, возведенная в процессе строительства верхнего здания. Нижний культурный пласт имеет толщину около 1 м, из него происходит небольшое количество керамики, главным образом тонкостенных чаш. По этим недостаточным находкам слой можно датировать II—I вв. до н. э. «Платформа» имеет не горизонтальную поверхность, а покатую от центра к краям холма. В центре высотные отметки ее верха — 110—120 см, а на периферийных участках раскопа — 180—200 см ниже репера. В ней следует видеть не специальную платформу, а нивелированную забутовку остатков предшествующего здания. Толщина верхнего культурного слоя в центре холма достигает 1—1,2 м, к краю холма (в пределах раскопа) она уменьшается до 0,5—0,7 м.

Общая площадь раскопа равна 470 м², в нем исследованы остатки одного строения. Выявлены семь полностью или частично сохранившихся помещений (табл. I). Помещение 1 расположено в северо-восточной части здания. Оно вытянуто с юго-запада на северо-восток. Точная длина не выяснена (предположительно около 10 м), ширина — 2,3—2,4 м. Вблизи нижнего угла имеется проход, соединяющий это помещение с помещением 3. Ширина прохода — 0,9 м. Выявлено два уровня полов, верхний расположен на отметках 0,85—0,95 м. Юго-западнее помещения 1, на одной оси с ним, расположено помещение 2. Их разделяет глухая перегородка толщиной 35—50 см. Ширина помещения — 2—2,35—2,75 м, длина точно не установлена, но не менее 3,5 м. Вдоль северо-восточной и юго-восточной стен обнаружены глубокие ямы. В помещении стояли три хума: два — у северо-восточной стены (табл. II), один — у северо-западной. Уровни полов в

этом помещении находятся ниже, чем в помещении 1, на отметках 1,2 и 1,4 м от репера. На полах, особенно верхнем, встречено большое количество обломков керамики. Среди других находок следует отметить два каменных подпятника, служивших для фиксации опорной стойки деревянных дверей.

Помещение 3 расположено к юго-востоку от помещения 1. В плане оно имеет очертания трапеции (длина — 6,7 м, ширина — 4,5—5,5 м). Особенность этого помещения — сильно скругленные углы². Верхний пол находится на глубине 1,1 м. На нем вблизи северо-западной стены обнаружено донце некогда стоявшего здесь хума и несколько крупных камней. Помещение 3 сообщалось проходами с помещениями 1 и 5. Проход в помещение 5 снабжен высоким порогом.

Помещение 4. Так условно назван участок к юго-востоку от помещения 2. Здесь выявлена не высокая, но широкая глинобитная суфа, в которую вблизи северного угла вкопан на три четверти небольшой по размерам хум. Сверху он был покрыт каменной плитой. В юго-восточной части «помещения» в суфе имеется след от еще одного вкопанного хума.

Помещение 5 расположено северо-восточнее помещения 3 и примерно соответствует ему по длине. В плане оно имеет очертания неправильного четырехугольника (ширина — 2,35—3,2 м). В середине северо-восточной стены напротив входа расположена обширная ниша неправильных очертаний. Есть основания предполагать, что она устроена на месте ранее существовавшего здесь прохода. В юго-восточной стене у южного угла вырублена еще одна глубокая узкая ниша, в которой установлен хум. В помещении обнаружены нижние части еще двух хумов. Один был установлен у юго-восточной стены вблизи западного угла, а второй — в центре помещения. Верхний пол помещения расположен на отметках 120—170 см. Наклон в северо-восточном направлении.

Помещения 6 и 7 расположены вдоль юго-восточного фаса постройки, их разделяет перегородка толщиной 0,7—1,1 м. У помещения 6 очертания неправильного четырехугольника (длина — 3—3,3 м, ширина — 2,3—2,4 м). В северо-восточной его стене имеется проход шириной 12 м, выводящий за пределы здания. В помещении установлено четыре ху-

ма. Три из них стояли вдоль юго-западной стены, четвертый — в северном углу. Помещение 7 прямоугольных очертаний (2,6×2,3 м). В юго-западной его стене устроена глубокая ниша с полукруглой тыльной стороной. Вероятно, как и аналогичная ниша в помещении 5, она предназначалась для установки хума. Выход из помещения 7 не обнаружен, хотя стены сохранились сравнительно хорошо на высоту не менее 0,3 м. Полы в помещениях 6 и 7 имеют отметку 100—110 см.

Раскопки участков, прилегающих к зданию с северо-востока и юга, показали отсутствие здесь застройки и сколько-нибудь значительных культурных отложений. На участке к северо-западу от здания находки встречаются чаще, помимо обломков керамики здесь обнаружена в неповрежденном виде ручная мельничная установка, состоящая из двух плоских каменных дисков.

Выявленные в процессе раскопок остатки здания имеют плохую сохранность, поэтому полного представления о его планировке получить не удалось. Суммируя имеющиеся данные, можно отметить, что эта постройка скорее всего возводилась не профессиональными строителями, а силами ее обитателей. Здание не имеет четких геометрических очертаний, стены непараллельны, толщина их неодинакова, в качестве строительного материала использовалась пахса. Ввиду плохой сохранности юго-западного фаса нет точных данных и о размерах постройки. Отсутствуют сведения о размерах помещения 2, нет четких представлений о назначении и конфигурации помещения 4, которое могло быть айваном или перекрытой навесом частью двора. Учитывая неполноту сведений о планировке сооружения, его площадь определена с большим допуском в пределах 300—400 м².

Несмотря на «непрофессиональное» исполнение, здание следует хорошо известной планировочной схеме «зал или двор в обводе помещений»³. Данный тип построек широко распространен в Средней Азии античного периода. В качестве наиболее близкого примера можно указать на здание 3 поселения Гарры-Кяриз, центральное пространство которого мы, однако, склонны определять на основании характера его заполнения как двор.

Прежде чем приступить к функциональному определению отдельных помещений, обратимся к характе-

ристике находок. Основную их массу составляет керамика. В фактурном отношении она разделяется на три группы: с красно-коричневым в изломе черепком, с черным или темно-серым черепком и кухонную с примесью карбонатного отощителя в тесте. Керамика первой группы наиболее многочисленна и разнообразна по формам. По технике изготовления она разделяется на лепную и круговую. Керамика второй группы составляет около 1,7% общего количества керамических изделий, и вся изготовлена на гончарном круге. Представлена она преимущественно открытыми формами. Керамика третьей группы составляет около 12,6% (табл. 1).

1. Количественное распределение керамики
Коша-Хаудана (холм № 10)

Вид изделия	Количество	%
Кухонная керамика	30	12,6
Открытые формы	45	18,7
Хумы	27	11,2
Горшковидные сосуды	87	35,3
Кувшины	45	18,7
Фляги	4	1,7
Неопределенные	2	0,8
Всего	240	100
В том числе черноглиняная	4	1,7

В качестве отощителя использован белый или серый мелкодробленый камень. Все изделия этой группы вылеплены вручную. В основу типологической классификации керамики положены морфологические особенности сосудов, принадлежность к определенной фактурной группе⁴, в ряде случаев принимались во внимание различия в размерах сосудов и данные о их функциональном назначении. Описание типов осуществлено в рамках отдельных видов керамических изделий: крупные тарные сосуды (хумы), горшкообразные, кувшины, фляги, кухонные горшки (котлы), открытые формы (тазы, миски, чаши).

Хумы

Крупные тарные толстостенные сосуды составляют около 11% всей керамики. В основном они представлены венчиками или остатками нижних частей тулова. Все хумы изготовлены традиционным методом компа-

новки отдельных кольцевых блоков. Венчики представляют непосредственное продолжение плечика. Преимущественно они имеют вид выступающего наружу валика: подтреугольного, эллипсоидного, манжетовидного, многогранного. Встречаются также венчики, образованные простым скруглением края стенки и в виде невысокого вертикально поставленного бортика (табл. III). Жесткой связи между формой венчика и типом хума пока не установлено, т. к. полностью восстановлена форма только трех крупных тарных сосудов, представляющих три варианта горшковидных безгорловинных хумов.

Хумы с раздутым яйцевидным туловом (табл. III). Указатель соотношения высоты и наибольшего диаметра тулова составляет 1,3. Археологически целый сосуд этого типа имеет высоту 112 см, наибольший диаметр тулова — 85 см, диаметр венчика — 51, дна — 32 см. Венчик массивный, подтреугольной формы. На середине высоты плечика проходит наклепной декоративный обруч с часто расположенными косыми вмятинами пальца. Несколько выше этой полосы расположен небольшой продолговатый наклеп с двумя оттисками одной печати. Изображение, к сожалению, не прослеживается.

Хумы с удлинённым яйцевидным туловом и вертикальной постановкой венчика, образующего подобие горловины (табл. III). Указатель соотношения высоты (93 см) к наибольшему диаметру (54 см) равен 1,7. Диаметр венчика (25 см) незначительно превышает диаметр дна (22 см).

Хумы с бочковидным туловом. От двух первых типов они отличаются расположением наибольшего диаметра не в верхней трети, а в средней части. Целый сосуд этого типа имеет легкий прогиб стенки в нижней части тулова. Венчик образован простым скруглением края стенки и отделен от плечика неглубокой ложбинкой. Высота — 108 см, наибольший диаметр — 61, диаметр венчика — 34, диаметр дна — 26 см (табл. II).

Горшкообразные сосуды

Горшковидные сосуды представлены только фрагментами и форма их полностью не восстанавливается, поэтому в основу их классификации мы вынуждены по-

ложить только различия в ширине горловины и профиля верхней части сосуда, и лишь в самом гипотетическом виде высказываться относительно полной формы некоторых из них.

Маслобойки. В коллекции имеется верхняя половина крупного сосуда этого типа (табл. IV, 5). Высота его, вероятно, была не менее 70 см. Сосуд снабжен средневысокой относительно небольшого диаметра (17 см) раструбообразной горловиной. Плечики крутые, форма тулова предположительно бочковидная. К верхней части тулова почти перпендикулярно прикреплена массивная полукольцевая круглая в сечении ручка, у одного ее края по сырой глине сделано небольшое отверстие. Среди находок имеются горловины и ручки маслобоек несколько меньших размеров.

Корчаги с плавно отогнутым наружу венчиком. Верхняя часть стенки этих сосудов плавно отогнута наружу, образуя невысокую раструбообразную горловину. Венчик образован простым скруглением края стенки, в очень редких случаях слегка утолщен. Диаметр венчика — 18—28 см (табл. IV, 2—4).

Корчаги с манжетовидным венчиком представлены одним экземпляром. Наклонный внутрь край стенки завершается продолговатым резко выступающим с наружной стороны валиком. Диаметр устья — 16 см (табл. IV, 11).

Корчаги с высокой цилиндрической или раструбообразной горловиной. Высота горловины больше половины диаметра венчика (табл. IV, 18).

Горшки с короткой цилиндрической горловиной. В этот тип условно объединены по общему признаку толстостенные горшки с относительно узкой горловиной и отогнутым наружу венчиком и широкогорлые тонкостенные горшки с валикообразным венчиком.

Горшки с отогнутым наружу венчиком, небольшого диаметра горловиной и пологими плечиками, вероятно, удлиненного тулова. Диаметр венчика — 10—15 см (табл. IV, 8).

Широкогорлые горшки с коротким венчиком-бортиком, поставленным вертикально или слегка наклоненным наружу. Большинство горшков этого типа имело сильно раздутое, вероятно, шаровидное тулово (табл. IV, 14, 16).

Горшки с коротким приостренным венчиком, ото-

гнутым под тупым углом к тулову. Плечико пологое, тулово, по-видимому, каплевидное (табл. IV, 20, 27).

Узкогорлые горшки с раструбообразной горловиной и пологими плечиками узкого веретеновидного тулова⁵ (табл. IV, 19).

Кувшины

Кувшины с относительно широкой (10—14 см) цилиндрической или раструбообразной горловиной. Венчик скругленный, реже валикообразный (табл. V, 19—20).

Кувшины с узкой (диаметр венчика — менее 10 см) высокой цилиндрической горловиной и каплевидным туловом. Венчик отогнут наружу, образуя небольшой конический раструб. Целый сосуд этого типа имеет высоту 30,5 см, диаметр венчика — 7,6, диаметр дна — 11,4 см, слабозогнутая дуговидная круглая в сечении ручка одним концом прикреплена ниже венчика, другим к верхней части плечика (табл. IV, 11).

Кувшины с узкой высокой цилиндрической горловиной и бочковидным или яйцевидным туловом. Целых сосудов нет. Один наиболее полно сохранившийся

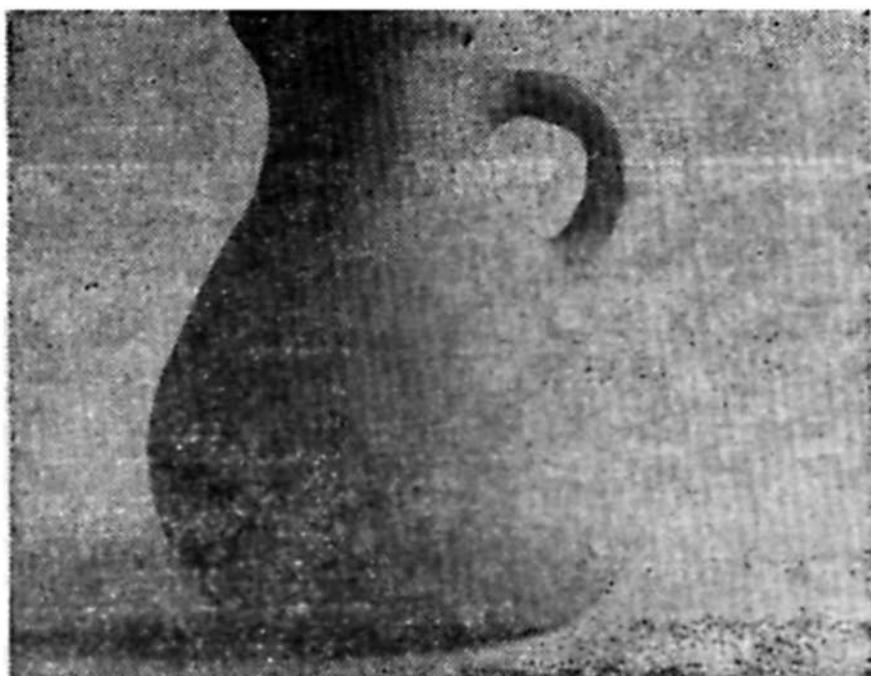

Рис. 3. Коша-Хаудан. Лепной кувшинчик.

фрагмент представляет верхнюю половину довольно крупного кувшина. Диаметр венчика — 10 см, диаметр горловины — 7,5, наибольший диаметр тулова — 32, реконструируемая высота 40—50 см (табл. V, 14).

Небольшие кувшины с узкой горловиной, каплевидным туловом, широким дном и сливом, образованным деформацией венчика. Целый сосуд этого типа имеет высоту 16,5 см, диаметр венчика — 6, наибольший диаметр тулова — 14, диаметр дна — 10 см. Крутоизогнутая круглая в сечении ручка крепится ниже венчика и к средней части плечика. Сосуд лепной, тулово асимметрично (табл. V, 21; рис. 3).

Фляги

Представлены несколькими фрагментами коротких раструбообразных горловин. О форме резервуаров точных данных нет. Судя по фрагментам, были как двояковыпуклые, так и куполообразные фляги (табл. V, 8).

Открытые формы

Открытые чашевидные формы по размерам венчика разделяются на три категории сосудов. Сосуды с диаметром венчика более 30 см определяются как тазы, с диаметром 20—30 см — как миски, менее 20 см — как чаши. Донца в большинстве случаев были плоские. Часть чаш и мисок снабжалась невысокими дисковидными поддонами. Однако связать их с определенными типами пока не представляется возможным.

Тазы относятся к числу редких форм. Имеется лишь один венчик с конически расширяющимися вверх стенками. Диаметр венчика — 33 см (табл. VI, 30).

Миски со сложно профилированной стенкой. Это крупные сосуды с туловом в виде шарового сегмента, с массивным венчиком, декорированные за счет легкого изгиба стенки и изменения толщины ее профиля. Один из венчиков этих мисок принадлежит к черноглиняным сосудам (табл. VI, 29).

Миски с конической формой тулова. Стенки почти прямые, венчик образован простым скруглением края. На имеющемся фрагменте двухстороннее полосчатое лощение (табл. VI, 28).

Глубокие миски с коническим (?) туловом. Верхний

край стенки отогнут наружу, переход от венчика к тулову оформлен крутым плечиком (табл. VI, 5).

Миски в виде шарового сегмента. Венчик образован простым скруглением края стенки, в одном случае слегка отогнут наружу (табл. VI, 1).

Чаши в виде шарового сегмента, венчик образован простым скруглением края стенки (табл. VI, 2, 13).

Чаши в виде шарового сегмента, венчик образован утолщением стенки с внутренней стороны (табл. VI, 8, 23, 25).

Чаши в виде шарового сегмента с коротким, плавно отогнутым наружу венчиком (табл. VI, 9, 14, 24).

Конические чаши с легким изгибом стенки (табл. VI, 22).

Столовые горшочки. Представлены одним венчиком, имеющим форму короткого вертикального бортика, ниже переходящим в слабовыраженное плечико объемистого резервуара. Внутренняя поверхность тщательно заглажена (табл. VI, 15).

Бокалы на высокой ножке относятся к числу редких видов сосудов. Форма полностью не восстанавливается, но на их употребление указывает находка фрагмента черноглиняной ножки в виде высокого сплошного стержня диаметром 2,5 см (табл. VI, 20).

Кухонная керамика

(керамика с отошающей примесью в тесте)

Широкогорлые котлы с плавно отогнутым наружу верхним краем стенки. Венчик образован простым скруглением ее края. Целый горшок этого типа имеет шаровидное тулово и выпуклое дно (табл. VII, 19), но были экземпляры с плоским дном и бочковидным туловом. По размерам они разнообразны: от очень крупных с диаметром венчика 20—25 см до миниатюрных с диаметром 4 см (табл. VII, 17). До получения массового статистического материала они рассматриваются как один тип.

Широкогорлые горшки с невысокой цилиндрической горловиной. По оформлению венчика выделяется две разновидности: 1) со скругленным или приостренным венчиком; 2) венчик в виде небольшого выступающего наружу валика.

Широкогорлые горшки без горловины. Загнутая

внутри стенка, вероятно, шаровидного тулова завершается валикообразным венчиком, иногда довольно сложным по конфигурации (табл. VII, 7—8).

Сосуды данного типа значительно варьируют по размерам (12—30 см).

Горшки с воронкообразной горловиной относительно небольшого диаметра (13—15 см). Представление о форме тулова полностью отсутствует (табл. VII, 23, 25).

Широкодонные горшки с низким бочковидным туловом и цилиндрической горловиной. Этот тип представлен единственным небольшим сосудом, лишенным венчика (табл. VII, 18).

Узкогорлые графинообразные сосуды с высокой конической горловиной. Стенки горловины до обжига покрыты многочисленными сквозными отверстиями. Диаметр венчика — 4 см (табл. VII, 14).

Кувшиновидный черноглиняный сосуд с двумя отверстиями в дощце. Сохранилась только нижняя придонная часть сосуда. Первоначально она была сформована на гончарном круге, затем в результате дополнительной обработки ей была придана четырехгранная форма. На диаметрально противоположных гранях дна наклонно к его плоскости располагались два коротких конусовидных рожка, в натуре сохранился только один. Крестообразно по отношению к рожкам в нижних частях тулова после обжига просверлено два отверстия (табл. VIII, 5). Подобные сосуды довольно широко распространены в Иране⁶, Средней Азии⁷, на Кавказе⁸ и, вероятно, имели ритуальное назначение⁹. В предгорной полосе Копетдага обломки подобных сосудов известны среди подъемного материала на Аташ-депе (примерно в 18 км юго-восточнее Коша-Хаудана)¹⁰ и на Яссыджа-депе севернее Карахана¹¹ (Каахкинский район).

Деталь другого оригинально оформленного сосуда — зооморфный налеп, вероятно, венчавший ручку. Он представляет собой обобщенно вылепленную голову козла. На передней части шеи имеется прямоугольная вмятина-оттиск, след от венчика, свидетельство того, что налеп был обращен лицевой стороной к устью сосуда. Ниже шея козла, очевидно, переходила в подквадратный в сечении стебель ручки (табл. VIII, 7). Налеп имеет красно-коричневый в изломе черепок. Не

исключено, что это также деталь оформления ритуального сосуда.

Орнаментация на керамике Коша-Хаудана встречается редко. На двух хумах обнаружены оттиски печатей. Об оттиске на одном из них уже упоминалось выше, на венчике другого сделан оттиск овальной формы, нечеткой, со схематическим изображением дерева или колоса. На нескольких корчагах имеется пунсонный орнамент в виде округлых или дугообразных вмятин, образующих поясок на шейке сосуда (см. табл. IV, 2), в одном случае от подобного ободка вниз отходят перпендикулярные отростки (см. табл. IV, 3). На нескольких мелких горшках встречен орнамент, нанесенный двузубчатой палочкой (см. табл. IV, 27). Как декоративный прием можно рассматривать также чернение и лощение некоторых сосудов. На нескольких фрагментах отмечены небольшие шишечные налеты.

Заканчивая описание керамики, следует обратить внимание на значительный процент лепных изделий среди группы с красно-коричневым черепком. Отмучка их глины нередко произведена недостаточно тщательно, в тесте встречается естественная примесь в виде частиц гипса, песка и мелких камушков. Обжиг их также не всегда качественный. Возможно, это свидетельство домашнего изготовления части керамики, хотя явных подтверждений этого предположения (шлаки, печи, бракованные изделия) не обнаружено.

К числу других изделий из обожженной глины относятся найденные в небольшом количестве диски и пряслица, выточенные из стенок керамических сосудов (табл. VIII, 2, 4). К этой группе изделий относится и печать, изготовленная из слабо обожженной глины. Она имеет вид зауженного в средней части столбика высотой 2,9 см. Торцы ее разных диаметров — 2,7 и 2 см. В суженной средней части печати горизонтально расположено сквозное отверстие, предназначенное для подвешивания ее на шнуре. На торцовой плоскости большого размера грубо выдавлено изображение шести-лепестковой розетки, на меньшем торце — схематичное углубленное изображение левой ладони с растопыренными пальцами (табл. VIII, 1). Мотив многолепестковой розетки был достаточно широко распространен в парфянском изобразительном искусстве. В качестве примера можно указать на широко известные террако-

товые плиты из Старой Нисы¹². Изображение человеческой руки — раскрытой, сжатой в кулак и т. д. — с древнейших времен являлось широко распространенным знаком оберега¹³. Именно в таком качестве оно употреблено на одном из хумов неподалеку расположенного Гарры-Кяриза¹⁴ и на граффити из Старой Нисы¹⁵. Следует, однако, отметить употребление этого знака и с иными значениями. Например, в Грузии изображение руки считалось эмблемой власти¹⁶. Изображение пятерни встречается на буддийских памятниках¹⁷. В Средней Азии этот символ сохранялся вплоть до позднего средневековья. Изображения ладоней, трактуемые как священные знаки шиитов, исмаилитов и других мусульманских сект, часто встречаются на стенах мавзолеев, пещер и других мусульманских святынь¹⁸. В сасанидской глиптике также имеются геммы с изображением кисти руки¹⁹. По своему типу рассматриваемая печать близка печатям, найденным в Гарры-Кяризе²⁰ и на Акча-депе близ Изганта²¹.

Среди металлических изделий имеется почти целое железное орудие. Корпус его представляет массивную подтреугольной формы пластину. Максимальная ее ширина — 11,5 см, длина — 21, толщина — до 2,3 см. Боковые стороны широкой части пластины загнуты внутрь и образуют обойму для широкой плоской деревянной ручки (на окислах сохранились ее отпечатки). Для большей прочности деревянная основа в средней части пластины дополнительно закреплена массивной заклепкой (табл. IX, 2). Это орудие, возможно, использовалось как лопата или представляет собой рабочую часть более сложного землеройного орудия. Подобной конструкции железные предметы, но с пластиной четырехугольной формы, обнаружены при раскопках Гарры-Кяриза²² и Яндаклы-депе²³, что свидетельствует о широком распространении этого типа орудий. В находках с Коша-Хаудана имеется обломок еще одной подобной железной пластины, принадлежащей орудию несколько меньших размеров (табл. IX, 7). Обе эти находки происходят из помещения 5. В помещении 2 найдено небольшое коническое лезвие ножа. Длина его — 8 см (табл. IX, 3). На верхнем полу помещения 1 найден фрагмент железного наконечника стрелы. Боек практически полностью разрушен окислами, сохранился лишь небольшой черешок (табл. IX,

4). Остальные фрагменты железных изделий не могут получить точного определения.

Из бронзового²⁴ треугольного в сечении прута изготовлено кольцо диаметром 6 см (помещение 5). Оно, вероятно, являлось деталью конской упряжи (табл. IX, 1). В помещении 4 найден обломок тонкого бронзового диска, сохранилась примерно одна четверть. Толщина диска у края — 3,5 мм, в середине — 2 мм. Поверхность гладкая, по краю через 5 см расположены отверстия диаметром 1 мм (табл. IX, 6). Судя по отверстиям, это скорее всего умбон, крепившийся на кожаную или деревянную основу. Из бронзы была также изготовлена небольшая овальной формы бусина.

Изделия из камня представлены обломками четырех оселков. Целых изделий нет, но форма их легко восстанавливается при сопоставлении с другими находками подобного типа²⁵. Это были подпрямоугольные в сечении пластины из темно-серого мелкоструктурного камня с отверстием для подвешивания к поясу. Оселки из Коша-Хаудана разнообразны по ширине и толщине. Три из них сильно уплощены (табл. VIII, 6, 9), четвертый, почти квадратный в сечении, неподалеку от торца имеет намеченное, но полностью не просверленное отверстие (табл. VIII, 8).

Вторую группу каменных изделий составляют жернова. К северо-западу от дома в первоначальном виде встречена ручная мельничная установка, состоящая из двух плоских дисков. Нижний, из крупнозернистой породы камня, имеет неправильные очертания (33×38 см). В центре сделано небольшое углубление для оси. Второй диск имеет очертания почти правильного круга (диаметр — 30 см). Сделан он из мелкозернистого серого песчаника²⁶. В центре диска осевое отверстие, оформленное рельефным манжетом. У края верхней плоскости диска — два углубления для вращения жернова, одно из них сквозное. Рабочие поверхности жерновов плоские, сильно стертые (табл. X, 1).

На холме № 5 найдена ручная мельничная установка несколько иного типа. Оба диска изготовлены из светло-серого песчаника. Нижний в сечении двояковыпуклый со сквозным центральным отверстием, диаметр диска — 30 см. Рабочая поверхность гладкая, наружная в мелких сколах — следах грубой обработки. Верхний диск более массивный (в поперечнике 32—

38 см), сбоку у него имеется полуовальный выступ с углублением (с наружной стороны) для рычага, вращающего диск. Рабочая поверхность вогнута и на ней высечены неглубокие крестообразно расположенные желобки, отходящие от осевого отверстия (см. рис. 13, 2). Оба эти типа мельничных ручных установок известны по раскопкам Чақан-депе²⁷. Кроме жерновов при раскопках холма 10 найдены мелкие обломки «зернотерок» и курант в виде небольшого кубика из темно-серого камня (помещение 2).

К числу каменных изделий относятся подпятники, свидетельствующие об использовании деревянных дверей. Они найдены в помещении 2 и вблизи прохода между помещениями 3 и 5. Подпятники представляют собой естественные гальки или грубообработанные плоские камни, на верхней плоскости которых имеется небольшое полусферическое углубление.

Четвертую группу каменных предметов составляют массивные грубо обколотые песчаниковые плиты, служившие крышками для хумов. Одна из таких плит обнаружена *in situ* на хуме, вкопанном в суфу помещения 4.

Из белого мраморовидного известняка изготовлен небольшой толстый диск с центральным отверстием. Диаметр диска — 3,4 см, толщина — до 1,5 см. Сохранилась примерно половина диска (табл. VIII, 3).

Очень важная находка — единственная монета с верхнего пола помещения 1. Она плохой сохранности, тем не менее на лицевой стороне частично прослеживается изображение головы правителя влево (табл. XI, 7), выполненное в схематической штриховой манере. Хорошо видна диадема, переданная тремя параллельными линиями, имеющими общий наклон к затылку. Петля у диадемы отсутствует, на затылке свисают два (?) конца, переданных прямыми линиями. Прическа выше диадемы изображена короткими косыми штрихами (наклон вправо). Позади головы помещено относительно крупное и четкое изображение парящей Ники. Левая ее рука вытянута вверх-вперед, в ней венчик без лент. В верхнем секторе монетного кружка (с 10 до 1 часа) сохранился ободок, переданный неровной, неравномерной по толщине тонкой линией. Остальные детали изображения не прослеживаются. Обратная сторона повреждена еще больше. В середине кружка

в общих чертах угадывается изображение сидящего лучника вправо.

Ядро монеты, по-видимому, изготовлено из бронзы, а снаружи она была покрыта тонкой серебряной оболочкой, которая в значительной степени утрачена.

Диаметр монеты — 15,9—17,5 мм, вес — 2,6 г, соотношение осей — 12 часов (по часовому циферблату).

Плохая сохранность монеты и использование приема посеребления затрудняют ее определение²⁹, тем не менее оно возможно. Монета, несомненно, парфянская, так как воспроизводит типичные для аршакидского чекана композиции лицевой и оборотной сторон. Изображение позади головы правителя парящей Ники позволяет определить период ее выпуска. В аршакидском чекане подобная композиция употреблялась, начиная с правления Орода II (около 57—38 гг. до н. э.) до Фраатака (2 г. до н. э.—4 г. н. э.)³⁰. В маргианском чекане изображение двух «Ник» известно для монет, выпускавшихся в начальный период правления Артабана II (ок. 10—38 гг. н. э.)³¹. Все это позволяет относить выпуск этой монеты ко второй половине I в. до н. э. или к первым десятилетиям I в. н. э.

Анализ планировочной структуры, состава находок и их распределения показывает, что раскопанный на холме 10 объект следует рассматривать как жилой дом. Основной жилой блок образуют связанные между собой проходами помещения 1 и 3. Помещение 3 занимает центральное положение, оно самое крупное по размерам: 28,5 м². В нем был установлен всего один хум, бытовых находок мало, среди них подвесной оселок, обычный бытовой предмет парфян-мужчин, и на вершине парадного сосуда. Следов производственной деятельности в этом помещении нет. Помещение 1 также, по-видимому, было местом отдыха и основного времяпрепровождения семьи. Здесь найдено значительное количество обломков тонкой столовой посуды; монета, глиняная печать. Связанное с помещением 3 проходом помещение 5 скорее всего выполняло подсобно-производственные функции. Здесь установлены три хума, причем один стоял посередине помещения, загрождая его. В этом помещении найдены железные орудия труда, крупная маслобойка. Помещение 6 уверенно можно определять как кладовую, оно сплошь заставлено хумами. Подсобные функции, вероятно, вы-

полняло небольшое по размерам помещение 7. Проход в него не обнаружен: он или вообще отсутствовал, или располагался на значительной высоте от пола. Помещение 2 активно использовалось как хозяйственное. Здесь, у стен, судя по сохранившимся сосудам и вырытым для их установки ямам, размещалось не менее пяти хумов. К дому примыкал обширный, возможно, огороженный двор, также использовавшийся для хозяйственной деятельности. Здесь обнаружены ручная мельничная установка, крупные зольники и гумусные слои. Часть двора, обозначенная на плане как помещение 4, вероятно, была перекрыта навесом, под которым размещалась обширная глинобитная суфа. Где-то во дворе размещались очаги для приготовления пищи, так как таковые в помещениях отсутствуют.

Следует отметить, что предлагаемое функциональное определение помещений в значительной мере носит условный характер. По этнографическим данным известно, что строго функционального разделения между помещениями жилого дома часто не существовало. Одно и то же помещение могло использоваться и для приготовления пищи, и для отдыха, и для занятий различной повседневной деятельностью. Следует также принимать во внимание традиционное для Средней Азии выделение михманханы — комнаты для гостей. Возможно, этот обычай уже существовал в парфянское время. В таком случае на подобную роль могло бы претендовать помещение 3. Если в парфянское время существовало другое традиционное деление жилого дома — на мужскую и женскую половины, то помещение 2 в таком случае следует определять как универсальное, предназначенное для отдыха и хозяйственных занятий женщин. Учитывая его изолированность, нельзя полностью исключить возможность определения помещения 2 как жилища одного из женатых сыновей или домашних рабов, если таковые имелись.

При всем обилии возможных вариантов определения функций отдельных помещений, обусловленном ограниченностью наших знаний, не вызывает особых сомнений общее определение раскопанной постройки как жилища одной семьи, ведущей единое хозяйство, количество обитателей которого, возможно, не превышало 20—25 человек³².

Данных для суждений о хозяйственной деятельнос-

ти обитателей раскопанного дома и поселения в целом очень мало. Прочная оседлость, использование значительного количества керамических тарных сосудов, находки землеройных орудий, общая оценка возможностей хозяйственного использования данной местности позволяют предполагать, что основным хозяйственным занятием жителей данного поселения было земледелие, сочетавшееся со скотоводством. Определенную роль в деятельности обитателей дома на холме 10 играли подсобные домашние промыслы. К таковым, несомненно, относилась разнообразная переработка сельскохозяйственных продуктов и, возможно, домашнее приготовление части керамики. По сравнению с обитателями Гарры-Кяриза жители дома на холме 10 выглядят менее зажиточными, а хозяйство их более замкнутым, ориентированным на самообслуживание. Социальный же статус, вероятно, был одинаковым. Гарры-Кяриз и Коша-Хаудан можно рассматривать как поселения свободных парфянских общинников. Раскопанное на холме 10 поселения Коша-Хаудан здание функционировало в I в. н. э. Обоснование этой датировки будет дано ниже в специальном разделе, посвященном хронологии.

Глава II

ЧАКАН-ДЕПЕ

Поселение Чакан-депе¹ находится примерно в 35 км северо-западнее Ашхабада на землях совхоза им. XXII партсъезда Геок-Тепинского района с левой стороны шоссе, соединяющего селения Шоркала и Хурмант-Геокча. Сбор подъемного материала с этого памятника впервые провел в июле 1937 г. краевед С. Шайдуллин по заданию А. А. Марущенко, который на основании этих сборов датировал поселение античным периодом². В 1950 г. во время маршрутной поездки по подгорной полосе Копетдага Чакан-депе обследовал С. А. Ершов, заложивший здесь контрольный шурф. «В шурфе обнаружена кладка стены из кирпича-сырца размерами 45×45×12 см и керамика типа Нисы. Красноглиняная со светлым ангобом»³. Парфянской экспедицией Института истории им. Ш. Батырова этот памятник впервые обследован в 1967 г. Вторично он был осмотрен в 1970 г. При попытке заложить контрольный шурф в

южной части поселения обнаружены ошлакованные стены какого-то крупного помещения, сохранившиеся в высоту более чем на 2 м. В дополнительных сборах подъемного материала, наряду с античной керамикой, отмечено наличие керамики середины I тыс. до н. э.

Памятник представляет собой холм высотой около 5 м, имеющий в плане очертания, близкие к прямоугольным. Углы его округлены, верх плоский, склоны крутые. Размеры холма по подошве 76×69 м, по верху — 28×20 м. Длинная ось ориентирована север—юг. В середине восточного склона располагалась пологая ложина (рис. 4). Поверхность холма почти лишена

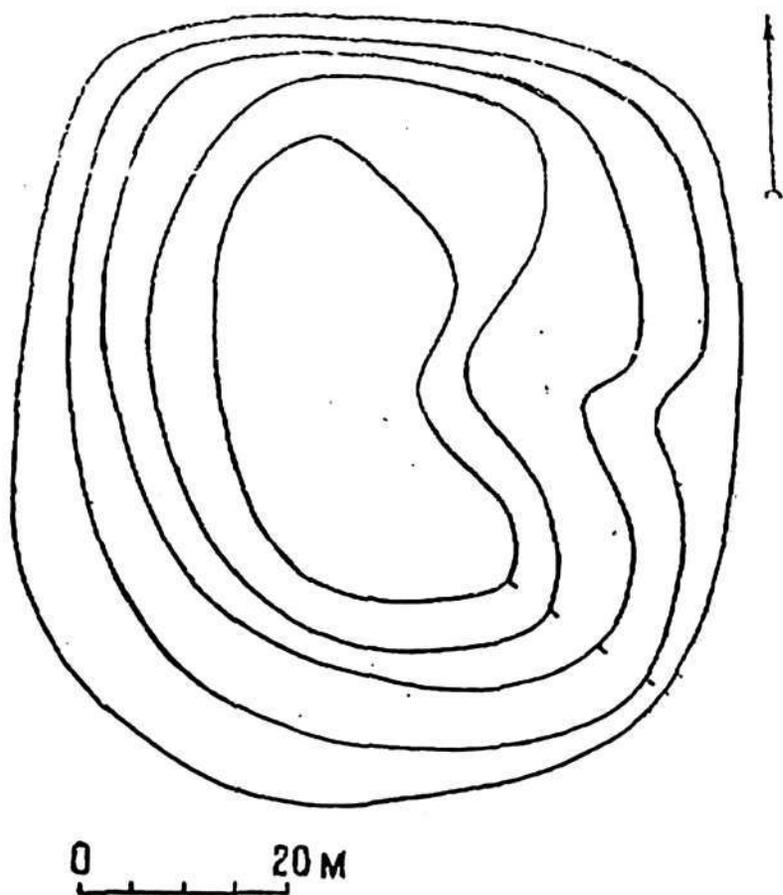

Рис. 4. Чакан-депе. План холма.

растительности, подъемный материал малочисленный.

Четкие геометрические формы холма и результаты контрольного обследования, свидетельствующие о хорошей сохранности архитектуры, послужили причиной

выбора этого памятника в качестве объекта стационарных исследований. Раскопки Чакан-депе проводились в 1976—1980 гг. и завершились практически полным вскрытием остатков верхнего архитектурного сооружения⁴.

На поселении заложено два стратиграфических шурфа, но выявить полную стратиграфию памятника не удалось из-за близкого стояния грунтовых вод. Четко зафиксированы только остатки двух разновременных поселений. Нижние слои холма состоят из остатков поселения эпохи раннего железа. Под стенами верхнего сооружения в нескольких местах отмечены сырцовые стены здания более раннего времени. Некоторые его помещения, помимо глиняной, имеют алебастровую штукатурку. В шурфе в помещении 4 обнаружен водопровод, сооруженный из нанизанных друг на друга терракотовых труб. Керамический материал из этих слоев⁵ в предварительном порядке может быть датирован VI—IV вв. до н. э. При раскопках верхнего здания в завалах иногда встречались фрагменты керамики эпохи энеолита и бронзы. Однако из-за отсутствия полных данных по стратиграфии в настоящее время трудно решить, связаны они с еще более древними культурными слоями или транспортированы на Чакан-депе вместе со строительным материалом. Оплывшие руины верх-

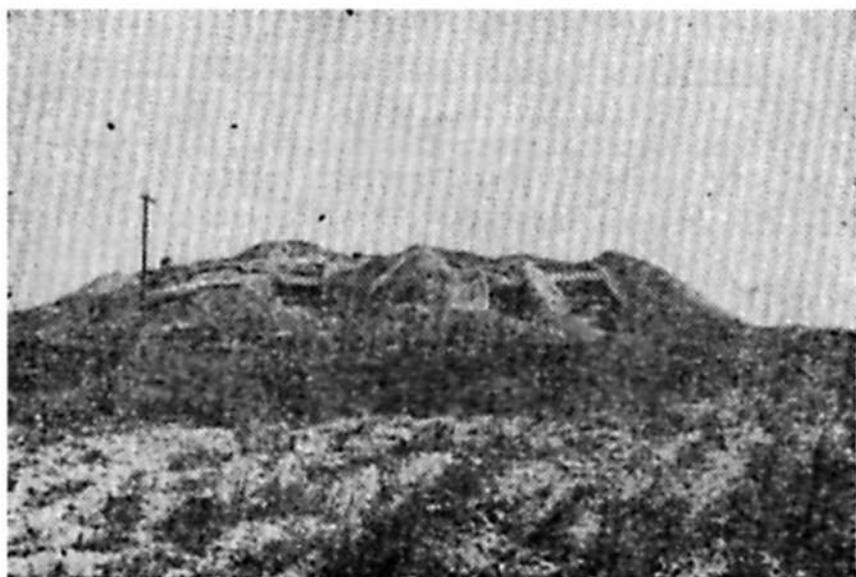

Рис. 5. Чакан-депе. Начальный этап раскопок. Вид с юга.

него здания в позднесредневековый период использовались под кладбище. Погребения, совершенные по мусульманскому обряду, занимали всю верхнюю часть холма.

Основным объектом исследования были остатки здания позднеаршакидского периода, обусловившего современную форму холма (рис. 5). Оно возведено на сильно оплывших руинах более древней постройки. Специальной предварительной нивелировки при строительстве не делали, поэтому основания стен имеют разные высотные отметки, неровности внутри помещений устранены с помощью специальных подсыпок (табл. XII).

Строительство здания, очевидно, осуществлялось по заранее продуманному плану, некоторые отклонения от четких прямоугольных геометрических форм следует связывать с ошибками в процессе реализации первоначального проекта. Раскопками удалось полностью выявить планировку этого сооружения, за исключением внешних плоскостей башен западного фаса, разрушенных процессами дефляции.

Здание строго ориентировано осями по странам света, длинная ось вытянута с севера на юг и вписывается в прямоугольник размерами 56×49 м. Центр сооружения занимал обширный двор, по сторонам которого располагались в один ряд длинные узкие помещения. Снаружи постройка была укреплена десятью мощными прямоугольными башнями (табл. XIII). Эта планировка сооружения с незначительными изменениями сохранилась до конца его существования.

Здание построено из сырцового кирпича квадратной формы. Размеры его преимущественно 40—43×40—43×10—13 см. В некоторых случаях встречается кирпич со стороной до 48 см. Следует также отметить находки блоков, имеющих разную длину сторон, например, 46×43; 43×41 см, большинство кирпичей клейм не имеет, но изредка встречаются метки в виде оттисков кончиков пальцев или одной-двух параллельных борозд. В помещениях 1 и 2 в завале обнаружены обломки прямоугольных кирпичей размерами ?×20—21×9—10 см. На одной их постели имеются ряды глубоких вмятин пальцами. Кирпичи с подобными вмятинами в архитектуре античного периода, в том числе и парфянской, использовались при возведении сводчатых

перекрытий⁶. На отдельных участках отмечено употребление пахсы. Чаще всего она применялась в сочетании с сырцовой кладкой. Чередующиеся ряды пахсы и сырцовых кирпичей зафиксированы при расчистке юго-восточной башни 5 и помещения 4.

Центральную часть постройки занимает обширный двор прямоугольных очертаний. Длина его восточной стороны — 28,2 м, южной — 16, 8 м. В северо-западной его части расположен прямоугольный выдвинутый на запад участок, названный нами айваном (ширина — 6,6 м, глубина — 7,5 м). С юга его оформляет небольшая стенка, перпендикулярно выступающая из западной стены двора. В западной стене айвана находился единственный узкий (1,6 м) вход внутрь здания. Двор заполнен зольно-мусорными слоями, сочетающимися с санитарными лессовыми подсыпками. С самого начала натоптанные глиняные полы были неровными и располагались несколько ниже уровня полов в помещениях (см. табл. XII). В процессе функционирования здания происходило постоянное повышение их уровня. На разных участках двора оно происходило неодновременно. Помимо мусора и подсыпок во дворе отмечено несколько разновременных скоплений средних размеров булыжников (10—20 см в поперечнике)⁷. На разных уровнях во дворе устроены многочисленные заполненные мусором ямы. Они располагались преимущественно у стен двора. Наиболее древние из них размещены главным образом у южной и западной стен. Форма их овальная, прямоугольная с закругленными углами, круглая. Наиболее крупная овальная яма имеет размеры 3,7×3,2 м, прямоугольная — 3,6×2,4 м. Глубина ям — 0,5—1,0 м. Заполнение — рыхлый мусор, иногда с обильными находками бытовой керамики. Ямы вырыты в нижележащих культурных слоях, извлеченный грунт, вероятно, использовался для санитарной подсыпки, благодаря этому на Чакан-депе происходило значительное перемещение материалов из нижних слоев в верхние.

Первоначально двор был свободен от дополнительной застройки. Лишь в средней его части ближе к айвану размещалась трапециевидных очертаний тумба, сложенная из сырцового кирпича и пахсы. Длина тумбы с севера на юг — 3,2 м, ширина — 1,8—2,2 м. Назначение ее из-за плохой сохранности точно не уста-

новлено. Сохранились лишь нижние ряды ее кладки, сверху она перекрыта мусорными отложениями, северо-восточный угол разрушен более поздней ямой. У северной стены айвана в специальном глинобитном футляре было установлено шесть хумов, в которых, вероятно, хранился запас воды (рис. 6). Еще три хума, так-

Рис. 6. Чакан-депе. Хумы в айване.

же в глинобитном футляре-обмазке, стояли у средней части южной стены двора рядом с входом в помещение 5.

Позднее вдоль северной, восточной и южной стен двора появляется дополнительная хозяйственная застройка (табл. XIII). У южной стены, где раньше стояли хумы, возводятся два подсобных помещения. Одно из них неправильных четырехугольных очертаний. Внутри него обнаружено скопление камней, среди которых найден целый верхний камень ручной мельничной установки. Здесь же найден обломок костяной пластинки лука и железный нож. Форма и размеры второго помещения точно не установлены из-за плохой сохранности. Стены подсобных помещений имеют толщину в один кирпич, кладка небрежная. Средняя стена пристройки положена прямо по полуразбитому хуму (рис. 7). Вдоль северной стены двора устроено три подобных помещения площадью 7,5—12 м² (табл. XIII). Среднее из этих помещений практически лишено южной стены, т. е. названо помещением условно, скорее всего, это был

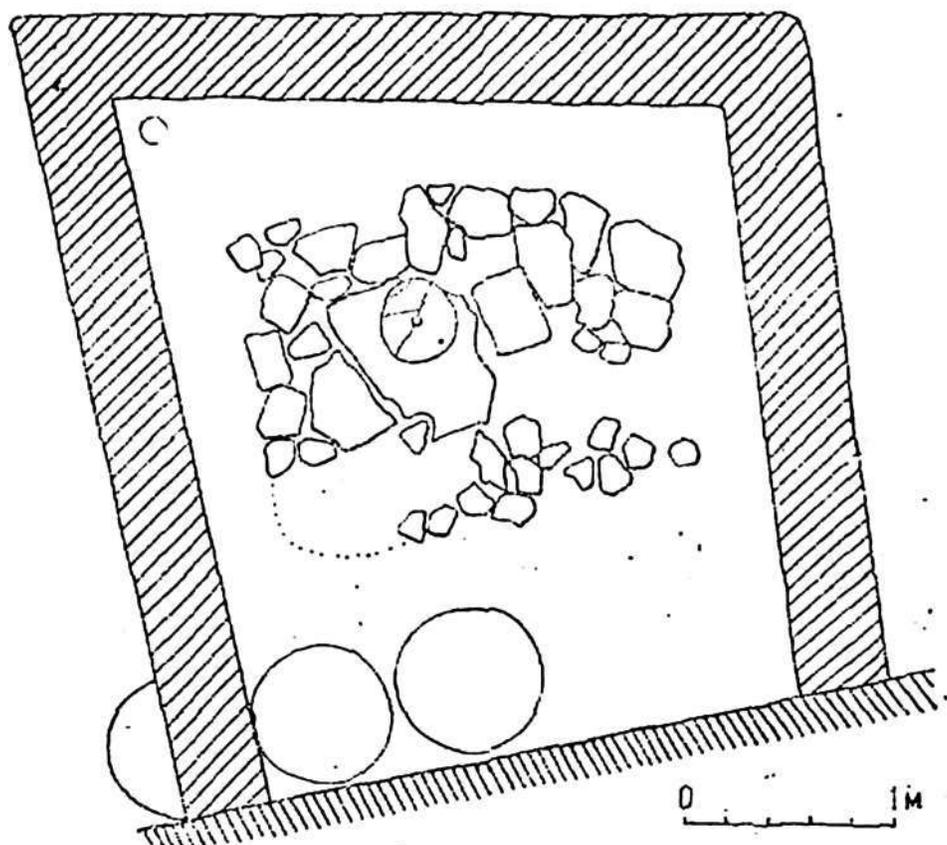

Рис. 7. Чакан-депе. План подсобного помещения у южной стены двора.

навес. Следует отметить, что стены этих пристроек закрывают заложенные выходы из помещений 1 и 2; на этом основании функционирование этих помещений следует связывать лишь с ранними периодами существования постройки. Северо-восточное угловое помещение образовывало подобие тамбура при входе в помещение 3. В этой же части двора у восточной стены построено еще одно вспомогательное помещение площадью около 8 м².

У западной стены двора между айваном и проходом в помещение 6 устроено погребение в ранее накопившихся культурных слоях. Оно совершено в узкой овальных очертаний могильной яме, вытянутой вдоль стены⁸. Костяк лежал в вытянутом положении на спине, головой на север, руки вытянуты вдоль туловища, ноги сомкнуты (табл. XIV). Погребение принадлежит

пожилой женщине европеоидного облика⁹. Череп имеет кольцевую деформацию башенного типа. Справа от головы погребенной положен череп (голова) козленка. В области локтевого сустава правой руки обнаружены гипсовые и керамические пряслица, обломок железного ножа и обломок стеклянного сосуда (табл. XIV). Поверх кисти правой руки лежало бронзовое частично поврежденное зеркало, на шее под нижней челюстью обнаружено нескольких мелких стеклянных бусин. Над этим погребением у западной стены двора сооружена тонкая перпендикулярно расположенная слегка изогнутая стенка, а в самой западной стене устроена ниша с алтарем (?). Сохранилась лишь нижняя часть цилиндрического глиняного ствола диаметром 38 см, обмазанного алебастровой штукатуркой (табл. XIII). В южной плоскости перпендикулярной стенке внизу устроено небольшое углубление, использовавшееся для разведения огня — стена на этом участке сильно закопчена.

Вдоль северного фаса двора размещалось два помещения 1 и 2. Их разделяла сырцовая перемычка, первоначально имевшая толщину 0,6—0,7 м, позднее ее сменила более тонкая перегородка — 42—45 см.

Помещение 1 имеет трапециевидную форму (длина — 7,9—8 м, ширина у западной стены — 2,36, у восточной — 2,65 м). Проход шириной 0,8 м, расположенный в 1,45 м от юго-западного угла, выводил во двор. В помещении обнаружено два уровня полов. С нижним связаны плохо сохранившиеся остатки очага у южной стены. На верхнем полу устроили новый очаг ближе к дверному проему. Он представляет собой невысокое глинобитное возвышение прямоугольной формы (90×50 см), обведенное по краю невысоким (около 10 см) бортиком. Ширина бортика внизу — 10 см, вверху — 8 см. Внутри — обожженная земля и зола. Примыкающий участок стены закопчен и внизу обожжен до красноты. В северо-восточном углу устроена невысокая прямоугольная тумба (размеры — 50×50 см, высота — 15 см). В помещении найдено несколько целых или археологически целых сосудов, в том числе хум, два красноглиняных цилиндрических лепных кувшина и оригинальной формы фляга с двумя ручками. В восточной части помещения найдены два жернова, один целый у очага и половинка второго в северо-западном углу. В средней части помещения

рядом с остатками раннего очага обнаружен железный наконечник стрелы. Все находки происходят из рыхлого культурного слоя толщиной 30—40 см, перекрывающего верхний уровень пола. Выше помещение заполнено сырцовым завалом.

Помещение 2 расположено к востоку от первого. Длина его северной стены — 6,45 м, южной — 6,6 м, западной и восточной — 2,7 м. Вход находится в 4,6 м от юго-восточного угла. Ширина проема — 0,9 м. Как и в помещении 1 стены оштукатурены глиной без самана. У середины южной стены обнаружены плохо сохранившиеся остатки очага. В северной стене почти напротив входа низко над полом имеется небольшая неправильных очертаний ниша.

Помещение 3 расположено с восточной стороны двора напротив айвана. Длина помещения — 18,2 м, ширина в южной части — 3,5 м, на севере оно сужается до 3,36 м. Оно имеет два прохода. Один соединял его со двором, с помощью второго оно сообщалось с помещением 8. В наиболее хорошо сохранившейся северной половине помещения высота стен достигает 2,7 м. Нижний уровень пола находится на отметке 300—318 см от репера. Над ним располагаются многочисленные зольно-гумусные и глиняные прослойки, достигающие общей толщины 1,3 м. Количество прослоек в разных частях помещения разное. В северной его половине в районе расположения очагов их не менее 9, а в южной — не более 5, и они здесь более тонкие. Специально выведенных (намазанных или вымощенных) полов в помещении нет. Культурный слой рос постепенно за счет накопления мусора и золы, особенно вокруг очагов, иногда проводились санитарные и нивелировочные засыпки отдельных участков пола чистым лессом. Хозяйственное назначение помещения не вызывает сомнения, на разных уровнях здесь зафиксированы остатки нескольких очагов, обнаружены также скопления пепла от разрушенных очагов и следы воздействия огня на стенах. На верхнем полу обнаружено два очага. Один из них прямоугольной формы, второй — круглый в плане (рис. 8). Прямоугольный очаг вблизи северо-восточного угла помещения представлял собой глинобитную невысокую площадку размерами 80×75 см, по краю которой на высо-

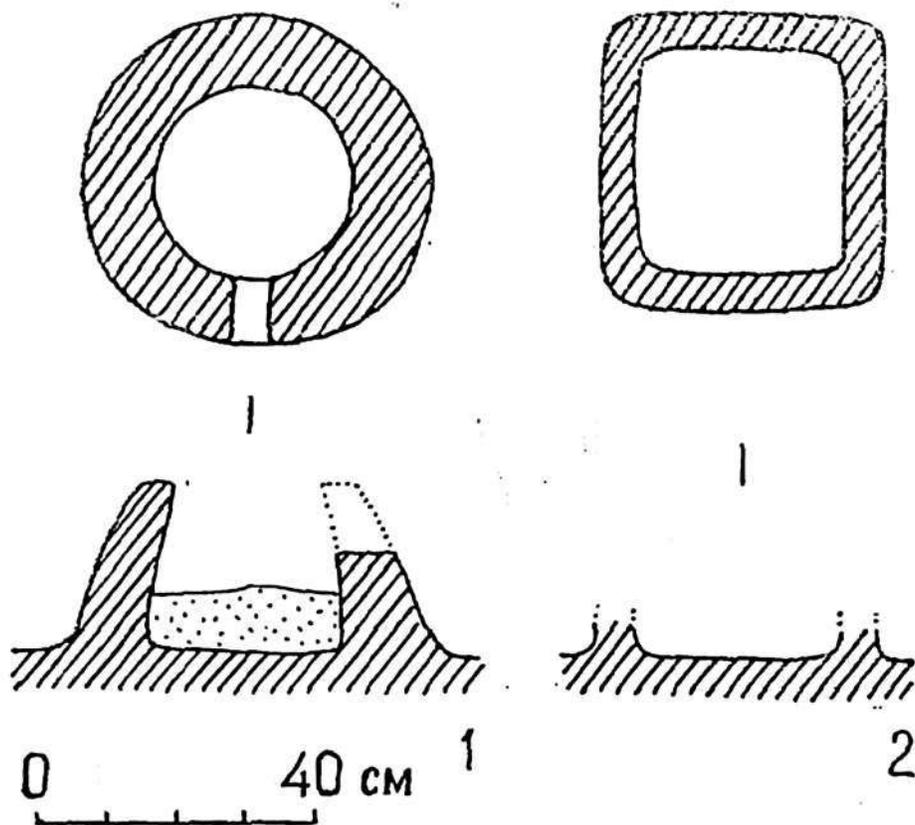

Рис. 8. Чакан-депе. Помещение 3. Очаги.

те до 5 см сохранился бортик шириной 8—10 см. Бортик, очевидно, изначально был невысоким. Дно очага ровное. При раскопках внутри очага обнаружен пепел. Второй очаг расположен у западной стены рядом со входом. Он круглый в плане, максимальный внутренний диаметр — 53—57 см. Стенки его внизу имеют толщину 20—25 см, сверху — около 10 см. Стенки плавно загibaются внутрь, уменьшая диаметр вверху очага почти наполовину. Сохранившаяся их высота — 60 см. Стенки очага дважды были обмазаны глиняной штукатуркой с саманом. Изнутри они также тщательно заглажены и обожжены до красноты. С юго-восточной стороны внизу устроено небольшое отверстие — поддувало. По внешнему виду очаг очень напоминает современные туркменские тандыры. В северной части помещения у восточной стены первоначально была устроена зерновая (?) яма¹⁰. Позднее над ней был построен наземный закром, сложенный преимущественно из обломков сырцового кирпича (прямоуголь-

ные очертания 4,5×2 м по внешним обмерам). Толщина стен—60—70 см, сохранившаяся высота от нижнего пола — 64 см, внутри он был углублен. Закром разделяется массивной перемычкой на два отсека. Заполнение рыхлое с небольшим количеством фрагментов керамики и костей животных. Южнее закрома располагалась небольшая неправильных очертаний «кладовка», в отличие от закрома она имеет входной проем шириной 0,5 м. Еще далее к югу вдоль стены на нижнем полу устроена прямоугольная (95×110 см) сырцовая тумба высотой 0,8 м.

Находки в этом помещении также подтверждают его хозяйственное назначение или во всяком случае присутствие в нем женщин. Около очагов на нижнем полу найдена целая хорошо сохранившаяся костяная шпилька с навершием в виде резной шишки. Здесь же найден бронзовый стержень с фигурным навершием. В южной части помещения на втором снизу полу найдено скопление стеклянных бус, в северной — еще две бусины: одна — из серого камня, вторая — лазуритовая. В помещении 3 найдены также два керамических и одно алебастровое пряслица, обломки оселков и точильных камней, значительное количество жерновов и битой керамики. Важную группу находок составляют три бронзовых монеты, найденные на разных уровнях.

Помещение 4 также расположено с восточной стороны двора к югу от помещения 3 (длина его — 17,5 м, ширина плавно увеличивается с юга на север— 2,95—3,6 м). Стена, разделяющая помещения 3 и 4, имеет ширину 1,3 м, она глухая. Единственный проход, выводящий во двор, расположен в западной стене в 5,5 м от юго-западного угла (ширина — 0,8 м). Проход снабжен порогом высотой 55 см. Рядом с порогом в перемещенном состоянии обнаружен каменный подпятник. Напротив входа у восточной стены располагалась суфа (ширина — 1,4 м, длина — 2,4, высота — около 0,5 м). У западной стены, на участке, примыкающем к юго-западному углу, стояли частично вкопанные в пол четыре хума. Верхние части хумов разбиты, но их обломки найдены в этом же помещении. Это свидетельствует о том, что хумы использовались во все периоды функционирования помещения, или были врыты на поздних этапах. Из находок заслуживают упоминания оселок, обломки жерновов и археологиче-

ски целый красный лепной с цилиндрическим туловом кувшин, обломки которого собраны в разных частях помещения.

Помещение 5 полностью занимает южный фас двора (длина — 16,5 м, ширина — 3,8—3,87 м). Заполнение — сырцовый завал, в восточной половине помещения отмечено большое количество золы и стены здесь обожжены до клинкерного состояния. История этого помещения восстанавливается в следующем виде. Первоначальный период его использования как жилого был недолг. Затем оно, вероятно, использовалось как дровяной склад. После сильного пожара оно полностью забрасывается и в последующий период функционирования не эксплуатируется, единственный проход во двор закладывается сырцовым кирпичом.

Помещение 6 — самое большое, целиком занимающее весь западный фас двора (длина — 25,3 м, ширина на юге — 3 м, в середине — 3,2, на севере — 2,9 м). Единственный проход расположен в восточной стене в 10,5 м от юго-восточного угла, ширина его — 1 м. Заполнение помещения составляет в основном рыхлый завал. Нижний уровень пола имеет отметку 221 см ниже репера, выше — еще три зольно-гумусные прослойки, фиксирующие промежуточные уровни полов. Стационарных очагов в помещении нет, но во дворе справа от входа обнаружена огромная зольная линза, явно связанная с этим помещением. Вероятно, его обогрев осуществлялся с помощью каких-то переносных устройств. В помещении найдена преимущественно фрагментированная керамика, обломок жернова, железная пряжка, пирамидальное терракотовое грузило и алебастровый «шар».

Помещение 7 занимает северо-западный угол постройки. Оно расположено на башне № 1 и уровень его основания имеет отметку 100 см от репера, что на 1,35 м выше, чем уровень нижнего пола в соседнем помещении 1. Высокое расположение помещения сказалось на его сохранности. Удалось рассчитать только юго-восточный его угол. Южная стена сохранилась на участке длиной 3,9 м, восточная — 6,65 м. Размеры помещения на плане реконструированы условно. Вход не обнаружен, но поскольку стена, разделяющая его с помещением 1, глухая, наиболее вероятное место его

расположения — западная часть северной стены айвана. В помещении выявлено два уровня полов. С нижним, расположенным непосредственно на кладке башни, связан 10-сантиметровый культурный слой, выше отмечен частично сохранившийся пол с алебастровой промазкой, такую же обмазку имеют и стены помещения. По всей вероятности, со вторым полом связано разделение помещения на четыре отсека неширокими крестообразно расположенными стенками (толщина — 30 см). Относительно полно сохранился только юго-восточный отсек, имеющий в плане очертания неправильного четырехугольника (длина — 3,8 м, ширина на юге — около 1,8, на севере — 2,25 м). Южная часть западной стены разрушена и здесь можно предполагать наличие входного проема. Северная стена на востоке упирается в хум, к моменту раскопок уже разбитый. Этот участок поврежден впускным погребением и осталось неясным, заложен ли хум перемычкой, как это имело место в южном подсобном помещении двора, или, напротив, хум был установлен позднее и частично разрушил уже существовавшую перегородку. С нижним полом в этом помещении связаны две ценные находки — в щели между кирпичами верхнего ряда кладки башни обнаружена гипсовая голова идола. Из зольной линзы извлечена бронзовая монета¹¹. На верхнем полу найдена еще одна бронзовая монета, железный кинжал, несколько пряслиц, бусин, обломки жерновов и миниатюрный сосудик в форме плода граната.

Помещение 8 расположено к северу от помещения 3 и так же, как помещение 7, размещается на верху башни (см. рис. 17). Отметка его пола — 100 см. Разница между полами помещений 3 и 8 — 1,55 м. Для подъема в помещение 8 в северной части помещения 3 из целых и поломанных кирпичей грубо сложена лестница. Ширина прохода, соединяющего эти помещения, — 74 см. Точные размеры помещения 8 неизвестны, т. к. его пол сохранился только в юго-западном углу, на участке площадью около 8 м². Восточнее входа в помещение обнаружена прямоугольных очертаний яма размерами 1,2×0,8 м, глубиной 1,2 м, относящаяся к первичным сооружениям, она не вырублена, а выложена в массиве кладки башни. Заполнение ямы рыхлое с небольшим количеством костей животных и фрагментов керамики. На сохранившейся части пола

помещения найдено два целых диска жерновов и несколько разбитых сосудов. Вблизи входного проема обнаружен каменный подпятник.

Внешние стены постройки по толщине практически не отличаются от внутренних (1,8—2,4 м), но усилены мощными, часто расположенными башнями прямоугольной формы (см. табл. XIII). Башня 1² выступала на север на 7,6 м, ширина ее — 10,8 м. На ее вершине, как отмечалось выше, располагалось помещение 7. Башня 2 выступала за линию стен на 7,5—7 м, ширина ее — 6,7 м. На ее вершине следы каких-либо помещений отсутствуют. Башня 3, занимающая северо-восточный угол постройки, имеет форму прямоугольника размером 16×12,5 м. На ней располагалось помещение 8. Башни 4 и 5 примерно одинаковы по размерам, ширина — около 10 м, выступание за линию стен — примерно 9 м. Никаких внутрибашенных помещений на них не обнаружено, хотя по сохранившейся высоте они не уступают башням северного фаса. Башня 6 по форме и размерам соответствует башне 3, но помещений на ее верху нет. Башня 7 имеет размеры 6,3×7,5 м. Башня 8 сохранилась не полностью и размеры ее реконструированы. Длина южной ее плоскости ориентировочно составляла 18 м, западной — 14,5 м, выступание за линию стен — около 7,5 м. У башни 9 точно установлена только ширина — 8 м, выступание за линию стен по образцу остальных башен — 7,5 м. Башня 10 располагалась к северу от входа (ширина — 4,8 м). Не исключено, что западная ее оконечность загибалась к югу, прикрывая вход. Межбашенные промежутки на Чакан-депе небольшие—3,3—4,5 м, исключение составляет лишь куртина между башнями 9 и 10, равная 12 м. Все башни сложены вперевязку с внешней стеной здания. С севера и востока склоны холма сложены завалами и оплывами, с юга и с запада их подстилают небольшие мусорные прослойки, возможно, свидетельствующие о том, что здесь к зданию примыкал обширный хозяйственный двор.

По архитектурной композиции Чакан-депе относится к числу построек с центральным двором в обводе одного ряда помещений¹³. Широкое распространение подобных построек на Ближнем и Среднем Востоке в различные исторические эпохи, очевидно, обусловлено климатическими особенностями аридной зоны. Этот ар-

хитектурный тип хорошо известен для Южного Туркменистана античной эпохи. К нему относится Большой квадратный дом («сокровищница») Старой Нисы¹⁴, парфянская постройка на поселении Коша-депе у Бабадурмаза¹⁵, жилые дома 3 и 7 на поселении Гарры-Кяриз¹⁶. Чакан-депе, следуя этой традиции, отличается гипертрофированной системой обороны, что, вероятно, обусловлено назначением этого сооружения.

При попытке архитектурной реконструкции былого внешнего вида Чакан-депе следует исходить из того, что постройки парфянского времени отличались большой высотой своих потолков, не менее 3—4 м¹⁷. Это устанавливается и по данным Чакан-депе. Во-первых, местами стены его сохранились на высоту до 2,7 м, но не имеют следов гнезд для балок перекрытия или пят свода. Во-вторых, в помещении 3 обнаружен вход в помещение 8, расположенный на высоте 1,55 м от нижнего пола первого. Определив минимальную высоту входного проема в 1,5 м, мы получили для помещения 3 высоту потолка не менее 3 м. На значительную высоту стен Чакан-депе указывают также мощные завалы и оплывы, образовавшиеся в период его разрушения. Все это дает возможность определять первоначальную высоту стен Чакан-депе примерно в 3,5—4 м. Перекрытия, по-видимому, были плоскими, так как даже на наиболее хорошо сохранившихся участках стен следы выведения сводов отсутствуют. Исключение могли составлять помещения 1 и 2, в которых обнаружены прямоугольные кирпичи с вмятинами, обычно употреблявшиеся для этих целей. Окон на Чакан-депе не было (по крайней мере в помещениях первого этажа). Освещение и вентиляция, вероятно, осуществлялись через дверные проемы и специальные люки, устроенные в перекрытиях. Двери, судя по находкам подпятников, были деревянные, одностворчатые. Доступ в здание, по-видимому, закрывали более мощные двухстворчатые ворота. Башни 1 и 3 на втором ярусе имели помещения, поэтому их общую высоту следует определять не менее чем 7 м. На остальных башнях, несмотря на значительную сохранившуюся высоту, остатков помещений не обнаружено. Поэтому на реконструкции мы предлагаем для них высоту, равную высоте помещений, т. к. при большей их высоте стало бы затруднительным передвижение по крыше во вре-

мя обороны и повседневного ее использования. По краю стен и башен следует предполагать наличие сплошного парапета высотой 1—1,2 м с прорезями для удобства стрельбы из лука. С запада и юга к зданию, вероятно, примыкал обширный огороженный двор, где размещались дополнительные подсобные постройки, домашние животные и повозки. В целом Чакан-депе представлял собой капитальное и очень живописное архитектурное сооружение, состоящее из разновысоких кубовидных объемов (табл. XV).

НАХОДКИ

Изделия из терракоты

Как на большинстве других поселений парфянского времени наиболее многочисленную группу находок составляет керамика. В фактурно-технологическом отношении можно выделить четыре группы:

1. Круговая керамика с красно-коричневым в изломе черепком. Это самая многочисленная группа. Характерная особенность многих чакановских сосудов — небольшая примесь в тесте мелкозернистого кварцевого песка и редких, но довольно крупных, частиц гипса. Эти примеси, вероятно, являются естественными, характерными для использовавшегося месторождения глины, но, с другой стороны, они свидетельствуют о недостаточно тщательной обработке исходного сырья. Черепок обожженных сосудов имеет в изломе оттенки красного и коричневого тонов, очень редко — серо-желтого. Наиболее часто встречаются изделия с коричневым и красно-коричневым черепком. Внешняя поверхность во многих случаях заглаживалась тряпочкой, смоченной в том же глиняном растворе. В зависимости от режима обжига она сохраняла цвет черепка или приобретала серо-желтый оттенок. В отдельных случаях черепок и внешняя поверхность имеют сизый оттенок. Довольно часто поверхности сосудов окрашены неравномерно, на отдельных участках наблюдается плавный переход от красно-коричневого к серо-желтому или светло-серому. У некоторых изделий внешняя поверхность шелушится — верхняя беловатая

тонкая пленка легко отлетает и под ней обнажается матовая коричневая поверхность. На круге изготовлялись различные виды горшковидных и кувшинообразных сосудов, фляги.

2. Лепная керамика с красно-коричневым в изломе черепком. Фактура этих изделий такая же, как у предыдущей группы. Следует отметить, что технику изготовления по мелким фрагментам удастся проследить далеко не у всех сосудов. Некоторые из них, возможно, первоначально лепились вручную, а затем подправлялись на гончарном круге. Отмечено и обратное явление: части некоторых крупных сосудов первоначально в виде отдельных блоков формовались на гончарном круге, а затем монтировались вручную, при этом следы круговой обработки почти полностью уничтожались. К числу лепных изделий относятся хумы и некоторые виды горшков и кувшинов.

3. Огнеупорная (кухонная) керамика со специальными отошающими добавками в глиняном тесте. С этой целью на Чакан-депе использован преимущественно кристаллический гипс, раздробленный на частицы размерами 1—3 мм. Черепок в изломе серо-коричневый, иногда обожженный до черноты. Во многих случаях, это, вероятно, следствие последующего воздействия огня при приготовлении пищи. На Чакан-депе отмечено изготовление кухонной керамики как вручную, так и на гончарном круге, преобладают изделия первого вида.

4. Керамика с плотным красно-коричневым черепком, изготовленная на гончарном круге. В особую группу выделена по технике обработки внешней поверхности. Она имеет сплошное полосчатое лощение. Иногда оно гладкое, но чаще использовалось лощило с неровной рабочей поверхностью и на поверхности сосуда оставались неглубокие борозды, придающие этим изделиям своеобразный вид. Поверхность сосудов обычно красно-коричневого цвета, но часто из-за неравномерного обжига на ней имеются более темные, иногда черные, пятна.

Описанные фактурно-технологические группы в количественном отношении неравнозначны. Подавляющее большинство керамики относится к первой и второй группам, на долю третьей приходится около 11%, изделия четвертой группы составляют менее 1%.

При классификации по форме среди керамики Чакан-депе выделяются хумы, различные по форме и размерам горшкообразные сосуды, кувшиновидные изделия, фляги и крайне малочисленные изделия открытого типа — чаши и тазы.

1. Хумы Чакана относятся к числу наиболее стройных изделий подобного рода. Их уже нельзя назвать яйцевидными как хумы раннеаршакидского периода. Они необычайно вытянуты по вертикали. Соотношение наибольшего диаметра тулова к высоте приближается 1:2. Горловины отсутствуют, венчики наклонены внутрь. Плечики, как правило, пологие, диаметр донца примерно в два раза меньше диаметра венчика (табл. XVI). Наиболее широкая часть находится выше половины высоты: Хумы Чакан-депе однотипны как по форме, так и по размерам. Основная масса венчиков имеет диаметр 30—50 см, встречаются отдельные экземпляры диаметром 20—25 см, возможно, принадлежащие хумчам, обычный размер донец в диаметре — 20—25 см, в очень редких случаях — 30 см. Целые хумы имеют высоту 1,2—1,3 м, наибольший диаметр тулова — 65—75 см, внутренний диаметр венчика — 32—45 см, диаметр донца — 18—22 см (и только в двух случаях — 28 и 34 см).

Среди венчиков по форме выделяется пять основных типов: 1) удлиненные валики, отделенные от остальной части тулова ложбинкой; 2) более массивные валики, не имеющие разделительной ложбины; 3) подтреугольные в сечении, со скошенной наружу верхней плоскостью; 4) «манжетовидные», в виде сильно удлиненных выступающих наружу валиков, иногда отделенных от остальной части хума ложбинкой; 5) в виде скругленного края стенки, выделенного небольшим изгибом (табл. XVII).

Хумы Чакана лепные. Они монтировались из отдельных колец. Обычно изготовлялось 5—6 колец. Иногда они плохо стыковались и на тулове хумов образовывались выпуклости и перехваты, искажающие их форму.

2. Хумчи. Как отмечалось, диаметр некоторых венчиков хумов значительно меньше обычного—22—25 см, что, возможно, указывает на их принадлежность небольшим тарным сосудам этого вида (хумчам). Однако на Чакан-депе имеются венчики толсто-

стенных сосудов, определенно принадлежащие хумчам. Они почти стандартны по форме и размерам. Это — манжетовидные венчики, близкие по форме к четвертому типу венчиков хумов, но отличающиеся от них значительно меньшим внутренним диаметром (18—23 см) и часто более крутым загибом внутрь (табл. XVI, 2; XVII). Часть этих изделий изготовлена на гончарном круге, часть — лепная.

Корчаги. Это крупные (высота — 40—80 см) горшкообразные сосуды, предназначенные для хранения жидких и сыпучих тел. От хумов и хумчей они отличаются в целом меньшими размерами, более тонкими стенками, отворотом венчика наружу и пропорциями. Корчаги изготавливались из отдельных блоков, обычно двух. Имеются фрагменты, на которых хорошо виден стык двух изготовленных на круге блоков. Выделяется несколько типов корчаг.

3. Широкодонные корчаги. Это изделия с плавно отогнутым наружу венчиком, пологими плечиками и конусовидно сужающейся к широкому дну нижней частью тулова. Наибольший диаметр тулова расположен несколько выше середины высоты. Диаметр венчика этих сосудов обычно около 20 см, диаметр дна — 25—30 см, высота — 50—80 см (табл. XVIII, 3). Изготавливались они отдельными блоками на гончарном круге. Многие изделия данного типа несколько ниже шейки украшены несложным орнаментом из наколок двузубчатой палочкой (табл. XIX).

4. Корчаги с яйцевидной формой тулова. Как следует из названия, для них характерно тулово, напоминающее яйцо, обращенное узким концом вниз. Плавно отогнутый наружу венчик образует невысокую горловину (диаметр его — 16—20, диаметр плоского дна — 20—24 см). Высота сосуда — около 60 см, наибольший диаметр тулова — около 45 см (табл. XVIII, 4).

5. Маслобойки по морфологии не отличаются от корчаг с яйцевидным туловом. Выделяются они только по целым изделиям и крупным фрагментам верхней части тулова. Специфическая их особенность — дугообразная горизонтально прикрепленная к плечу ручка, рядом с которой обычно располагается отверстие, сделанное еще до обжига¹⁶ (табл. XVIII, 2).

6. Корчаги с биконической формой ту-

лова. Плечики длинные, пологие, слабовыпуклые, несколько ниже середины высоты круто переходят в почти коническую нижнюю часть тулова. Плавно отогнутый наружу венчик образует низкую горловину, дно плоское, равное по диаметру венчику. Найден один целый сосуд (высота — 38 см, наибольший диаметр тулова — 31 см, диаметр венчика и дна — 13 см)¹⁹ (табл. XVIII, 1).

Горшкообразные сосуды средних и малых размеров

7. Широкогорлые горшки с носиком. Короткий, обычно округленный, венчик плавно отогнут наружу. Бочковидное (равномерно выпуклое) приземистое тулово, широкое плоское дно. К плечу сосуда вертикально прикреплена дугообразная ручка, напротив нее — цилиндрический носик. Целый сосуд имеет высоту 26 см, наибольший диаметр тулова — 29 см, диаметр венчика — 23, дна — 19 см (табл. XX, 3). По форме венчика и носика можно выделить несколько разновидностей. У некоторых изделий данного типа встречаются приостренные и круто отогнутые венчики. Наряду с длинными слегка коническими носиками встречаются, причем гораздо чаще, короткие цилиндрические. Один из найденных носиков снабжен двумя рогообразными наклепками²⁰.

8. Широкогорлые горшки с двумя ручками по форме практически не отличаются от предыдущего типа, но вместо носика с противоположной стороны у них расположена вторая ручка (табл. XX, 7). Размеры целого сосуда: высота—26,5 см, наибольший диаметр тулова — 28, диаметр венчика — 15,4, диаметр дна — 16 см. Горшки этих двух типов выделяются некоторой массивностью стенок.

9. Горшки с одной ручкой. Редкая форма. Представлена одним археологически целым сосудом и двумя фрагментами венчиков. Для них характерен сильно отогнутый наружу венчик, бочковидное несколько сужающееся книзу тулово и горизонтальная желобчатая ручка, прикрепленная к верхней половине тулова. Размеры целого сосуда: высота — 13,2 см, наибольший диаметр тулова — 15, диаметр венчика — 16,4, диаметр дна — 8,4 см (табл. XX, 1).

10. Широкогорлые тонкостенные горшки без ручек имеют низкую слабо выраженную

горловину, иногда цилиндрическую, но чаще воронкообразную. Венчик обычно подтреугольных очертаний, реже округленный, приостренный или манжетовидный, тулово сильно раздутое, бочковидной формы, диаметр плоского дна несколько больше диаметра венчика. Размеры целого сосуда: высота и наибольший диаметр тулова — 28 см, диаметры венчика и дна — 16 см. Тип многочисленный, форма стандартизирована. Диаметр венчика — 12—17 см (табл. XXI, 8).

11. Горшки с каплевидным туловом. Венчик подтреугольный или манжетовидный (такой же формы, как у вышеописанного типа). Ниже начинаются пологие длинные плечики, переходящие в округлую нижнюю часть тулова. Наибольший диаметр тулова расположен ниже середины высот. Плоское дно по диаметру меньше венчика. Размеры одного из целых сосудов: высота — 25 см, наибольший диаметр тулова — 17,6, диаметр венчика — 12, диаметр дна — 8,4 см (табл. XXI, 2—4).

12. Горшки с бочковидным туловом — это небольшие сосуды с плавно отогнутым наружу простым (округлым) венчиком, равномерно округлыми стенками, несколько сужающимися к плоскому донцу (высота — 27,8 см, наибольший диаметр тулова — 27, диаметр венчика — 13, диаметр дна — 18 см) (табл. XXII, 11).

13. Горшки с шаровидным туловом. Короткий скругленный венчик плавно отогнут наружу, шаровидное тулово заканчивается плоским дном, несколько меньшим по диаметру, чем венчик. Размеры археологически целого сосуда: высота — 18 см, наибольший диаметр тулова — 21, диаметр венчика — 14, диаметр дна — 9 см (табл. XXIII, 15). Сосуд изготовлен из теста с примесью карбоната. Следует предполагать, что большинство остальных кухонных горшков имело аналогичную форму. По форме венчика можно выделить подтипы с подтреугольным (табл. XXIII, 10, 19) и круто отогнутым венчиком (табл. XXIII, 9). Диаметр венчиков этих горшков преимущественно 16—23 см. Один венчик имеет диаметр 30 см. Как подтип следует рассматривать также миниатюрные кухонные горшочки с диаметром венчика 11—12 см. От основной массы горшков с шаровидным туловом они отличаются только размерами (табл. XXIII, 3—5).

14. Кухонные горшки с ручкой. Редкая форма. Имеются лишь две округлые в сечении ручки с характерной для кухонной керамики фактурой. Судя по сохранившемуся фрагменту, эти горшки имели почти цилиндрическую короткую горловину, переходящую в крутые плечики сильно раздутого тулова. Диаметр венчика — 11,4 см. Ручка вертикально прикреплена к плечу (табл. XXIII, 2). Полностью форма не восстанавливается.

15. Кухонные горшки с цилиндрическим носиком. В коллекции имеется лишь один короткий цилиндрический носик из теста с примесью кальцита (табл. XXIII, 8). По форме горшок, вероятно, был близок к двум вышеописанным типам.

16. Миниатюрные горшки. Археологически целый горшок этого типа имеет короткий сильно отогнутый наружу венчик и широкое приземистое тулово с пологими плечиками. Высота — 10,6 см, наибольший диаметр тулова — 13, диаметр венчика — 9, диаметр дна — 8,3 см (табл. XXII, 3). Стенки сосуда относительно толстые, он лепной, наружная поверхность подправлена срезами.

Кувшиновидные изделия

17. Большие кувшины с бочковидным или яйцевидным туловом. Первые из них имеют невысокую цилиндрическую или раструбообразную горловину, плавно переходящую в бочковидное удлиненное тулово. Диаметр плоского дна почти равен венчику. Вертикальная округлая в сечении ручка прикреплена к верхней части плечика или к горловине и плечу (табл. XXIV, 1). Размеры одного из целых сосудов с бочковидным туловом: высота — 47,5 см, наибольший диаметр тулова — 37,2, диаметр венчика — 12,8, диаметр дна — 17,5 см.

Близки к ним по форме и размерам кувшины с яйцевидным туловом. Помимо иной конфигурации тулова целый экземпляр этого типа имеет более высокую горловину, но это может быть результатом индивидуальной вариабельности. Размеры целого сосуда: высота — 40 см, наибольший диаметр тулова — 29,5, диаметр венчика — 12, диаметр дна — 19 см (табл. XXIV, 3).

18. Большие широкодонные кувшины. Небольшая раструбообразная горловина плавно пере-

ходит в крутые плечики объемистого тулова, нижняя часть которого конусовидная и заканчивается широким плоским дном. Круглая в сечении ручка прикрепляется к шейке и плечу. Размеры целого сосуда: высота — 38 см, наибольший диаметр тулова — 28, диаметр горла — 11, диаметр дна — 18 см (табл. XXIV, 2).

19. Небольшие широкодонные кувшины. По форме полностью копируют предыдущий тип, но отличаются значительно меньшими размерами.

20. Крупные кувшины с каплевидным туловом. Невысокая раструбообразная горловина довольно круто переходит в удлиненное каплевидное тулово. Диаметр венчика меньше диаметра дна. Желобчатая (фасолевидная в сечении) ручка крепится к горловине и плечу. На шейке часто имеется слабо выраженный валик. Венчики скругленные, уплощенные, подтреугольные, манжетовидные (табл. XXV, 1, 4).

У некоторых изделий этого типа форма тулова приближается к бочковидной.

Все сосуды этого типа изготовлены на гончарном круге, внешняя сторона дна также обработана на круге. Размеры одного из целых сосудов: высота — 36 см, наибольший диаметр тулова — 28,5, диаметр венчика — 12, диаметр дна — 14 см.

21. Небольшие кувшины с каплевидным туловом. От предыдущего типа они отличаются не только меньшими размерами, но и некоторыми морфологическими особенностями. Судя по целому экземпляру, шейка у них менее выраженная, тулово более удлиненное (табл. XXVI, 20). Общий абрис сосуда близок к горшкам с каплевидным туловом (тип 11). Размеры описанного сосуда: высота — 24,2 см, наибольший диаметр тулова — 16,5, диаметр венчика — 10, диаметр дна — 8,4 см. Венчик данного сосуда образован простым скруглением стенки, дно слегка выпуклое. Изготовлен на гончарном круге, донце подправлено на медленно вращающемся круге в перевернутом виде.

22. Кувшины с бутyleвидным туловом — это высокие узкие сосуды со слегка отогнутым наружу утолщенным венчиком, горловина плавно переходит в пологие плечики. Наибольший диаметр тулова незначительно превышает диаметр дна. Размеры целого сосуда: высота — 33 см, наибольший диаметр

тулова — 13 см, диаметр венчика—9, диаметр дна — 11,4 см (табл. XXVII, 3). Некоторые кувшины этого и других узкогорлых типов имеют слив, образованный деформацией венчика (табл. XXVIII, 2, 14).

23. Кувшины с цилиндрическим туловом. Высокая узкая горловина сверху имеет раструбообразные очертания, внизу — цилиндрические. Короткие крутые плечики резко переходят в длинное узкое цилиндрическое тулово, заканчивающееся плоским донцем. Дугообразная круглая в сечении ручка соединяет верхнюю часть горловины с плечиком. Размеры одного из целых сосудов: высота — 33,3 см, диаметр тулова — 10,4, диаметр венчика — 9, диаметр дна — 9 см (табл. XXVII, 2). Известно всего четыре сосуда— три археологически целых и один во фрагментах. Сосуды отличаются большой массивностью стенок, значительно сокращающей и без того малую емкость резервуара. Все они лепные. Техника изготовления хорошо прослеживается по сосуду, найденному в помещении 4, внутренняя поверхность которого осталась незаглаженной. Применена техника кольцевого налепа. Внешняя поверхность была подправлена (обстругана) ножом, заглажена и залощена.

24. Узкогорлые кувшины с яйцевидным туловом. Форма реконструирована. Яйцевидное тулово венчает небольшая цилиндрическая (?) горловина. Примерные размеры сосудов: высота — 25—26 см, наибольший диаметр тулова — 17—18, диаметр венчика — около 5—6, диаметр дна — 8,6 см. Вокруг шейки пунктирный орнамент (см. табл. XXII, 9).

25. Узкогорлые кувшины с шаровидным туловом. Представлены несколькими фрагментированными экземплярами. Для всех характерна узкая цилиндрическая или раструбообразная горловина и раздутое тулово шаровидной формы. К горловине и плечу прикреплен дуговидная ручка, округлая или фаселевидная в сечении. Наиболее крупный из кувшинчиков имеет следующие размеры: высота — 16,5 см, наибольший диаметр тулова — 14, диаметр венчика — 5,5, диаметр дна — 6,5 см (табл. XXII, 10). Он изготовлен на гончарном круге, но мелкие сосуды этой группы лепились от руки. Среди них выделяется миниатюрный кувшинчик, найденный в помещении 7. Для него характерно шаровидное, слегка сплюснутое

по вертикали тулово и очень узкая цилиндрическая горловина (венчик обломан), дно почти не выражено. У основания шейки нанесен пунктирный орнамент. Высота сосуда — более 7 см, наибольший диаметр тулова — 9, диаметр горловины — 2 см (см. табл. XXII, 1).

26. Большие двуручные кувшины. Для них характерна широкая и высокая раструбообразная горловина, плавно переходящая в крутобокое бочковидное тулово. Диаметр дна меньше диаметра венчика. Две дугообразные округлые в сечении ручки прикреплены к середине горловины и верхней части плечика. Красно-коричневая поверхность залощена. Кувшины данного типа относятся к четвертой фактурно-технологической группе. Размеры целого сосуда: высота — 39 см, наибольший диаметр тулова — 29, диаметр венчика — 21, диаметр дна — 12 см (см. табл. XXVII, 7).

27. Малые двуручные кувшины. Форма очень редкая, но представлена археологически целым сосудом, имеющим раструбообразную горловину, бочковидной формы тулово и небольшой дисковидный поддон. По сторонам горловины расположены две дугообразные овальные в сечении ручки. Венчик кверху утолщается и заканчивается горизонтальной площадкой с кольцевой ложбиной посередине. Высота — 19,5 см, наибольший диаметр тулова — 12,1, диаметр венчика — 9,6, диаметр дна — 6,9 см (см. табл. XXII, 12).

Фляги

28. Куполовидные фляги с длинным сливом. Представлены одним археологически целым сосудом. Корпус фляги напоминает шар с плоско срезанной нижней третью. На небольшой высоте от дна под углом к горизонту прикреплена необычно длинная и довольно широкая горловина. Высота фляги — 24 см, наибольший диаметр тулова — 30, диаметр дна — 20, диаметр венчика горловины — 4, длина горловины — 8 см. Фляга изготовлена на гончарном круге (табл. XXIX, 5).

29. Куполовидные фляги с ручками. Форма реконструирована. Корпус фляги имеет вид эллиптических очертаний купола на широком плоском

дне и снабжен двумя круглыми ручками. Одна прикреплена у верха купола, вторая — несколько выше дна. Короткая горловина размещена примерно на одной трети высоты тулова. Она расположена примерно под углом 90° по отношению к ручкам (табл. XXIX, 3). Реконструируемые размеры фляг: высота — 30, диаметр дна — 20 см. Найдены фрагменты двух подобных фляг.

30. Уплощенные фляги. Этот тип наиболее близок к обычной разновидности парфянских транспортных сосудов для воды, но он представлен небольшим количеством фрагментов, не дающих возможности уверенно реконструировать полную форму этих сосудов. По наиболее крупному фрагменту следует предполагать, что это были небольшие уплощенные с одного бока эллипсоиды, снабженные в наиболее выпуклой части небольшой цилиндрической горловиной. Наибольший диаметр тулова — 18,6 см, диаметр дна — 10,5, диаметр венчика горловины — 4,2 см (табл. XXIX, 1). Как другие разновидности, фляги этого типа изготавливались на гончарном круге.

Сосуды открытого типа

Эта категория керамики представлена крайне незначительным количеством маловыразительных фрагментов — не более 2%. Сильная фрагментарность не позволяет полностью восстановить типы сосудов. Предположительно выявляется три типа.

31. Кружки. Высокие конические расширяющиеся книзу сосуды, снабженные дугообразной ручкой (см. табл. XXII, 17).

32. Миски. Постановка стенок крутая, стенки прямые или слабовыпуклые. Диаметр венчика — 24—29 см (см. табл. XXII, 16).

33. Чашы в виде шарового сегмента. Изготовлены из теста кухонной фактуры. Найдено два венчика сильно уплощенных чаш с диаметром венчика 17 и 25 см (см. табл. XXIII, 21). Имеется еще несколько фрагментов конических чаш диаметром 22—26 см, но их принадлежность к рассматриваемому комплексу нельзя считать доказанной.

Небольшая часть керамических находок Чакан-депе не может быть классифицирована по формам из-за

сильной фрагментированности и принадлежности к редко встречающимся типам сосудов. Большинство подобных находок относится к числу горшков и кувшинов (см. табл. XXVIII, XXX). Общее количество керамических сосудов позднепарфянского времени, учтенных при раскопках Чакан-депе, равняется 720 единицам. При подсчете керамики принимались во внимание только венчики или целые сосуды.

Количественный учет отдельных типов сосудов представляет определенные трудности, т. к. по обломкам венчиков иногда невозможно точно определить форму сосуда. Например, некоторые венчики корчаг практически не отличаются от венчиков широкогорлых горшков с носиком или двумя ручками. Венчики больших кувшинов с каплевидным туловом (тип 20) можно отличить от венчиков горшков с каплевидным туловом (тип 11) лишь при наличии ручки и т. п. Поэтому относительно точные количественные подсчеты возможны только для отдельных типов сосудов. Например, хумы и хумчи составляют около 10% всей керамики, примерно таким же количеством представлены кухонные горшки различных типов. Небольшим числом находок представлены фляги и сосуды открытого типа. Основную массу керамики составляют горшки и кувшины, на долю которых приходится около 75% всего комплекса. Среди них наиболее широко распространенными формами были широкодонные корчаги (тип 1), широкогорлые горшки без ручек (тип 10) и крупные кувшины с каплевидным туловом (тип 20). К числу редких форм (менее 1% всей керамики) относятся: маслобойки (тип 5), горшки с одной ручкой (тип 9), миниатюрные горшочки (тип 16), кувшины с цилиндрическим туловом (тип 23), большие и малые двуручные кувшины (тип 26—27).

Количественное соотношение отдельных типов сосудов, несомненно, обусловлено особенностями быта и хозяйственной деятельностью обитателей поселения. Однако определенное влияние в этом плане оказывали и взаимоотношения хозяев с производителями керамики. Они могли изготавливать ее сами или приглашать для этой цели на поселение мастера-профессионала; пользоваться услугами одной близлежащей мастерской или нескольких; покупать или выменивать сосуды на ярмарках и базарах.

При анализе керамики Чакан-депе обращает внимание технологическое и морфологическое сходство некоторых сосудов, позволяющее видеть в них продукцию одной мастерской или даже одного мастера. Наиболее значительное сходство обнаруживают горшки с каплевидным туловом (тип 11), широкогорлые тонкостенные горшки без ручек (тип 10), крупные кувшины с каплевидным туловом (тип 20) и небольшие кувшины с каплевидным туловом (тип 21).

Перечисленные изделия имеют глиняное тесто одинаковой фактуры и качества, изготовлены на гончарном круге с большим профессиональным умением — они отличаются тонкими, равномерной толщины стенками. После формовки основной части сосуды слегка подсушивались, ставились на гончарный круг венчиком вниз и на станке обрабатывалась придонная часть сосуда. Все сосуды независимо от типа имеют одинаковую форму венчика, свидетельствующую об отра-

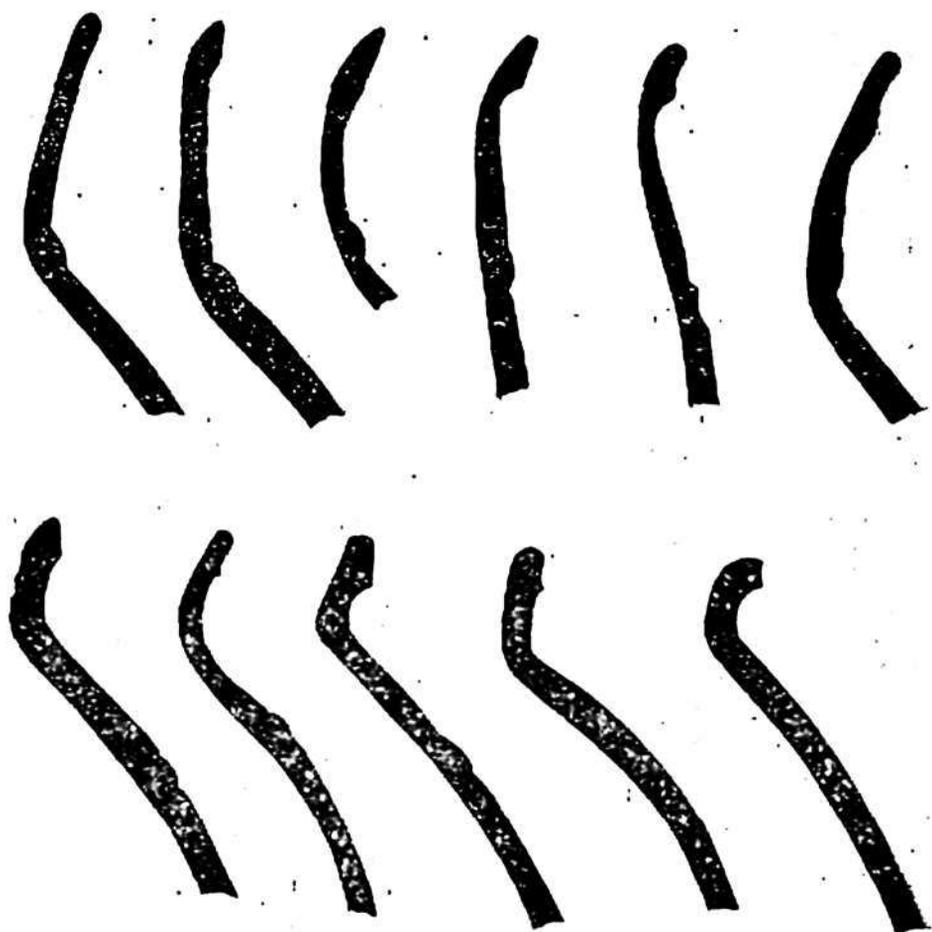

Рис. 9. Чакан-депе. Венчики изделий «чакановской мастерской»

ботанности этой операции и автоматизме действий мастера (или мастеров). Венчики рассматриваемых сосудов образованы приострением края стенки или имеют форму сплюснутого, вытянутого вверх треугольника, слегка выступающего в нижней своей части наружу, или образуют небольшую уплощенную «манжетку». Для мастера принципиальной разницы между этими тремя вариантами формы венчика, вероятно, не существовало, и на имеющемся материале можно построить плавный ряд переходных форм от скругленных венчиков к манжетовидным (рис. 9). Характерной чертой «чакановской мастерской» является уплощенный слабо выраженный валик, расположенный на шейке или несколько ниже, в некоторых случаях он заменяется легким рифлением или двумя параллельными бороздками. Своеобразны ручки кувшинов. Верхним концом они крепились несколько ниже венчика, нижним — к верхней части плечика. Как и все ручки области Нисы эпохи Аршакидов, они дугообразные, вислые, т. е. спинка их всегда находится ниже верхнего корня. Специфика ручек «чакановской мастерской» — крутой изгиб стебля у нижнего корня; ширина ручки, как правило, книзу увеличивается. При этом часто изменяется профиль ее сечения. У верхнего корня ручка бывает пластинчатой, иногда даже подквадратной в сечении, а у нижнего — преимущественно желобчатой (фасолевидной в сечении). При прикреплении на стенку насечек не наносили, но с внутренней стороны сосуда делался энергичный нажим пальцем и оставались глубокие вмятины.

Рассмотренные признаки позволяют сравнительно легко выделить продукцию этого мастера или мастерской. На Чакан-депе нет никаких следов керамического производства²¹, поэтому употребляемое нами название «чакановская мастерская» весьма условно, мастерская могла располагаться и на одном из ближайших поселений, но ее тесные связи с обитателями Чакан-депе несомненны.

Для керамики подгорной полосы Копетдага в античную эпоху характерно почти полное отсутствие орнаментации. В это время основное внимание уделялось форме изделий. Практически единственным проявлением внешнего украшения в раннеаршакидский период было ангобирование и лощение. Керамика Чакан-депе в основной массе соответствует этим вкусам. Но этот

принцип уже не выдерживается последовательно, и часть изделий украшена несложным орнаментом. Как элемент декорации следует рассматривать упомянутые выше валики на изделиях «чакановской мастерской». Иногда они дополнительно украшены равномерными оттисками пуансона (табл. XXX, 1, 8). На плечики некоторых горшков узкой деревянной лопаточкой нанесен поясok из коротких вертикальных оттисков (табл. XXX, 13), иногда последние имеют слегка клиновидную форму (см. табл. XX, 4; XXX, 7). Хумы изредка украшались наклепной полосой с равномерно расположенными оттисками пальца (см. табл. XVII). Редкой формой орнамента, возможно, имеющей в своей основе магические представления, являются конусовидные и полусферические налепы на плечиках сосудов (табл. XXX, 6, 19). У верхнего корня ручек кувшинов иногда помещался пуговичный налeп. Значительное распространение получила пунктирная орнаментация, выполненная палочкой или костью с двумя, реже с одним зубцом. Наколки в большинстве случаев подквадратных очертаний. Мотивы очень несложные. Чаще всего это просто кольцевой ободок по верхней части плечика. В некоторых случаях он усложняется: от ободка вниз опускается перпендикулярная линия или фигура, подобная перевернутой русской букве Ф (см. табл. XXII, 9) (таких диаметрально расположенных отводов обычно бывает 2, реже — 4). Еще реже отвод заканчивается небольшим шишечным налeпом, по сторонам которого расположены 2 спиралевидных завитка, выполненных в той же пунктирной технике (см. табл. XIX, 1). Усложненные мотивы орнамента характерны для широкодонных корчаг, ф-образные отводы имеются только на двух изделиях иной формы — это узкогорлый кувшин с яйцевидным туловом (тип 24) и узкогорлый кувшинчик с шаровидным туловом из помещения 7 (тип 25). Широкогорлые корчаги орнаментировались чаще, чем другие типы горшкообразных сосудов. Лишь в одном случае (на небольшом горшке) зафиксирован мотив в виде волнистой линии, выполненной спаренными наколками (табл. XXX, 16).

Сплошные процарапанные волнистые одиночные линии встречены только на трех сосудах — на одном из кувшинов (см. табл. XXVI, 4) и на двух кухонных горш-

ках (см. табл. XXIII, 12, 33). Следует также упомянуть сплошной пуансонный орнамент на плечиках двух миниатюрных лепных кувшинов и кольцевые полоски черной краски, нанесенные на шейки некоторых кувшинов. Особо отметим стенку небольшого горшка или кувшина, на которой черной краской нарисована птица, держащая в клюве виноградную гроздь (?). Изображение выполнено схематично (табл. XXXI), сохранилось плохо, поэтому вид птицы точно определить не удалось.

На некоторых сосудах, использовавшихся жителями Чакана, обнаружены специальные знаки. На трех фрагментах хумов (два венчика и одна стенка) имеются небольшие плохо сохранившиеся круглые и овальные отпечатки, вероятно, сделанные печатками.

На нескольких горшках и кувшинах обнаружены четырехконечные кресты, нанесенные черной краской (сажей) (см. табл. XXV, 3—4). Аналогичный крест, процарапанный на сырой глине, встречен на стенке хума (табл. XXXII, 9). Этот знак, наносившийся с магическими целями²², хорошо известен по ряду других парфянских поселений²³. В отличие от них метки в виде дугообразной линии в половину или три четверти круга (табл. XXXII, 1—3) следует рассматривать как знак собственности. Обнаружены 5 фрагментов с этим знаком, в четырех случаях он нанесен по сырой глине, в одном — процарапан после обжига²⁴. Судя по двум фрагментам, эти метки ставились на кувшинах рядом с ручкой. Нанесение знака собственности до обжига дополнительно свидетельствует о прямых контактах заказчиков, очевидно, обитавших на Чакан-депе с мастерами-керамистами. Помимо дугообразных меток, на стенке горшка или кувшина встречен процарапанный по сырой глине знак в виде арамейской буквы «мим» (табл. XXXII, 5—6). Были и другие знаки, но форма их полностью не восстанавливается.

В заключение следует отметить, что керамическая посуда не дает полного представления о наборе столовой и кухонной утвари обитателей Чакан-депе. Они, вероятно, использовали изделия из других плохо сохраняющихся или более ценных материалов. Например, как тара могли использоваться мешки, для хранения и переноски жидкости — кожаные бурдюки, для приготовления пищи — металлические котлы. Малочислен-

2. Сведения о некоторых находках

Место находки	Камень							Железо			Бронза				Кость			Грязлища										
	ядра для пращи	жернова	зернотерка	под пятник	ступка	точила	оселки	лощила	ножи	пряжки	наконечник	кинжал	зеркало	перстни	стержень с наваршем	обойма	монета	пластина с зубцам	конечские стержни	пугорница	обкладка лука	бусы	гипсовые шары	пирамидальные грузила	из стенок сосуда	лепные терракотовые	алебастровые	
Помещение 1	—	3	—	—	—	1	1	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
” 2	—	5	1	—	1	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
” 3	1	9	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
” 4	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
” 5	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
” 6	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
” 7	—	4	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
” 8	—	3	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Северное подсобное помещение	—	3	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Южное ” ”	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Северная часть двора	4	8	1	—	—	—	1	1	2	—	—	—	—	—	—	—	1	1	1	—	—	—	3	—	—	—	—	1
Южная ” ”	3	5	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
За пределами здания	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Погребение	—	—	—	—	—	—	1	—	2	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1
Всего	9	46	4	2	1	—	7	1	7	1	1	1	1	2	1	5	1	4	1	1	11	5	—	—	1	—	—	9

ность столовых сосудов открытого типа: мисок, чаш, кружек — заставляет предполагать широкое употребление подобных изделий из дерева. Наконец, следует учитывать, что Чакан-депе был покинут жителями и они унесли с собой весь ценный и пригодный для дальнейшего использования инвентарь.

Пряслица. На Чакан-депе найдено около 30 пряслиц — керамических кружков с отверстиями. По технике изготовления и форме они распадаются на три типа: 1 — пряслица, выточенные из стенок керамических сосудов; 2 — цилиндрические, специально вылепленные пряслица; 3 — лепные конические пряслица (табл. 2).

Пряслица первого типа представляют собой керамические кружки диаметром 1,9—7,5 см, выточенные с разной степенью тщательности. Иногда это практически правильный круг с гладким округленным краем и подшлифованными плоскостями, иногда — округлые диски с неровными краями и нецентрованными отверстиями. Толщина дисков зависит от толщины черепка, из которого изготовлено пряслице, и колеблется в пределах 0,6—2,3 см, диаметр центрального отверстия — 4—9 мм, определенного стандарта в размерах пряслиц нет, преобладают кружки диаметром 3,5—5 см (табл. XXXIII). На одном пряслице по гурту высечены насечки. Для изготовления пряслиц использовались стенки разных сосудов — от хумов до кухонных котлов. Преобладают поделки, выточенные из стенок корчаг. Помимо готовых пряслиц на поселении встречены заготовки — грубо оббитые кружки, иногда с намеченным центральным отверстием.

Цилиндрические лепные пряслица — это округлые поперечно сжатые поделки (табл. XXXIV, 5—7). Диаметр их — 2,2—3,6 см, высота — 1,1—1,6 см. В центральной части основания многие слегка вогнуты. Центральные отверстия проткнуты круглой палочкой, диаметр их — 0,3—0,8 см. В количественном отношении их примерно в 4 раза меньше, чем дисковидных.

Конические пряслица. Найдено всего три поделки подобной формы. Одну из них можно определить как сферо-коническую. Диаметр нижнего основания — 3,2—3,6, высота — 1,2—3,2 см. Центральное отверстие относительно крупное — 0,7—0,9 см. На пряслице, найденном в помещении 7, имеется процарапанный по

сырой глине орнамент в виде «елочки» (табл. XXXIV, 13). Конические пряслица напоминают подобные поделки эпохи энеолита и бронзы. Не исключено, что, по крайней мере, некоторые из них принадлежат к более ранним эпохам и на Чакан-депе имело место их вторичное использование.

Относительно назначения керамических, каменных, алебастровых поделок с осевым отверстием имеется обширная литература. Преобладает мнение, закрепленное в самом их названии — пряслица, что они употреблялись при прядении как утяжелители для веретен²⁵. Значительные колебания в размере и весе пряслиц объясняются по-разному. Б. А. Литвинский считает, что разнообразие формата и веса пряслиц может служить указанием на выработку разных сортов пряжи, и, очевидно, из разного материала²⁶. Для прядения шерсти и льна, по его мнению, требовались более тяжелые пряслица, чем для хлопковой пряжи. Соглашаясь с этим мнением, следует отметить, что использование при прядении было основным, но не единственным способом употребления подобных поделок. Мелкие плоские пряслица могли использоваться как пуговицы, крупные — как крышки мелких сосудов. Можно считать документально зафиксированным использование некоторых «пряслиц» как деталей светильников. При раскопках Пархайского могильника в долине Сумбара в одном из погребений античного времени обнаружены миниатюрный каменный сосудик и «пряслице» со следами копоти²⁷. Очевидно, керамический диск с отверстием служил фиксатором для фитиля и одновременно изолировал пламя от жидкого топлива. В условиях отсутствия на парфянских поселениях находок специальных светильников, такое использование плоских керамических дисков следует считать не только возможным, но и вполне вероятным.

Пирамидальные грузила. Найдены одно целое и два фрагмента (табл. XXXV). Целое грузило, найденное на южной половине двора, имеет вид четырехугольной усеченной пирамиды. Нижнее основание — 3,7×3,5 см, верхнее — 2×2, высота — 10,3 см. В 1,2 см ниже верха — сквозное отверстие по сырой глине (диаметр — 0,5 см). Черепок плотный, коричневый, хорошо обожженный (табл. XXXV, 1).

У грузила из помещения 7 сохранилась только верх-

няя часть (высота — 3,7 см). Верхняя площадка прямоугольных очертаний — 1,7×1,9 см. Горизонтальное отверстие небольшого диаметра — 0,3 см (табл. XXXV, 3). Черепок красно-коричневый, хорошего обжига.

Фрагмент нижней части грузила со двора сохранился на высоту 5,5 см. Нижняя площадка — 3,2×3,1 см, плоскости кверху слабо сужаются. Черепок серо-коричневый, обжиг неравномерный. По центру каждой боковой плоскости в ряд расположены оттиски одной печатки в виде приостренного на концах овала (1,5×0,7 см). Поверхность оттисков гладкая, без изображений. На нижней плоскости сделан один оттиск (табл. XXXV, 4).

Пирамидальные терракотовые грузила, использовавшиеся в ткацких станках²⁸, получили широкое распространение в некоторых районах Средней Азии после греко-македонского завоевания. Особенно они были популярны в Бактрии, где использовались с греко-бактрийского²⁹ до позднекушанского времени³⁰. Известны их находки в Маргиане³¹. Для подгорной полосы Копетдага Чакан-депе дал первые находки подобного рода.

Во дворе найдена небольшая терракотовая поделка в виде пластинки, имеющей форму равнобедренного треугольника. Назначение поделки не установлено.

Изделия из необожженной глины

Коническое грузило. Поделка неправильной конической формы, низ уплощен, поверхность бугристая. В узкой верхней части два отверстия. Одно — горизонтальное, второе — косое. Ширина основания до 5 см, высота — 7,4 см. Найдено в одном из вспомогательных помещений северной части двора. Вероятно, использовалось как грузило при ткацких работах или плетении цыновок.

Второе подобное грузило найдено в помещении 5. Основание его слегка выпуклое. Диаметр — 4,5—4,8 см, высота — около 6,5 см (верх поврежден). Сквозное горизонтально расположенное отверстие размещено в верхней части грузила, диаметр его — 0,4 см (табл. XXXV, 5).

Эллипсоидное грузило. Округлый поперечно уплощенный комок плотной высушенной на солнце глины. В середине с двух сторон сделаны глубокие вмятины, а затем просверлено сквозное отверстие. Поверх-

ность гладкая. Диаметр — 4,5 см, диаметр центрального отверстия — 5—6 мм, высота — 2,7 см (см. табл. XXXIV, 9). Найдено вместе с коническим грузилом, и, очевидно, использовалось с теми же целями. Менее вероятно, что это — прясло.

Ядра для пращи. На Чакан-депе найдено около десятка глиняных шариков диаметром около 2 см. Они высушены на солнце или слегка обожжены. С одной стороны иногда имеется небольшое уплощение, придающее им некоторую устойчивость. Два шарика найдены в помещении 3, остальные — во дворе. Наиболее вероятное назначение этих поделок — ядра для пращи.

Изделия из камня

Среди изделий из камня на Чакан-депе наиболее многочисленны находки жерновов. Всего найдено 44 целых и фрагментарных диска, в том числе 4 археологически целых (сохранность больше половины) нижних камня и 12 верхних. Рабочие диски ручных мельничных установок изготовлены из крупнозернистых пород камня, преимущественно из кварцевого песчаника светло-серого цвета.

По форме можно выделить два основных типа: 1) с плоской рабочей поверхностью; 2) с криволинейной рабочей поверхностью. Но четкой границы между ними нет, встречаются жернова со слабоизогнутой рабочей поверхностью. Преобладают установки с выпуклой рабочей поверхностью нижнего камня.

Плоские ручные мельницы на Чакан-депе представлены всего одной находкой нижнего камня (помещение 7). Тонкий каменный диск имеет диаметр 32 см. В центре — сквозное отверстие диаметром 2,5 см. Верхние диски, как правило, массивнее. Наилучшую сохранность имеет диск из помещения 4. Диаметр его — 40 см. Нижняя рабочая сторона плоская, верхняя — выпуклая, толщина камня в средней части — 6 см. В центре сверху выдолблено углубление для помещения зерен и сквозное осевое отверстие диаметром 4 см. На краю диска три небольших углубления, предназначенных для рычага (табл. XXXVI, 4).

Для мельничных ручных установок второго типа характерен массивный нижний камень чичевицеобраз-

ной формы. Диаметр найденных дисков — 29—34 см, диаметр осевого отверстия — 2—3,5 см, толщина в средней части — 8—9 см. Верхние камни представлены дисками диаметром 29—40 см с вогнутой рабочей поверхностью (толщина их — 3—6 см, центральное отверстие диаметром 4—7 см). У многих дисков на рабочей поверхности выдолблены крестообразно расположенные неглубокие ложбины. По конструкции можно выделить верхние камни трех разновидностей:

1. Жернова с выступом. С одной стороны этих дисков выдается полуовальный выступ, снабженный углублением для рычага (табл. XXXVI, 3). Этот выступ облегчал вращение жерновов.

2. Дискovidные жернова. Углубление для рычага выдалбливалось у внешнего края диска (табл. XXXVI, 2). Нередко в результате облома выступа в дискovidные превращались жернова первого типа.

3. Жернова с бортиком. Вокруг центрального отверстия жерновов двух первых типов обычно выдалбливались углубления для посыпки зерна. Верхние диски третьего типа, напротив, вокруг осевого отверстия имеют невысокий бортик (табл. XXXVI, 1). Жернова с бортиком немногочисленны.

Описанные каменные диски — детали хорошо известных по археологическим и этнографическим данным ручных мельничных установок²². Нижний их камень и ось закреплялись неподвижно, а верхний диск вращался с помощью рычага. Близкие к чакановским по форме жернова обнаружены при раскопках квартала мукомолов в Мерве, датируемом III—IV вв. н. э.³³ и на поселении Коша-Хаудан, в слоях I—II вв. н. э.³⁴

Каменные терки. На Чакан-депе найдено всего лишь четыре фрагмента больших терочных камней и один курант. Два камня имеют типичную для зернотерок парфянского времени в подгорной полосе Копетдага форму. Это — узкие батонообразные камни со слегка вогнутой рабочей поверхностью (длина — 36 см, ширина — 12, толщина — до 6 см). Третий камень отличается более округлыми концами и большей массивностью (ширина — 27 см, толщина — 8, реконструируемая длина — 60 см). Четвертый камень занимает промежуточное положение между терками и ступками. Это неправильных очертаний уплощенный камень с размерами в поперечнике примерно 27×21 см. Рабо-

чая поверхность имеет вид небольшого (до 3 см) плавного углубления, занимающего верхнюю плоскость камня.

Учитывая обилие более производительных ручных мельничных установок, даже без специальных трассологических исследований, мы вынуждены отказаться от традиционного определения этих изделий как зернотерок. Вероятно, они предназначались для растирания каких-то других материалов.

Точильные камни. Для грубой заточки использовались фрагменты жерновов и терок — встречаются обломки с заполированной до блеска поверхностью. Найдено также несколько фрагментов специальных точильных камней из мелкозернистого темно-коричневого или темно-серого камня (табл. XXXVII). Особую группу точильных камней составляют индивидуальные оселки с отверстием для подвешивания. Они являлись обязательным предметом мужской экипировки (найден 6 фрагментов). Все оселки сделаны из тонкоструктурного сине-серого камня³⁵. В первоначальном виде это были прямоугольные бруски с отверстием для подвешивания у одного из концов (сверление двухстороннее). В результате использования форма их сильно деформировалась. Крупные обломки использовались вторично.

На основании аналогий³⁶ и сохранившихся фрагментов размеры оселков Чакандепе могут быть восстановлены в следующих пределах: длина — 10—12 см, ширина — 2,5—3, толщина — 1,5—2 см. На оселке из помещения 4 (табл. XXXVII, 1) выше отверстия процарапаны метки: с одной стороны — две перекрещивающиеся линии, с другой — три.

Камни-крышки. Большие сланцевые плиты использовались как крышки. Это документально зафиксировано при расчистке хумов в айване — все они накрыты тонкими каменными плитами.

Подпятники. У входа в помещение 3 найден плоский камень в виде небольшой трапецевидной плиты (22×16,5×19×16 см) толщиной 9 см. На верхней ее плоскости углубление диаметром 10 см, глубиной 2 см. Округлый камень с подобным углублением найден у дверного проема в помещении 8. Судя по форме и условиям находки, эти камни использовались как опора для деревянной оси одностворчатых дверей.

Ступки. Найдена только одна ступка (помещение 2), сделанная из светло-серого песчаника, высотой 17 см. Дно протерто еще в древности (рис. 10, 1).

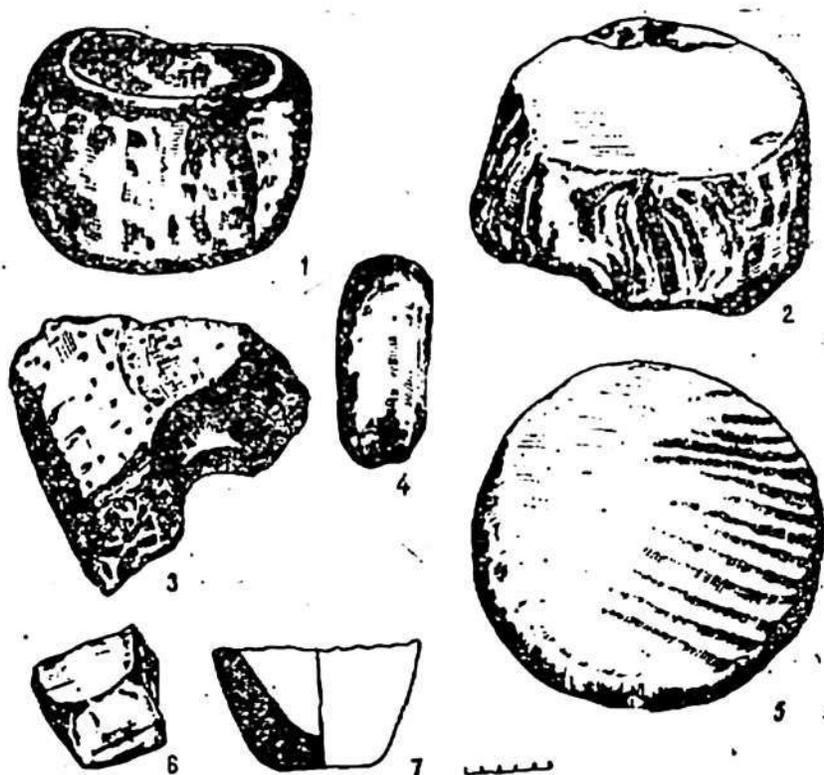

Рис. 10. Чакап-деле. Изделия из камня и гипса.

Пестик. Это фрагмент конического, сужающегося кверху стержня с наибольшим диаметром 5,2 см. Низ выпуклый, со следами потертости. Этим пестиком, видимо, не дробили, а растирали. Стенки ствола заглажены, местами отполированы от употребления. Сохранившаяся высота — 14,5 см (см. XXXV, 2). Для пестика использован темно-серый камень с кристаллической структурой. Найден во дворе.

Прясло. В центральной части двора найден диск из светло-серого мраморовидного минерала. Он имеет правильную форму, тщательно обработан (диаметр диска — 3 см, диаметр центрального отверстия — 0,5, толщина — 0,6 см) (см. табл. XXXIV, 10).

Бусы. В помещении 3 найдена цилиндрическая несколько неправильной формы лазуритовая бусина (диаметр — 6 мм, длина — 6, диаметр центрального отверстия — 2 мм) (рис. 11, 5). Вторая бусина из

этого же помещения изготовлена из серого полированного камня. Форма ее биконическая (ширина — 1 см, наибольший диаметр — 1,5 см) (рис. 11, 2).

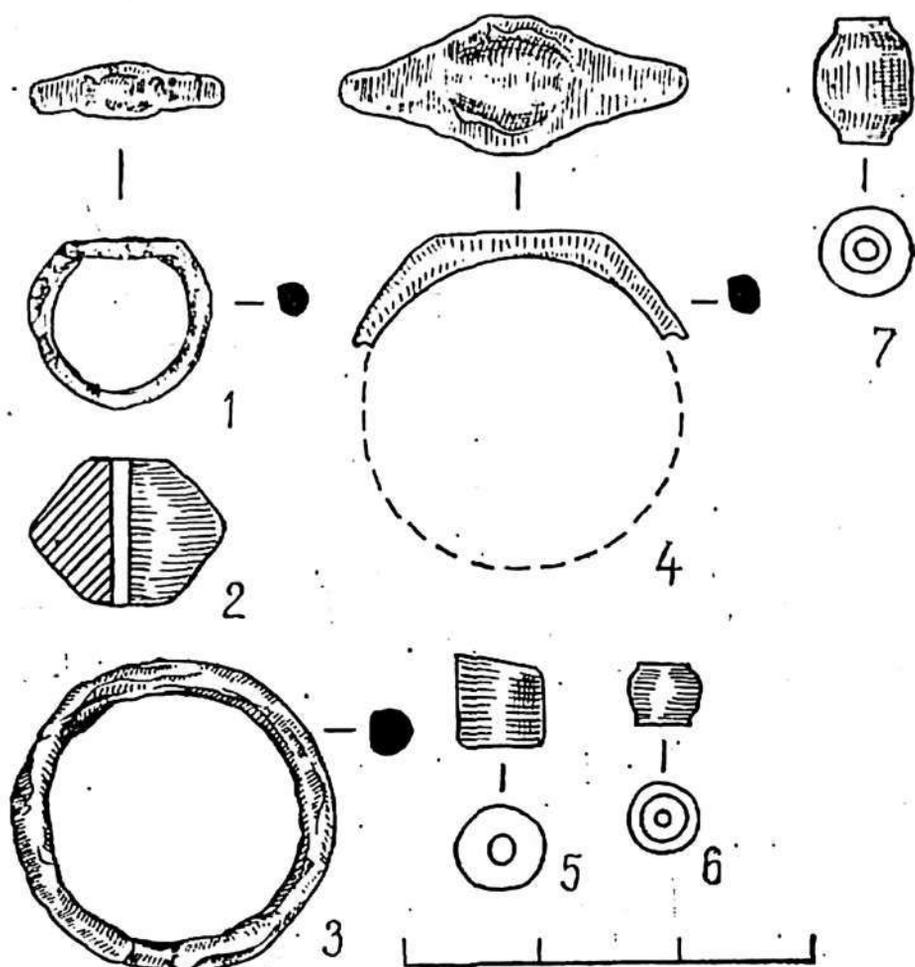

Рис. 11. Чакан-депе. Украшения.

Железные изделия

Кинжал найден в помещении 7. Обоюдоострое лезвие длиной 18,6 см постепенно сужается к концу. В сечении оно ромбовидное. Наибольшая его ширина — 3,5 см. Ручка металлическая, прямоугольная в сечении, верхний конец ее обломан. Общая длина сохранившейся части — 21,2 см (табл. XXXVIII, 4). Неполная сохранность кинжала затрудняет его датировку по аналогиям.

Прямые однолезвийные ножи представлены четырьмя фрагментами. На их основании можно

предполагать, что ножи данного типа имели коническое лезвие длиной 13—15 см (максимальная ширина лезвия — 2,2 см). Черенок тонкий, короткий, округлый в сечении (табл. XXXVIII, 2).

Виноградные ножи. Во дворе найдено два ножа с дуговидным лезвием. Один из них почти целый в виде дуговидной пластины с внутренней рабочей стороной. Один конец закруглен, второй сохранил следы деревянной ручки, крепившейся заклепкой. Длина металлической части ножа — 9 см, длина лезвия — 6,5 см, ширина — 2—1,6 см (табл. XXXVIII, 5). Второй более массивный нож почти полностью сработан. Ширина его у ручки — 2,7 см (табл. XXXVIII, 13). Подобные ножи широко распространены на памятниках античного времени и обычно определяются как виноградные³⁷.

Наконечник стрелы найден в помещении 1. Он трехлопастный с треугольной головкой и перпендикулярно к черешку срезанными лопастями (тонкими, сильно выступающими). Черешок короткий, округлый в сечении (длина наконечника — 7 см, боевой головки — 5 см, лопасти выступают на 1,3 см) (табл. XXXVIII, 9).

Пряжка. В помещении 6 найдена массивная пряжка (диаметр — 6 см, диаметр в сечении — 1 см). Накладной подвижный язычок слегка уплощен (табл. XXXVIII, 3). Судя по большим размерам, пряжку следует относить к деталям конской сбруи. Подобные пряжки широко распространены и не имеют точной датировки в пределах античного периода.

Петля диаметром 5 см изготовлена из железного прута. Это, возможно, деталь дверного запора. Среди находок с Чакай-депе имеется еще несколько обломков железных черешков и фрагменты пластин с заклепками и без них. Плохая сохранность этих пластин не позволяет точно установить их назначение. Заканчивая описание железных предметов, следует также упомянуть находки железных шлаков во дворе и в помещениях 3 и 7, свидетельствующих об обработке металла на этом памятнике.

Изделия из бронзы

Изделия из бронзы представлены небольшим количеством мелких находок.

Бронзовое зеркало входит в сопровождающий

инвентарь погребения у западной стены двора. Оно литое, представляет собой круг диаметром 8,2 см, толщиной 2—3 мм, снабженный прямоугольной в сечении ручкой (8×5 мм), конец ее обломан, сохранившаяся длина — 2 см. Около трети диска отломано, поверхность его неровная, вероятно, вследствие коррозии (см. табл. XIV, 1). По классификации Б. А. Литвинского, оно относится к четвертому подтипу зеркал с гладким диском и боковой ручкой³⁸. Эта разновидность зеркал изготовлялась в течение большого хронологического отрезка и точная датировка зеркала Чакан-депе затруднительна. Ближайшие территориальные аналогии: зеркала из погребений на Узбое, датированные первыми веками до — первыми веками н. э.³⁹ и изображения на женских культовых статуэтках из Мерва⁴⁰.

Перстни. В завале севернее башни 5 найден поврежденный бронзовый литой перстень (сохранилась лишь часть кольца и овальный плоский щиток) (1,7×1,1 см). На верхней плоскости было углубленное изображение, но плохая сохранность не позволяет сказать о нем ничего определенного. Диаметр кольца — около 2,9 см (рис. 11, 4). На нижнем полу помещения 4 найдено бронзовое кольцо диаметром 2,4 см, овальное в сечении (4×2 мм). С одной стороны кольцо расплющено и образует подобие небольшого щитка (рис. 11, 1).

Стержень с фигурным навершием. В помещении 3 в слое золы около круглого очага найдена согнутая бронзовая шпилька. В первоначальном виде она представляла слегка конический заостренный стержень длиной 11 см, диаметром 4 м. Толстый ее конец заканчивался фигурным навершием: три постепенно увеличивающих ширину валика увенчивает трапециевидная фигура с крестообразными глубокими прорезями наверху; верхнюю часть навершия можно трактовать как стилизованное изображение плода граната (табл. XXXIX, 3).

Обойма. Тонкая пластина шириной 2 см согнута пополам, концы соединены двумя заклепками. Зазор между концами пластины около 1 см. Вероятно, это ремонтная обойма от треснувшего деревянного сосуда (см. табл. XXXVIII, 16).

Пластина с зубцами. Форму пластины можно определить как прямоугольную с глубоким дугообразным выемом в одной из длинных сторон. Длина пласт-

тины — 5 см, ширина — 1,5—1,7 см, толщина — 1 мм. Боковые стороны и центральная выемка в мелких острых зубчиках, по сторонам выемки по три крупных зубца. Назначение пластины не установлено. Найдена на нижнем полу помещения 4.

Фрагмент бронзового бубенчика плохой сохранности найден в помещении 3. В разных частях здания найдено еще несколько мелких фрагментов бронзовых предметов, назначение которых точно не установлено. Это преимущественно обломки тонких пластин и круглых в сечении стержней.

Печатка найдена в помещении 4 в слое подсыпки ниже полов. Внешний овальный контур образован овальной в сечении пластиной. В середине две горизонтальные и одна вертикальная перемычки. Из-за плохой сохранности рисунок достоверно не восстанавливается. Просветы между рамкой и перемычками сквозные. С оборотной стороны имеется короткий дуговидный отросток, торчащий под углом к плоскости печатки. Техника изготовления — литье. Размеры по внешнему контуру — 1,9×2,1 см, толщина — около 0,5 см. Назначение и датировка поделки неясны, отдаленно она напоминает металлические печати эпохи бронзы. находка в подсыпке ниже полов делает сомнительной ее принадлежность к рассматриваемому комплексу.

Монеты. При раскопках Чакан-депе в помещениях 3 и 7 найдено пять бронзовых монет плохой сохранности.

1. Лицевая сторона. Голова или бюст правителя влево. На монетном кружке отчеканилась лишь часть головы. Хорошо видна прическа выше диадемы, переданная редкими вертикальными штрихами. Ниже диадемы волосы переданы небольшой овальной буклей. Диадема передана двумя горизонтальными линиями и кольцом-петлей. Остальные детали неразличимы.

Оборотная сторона. Лучник, сидящий на троне вправо. Большая часть изображения лучника осталась за пределами монетного кружка. Трон, вероятно, был передан вертикальным штрихом. За спиной лучника остатки неузнаваемо искаженной греческой легенды. Вверху знак типа русской буквы Ш, ниже крупный кружок (возможно, это остатки тамгообразного знака $\oint$); (см. табл. XI, 1); диаметр — 13—14 мм, вес —

2,62 г, оси — 6. Найдена на нижнем полу помещения 7.

2. Лицевая сторона сильно обезображена окислами. Едва прослеживаются отдельные черты изображения головы влево.

Оборотная сторона. Штемпель значительно больше монетного кружка, на нем поместилась лишь нижняя часть изображения лучника вправо и часть имитации легенды за его спиной. Бедро лучника расположено горизонтально. Голенн тонкие длинные. Одна из них подогнута назад примерно на 45°, вторая изображена почти вертикально. «Трон» обозначен двумя слегка наклоненными параллельными черточками. От легенды сохранилось несколько поразному ориентированных черточек (см. табл. XI, 6). Диаметр — 10—11,5 мм, вес — 2,2 г.

Найдена в помещении 7 на алебастровом полу.

3. Лицевая сторона. Голова влево. Нос прямой, губы намечены выпуклостями, борода средней длины треугольной формы. Изображение волос ниже диадемы четко не прослеживается — овальная выпуклость. Диадема передана прямой горизонтальной линией, ее ленты — двумя тонкими волнистыми вертикально расположенными линиями. Прическа выше диадемы обозначена редкими короткими вертикальными штрихами. На шее гривна в несколько оборотов (хорошо прослеживаются лишь две дугообразные линии). Точечный кольцевой ободок с 2 до 5 (см. табл. XI, 4).

Оборотная сторона. Сидящий лучник, вправо. Лук и знак под ним остались за пределами монетного кружка. Лучник в головном уборе с округлым верхом. «Трон» по форме напоминает римскую цифру I. Позади лучника на уровне плеч знак в виде буквы Ш, ниже предположительно знак ♀ (нижняя поперечина не сохранилась).

Диаметр — 13—15 мм, вес — 3,35 г.

Найдена в помещении 3 над полом с остатками закров, неподалеку от очага.

4. Монета сильно расслонлась, изображения полностью уничтожены коррозией. По внешнему виду она не отличается от описанных выше экземпляров. Диаметр — 14—16 мм, вес — 3,20 г.

Найдена в северной оконечности помещения 3 на нижнем полу.

5. Небольшой сильно окисленный фрагмент моне-

ты. Монетный кружок тонкий, диаметр — около 18 мм. Найдена над верхним полом в южной части помещения 3.

Описанные монеты очень плохой сохранности, что затрудняет их точное определение. Тем не менее, благодаря иконографии оборотных сторон, изображающих традиционную для парфянских монет фигуру сидящего на троне лучника, принадлежность их к парфянскому чекану не вызывает сомнения. Они обнаруживают значительное сходство с бронзовыми монетами «маргианского» чекана, а точнее с теми их выпусками, которые датированы II в. н. э.⁴¹ Принадлежат ли они непосредственно монетам «маргианского» чекана или являются местными эмиссиями по этому типу, установить пока трудно из-за плохой их сохранности.

Костяные изделия

Конический стержень с навершием в виде крупной остроконечной шишки. Поверхность шишки покрыта глубокими нарезками в виде косой сетки. Ниже шишки рельефный кольцевой ободок. Поверхность шпильки залощена (длина — 11,3 см, наибольший диаметр стержня — 6 мм) (табл. XXXIX, 1). Найдена в северной части помещения 3 на нижнем полу.

Конический стержень с длинным сложно-составным навершием. Низ навершия образует фигура в виде четырехугольной трапецевидной в сечении призмы. Поверхность ее со всех сторон покрыта косой сетчатой штриховкой. Выше расположена узкая поперечина с четырьмя короткими косыми нарезками (по две сверху и снизу). Над ней вырезана крупная овоидная несколько сплюснутая фигура, заканчивающаяся сверху узкой поперечиной (табл. XXXIX, 2). Конец шпильки обломан еще в древности и заново заточен. Современная ее длина — 9,6 см, наибольший диаметр стержня — 6 мм. Найдена за западной внешней стеной между башнями 8 и 9 в нижнем мусорном слое.

Конический стержень с грубо вырезанным навершием. Внизу оно состоит из трех широких валиков, разделенных кольцевыми нарезками, затем следует небольшая по размерам овоидная фигура, выше которой вырезаны еще два более узких валика. Стержень шпильки коротко обломан. Облом слегка заглажен от последующего употребления. Длина сохранив-

шегося фрагмента — 6,1 см, наибольший диаметр стержня — 6 мм. Найдена в центральной части двора.

Подобного рода изделия из кости встречаются на поселениях античной эпохи Среднего Востока⁴² и Греции⁴³. Навершия их разнообразны, известны прямые аналоги находкам на Чакан-депе. Хронологически распространение костных стержней с навершиями для Средней Азии зафиксировано с эллинистического периода⁴⁴ и до конца античной эпохи⁴⁵. Важным представляется вопрос о их назначении. Чаще всего они определяются как шпильки, заколки, но иногда их называют стилями — предметами для письма на навощенных дощечках⁴⁶. Поскольку такое их определение имеет большое значение для оценки уровня развития культуры, попытаемся уточнить их назначение.

Прежде всего обращает внимание широкий ареал и массовый характер подобных находок. Они в значительном количестве встречаются на поселениях городского типа, но известны их находки на сельских поселениях⁴⁷, а также в периферийных районах эллинистического мира, например в Шаше⁴⁸, где трудно предполагать существование античной традиции письма на навощенных дощечках.

К этому следует добавить, что подобные изделия продолжали изготавливаться и много позднее. Например, на городище Мисриан в слоях XIII—XIV вв. найдены костяные стержни с навершиями в виде плоских фигурок петухов⁴⁹. Если предполагать одинаковое назначение для однотипных бронзовых стержней (на Чакан-депе найден и бронзовый стержень с навершием), то аналоги подобным изделиям уводят в седую древность, когда письменности вообще не существовало. Наконец, следует отметить находки костяных шпилек, близких по размерам и форме к чакановским при раскопках могильника первых веков до — первых веков н. э. в Гарни. Б. Н. Аракелян отмечает, что все они найдены в женских погребениях и располагались около голов⁵⁰.

Таким образом, от определения этих изделий как предметов для письма следует отказаться. Костяные и бронзовые стержни с фигурными навершиями, судя по всему, представляли собой предметы женского туалета (заколки). Датировка их в пределах античной эпохи пока не может быть уточнена.

Стержень с лопаточкой. С одной стороны стержень снабжен приостренным к концу небольшим резервуаром каплевидных очертаний. С внешней стороны поверхность его округлая, сверху — углубление, заканчивающееся продольной ложбинкой. Ложбинка соединена с овальным в сечении, приостренным к концу стержнем. В 1,3 см от резервуара на стержне неглубоко вырезаны три кольцевых ободка (табл. XXXIX, 4). Поделка тщательно залощена, кость имеет светло-коричневый цвет. Общая длина — 8,5 см, длина «резервуара» — 2, ширина 1 см. Наибольший диаметр стержня — 6 мм. Найдена в одной из мусорных ям в северо-восточной части двора. Наиболее вероятное назначение этой изящной поделки — туалетная ложечка. Она могла использоваться для приготовления и нанесения различных мазей и красящих веществ, а также как ухвертка⁵¹, хотя для этих целей она несколько великовата и имеет излишне заостренный конец лопаточки.

Пуговица. Сохранилось немного больше половины. Это был тонкий костяной диск, толщина которого слегка уменьшается к краю. Диаметр — 3,5 см. В центре располагалось отверстие диаметром 0,8 см, вокруг которого с лицевой, слегка выпуклой стороны неглубоко вырезаны два широких кольцевых ободка. Поверхность пуговицы залощена. Она, вероятно, продолжала использоваться и после поломки, края скола также залощены от употребления, сбоку от центрального отверстия появилось вторичное маленькое отверстие, игравшее роль нового центра. Найдена во дворе. Подобные изделия в Средней Азии были достаточно широко распространены во все периоды античной эпохи⁵².

Обкладка лука. Во вспомогательном помещении у южной стены двора найден обломок концевой обкладки сложносоставного лука. Форма ее стандартная. Конец закруглен, вырез для тетивы со следами сработанности. Лицевая сторона выпуклая, тыльная — плоская со следами распила. Длина фрагмента — 8,6, ширина — 1,9 см (табл. XXXIX, 5). Наиболее полное представление о конструкции сложно-составных луков дают находки с Топрак-калы⁵³.

Астрагалы. Во дворе найдены два астрагала копытных животных с вертикальными сверлеными отверстиями. Предназначались они, вероятно, для игры.

Кабаньи клыки. Среди костей животных най-

дено несколько крупных кабаньих клыков, возможно, использовавшихся как хозяйственные орудия. Один обломок клыка имеет искусственно заостренный конец.

В помещении 7 найдена небольшая овальная заготовка для бусины из перламутра.

Изделия из стекла

Бочковидные бусы, изготовленные из бесцветного и золотисто-желтого стекла, найдены в помещении 3 (см. рис. 11, 6—7). Встречаются две разновидности: округлые бусины (тип 17, по Алексеевой)⁵⁴ и бочковидные удлиненные (тип 23, по Алексеевой)⁵⁵. Те и другие вокруг отверстий имеют характерные закраины, несколько уточняющие их датировку. По Е. М. Алексеевой, в Северном Причерноморье округлые и бочковидные бусины с закраинами, изготовленные из бесцветного стекла, характерны преимущественно для комплексов I—II вв. н. э.

Округлые поперечно сжатые бусы. В погребении у западной стены найдены 4 таких бусины (диаметр — 6, толщина — 3—4 мм). Изготовлены они, вероятно, из бесцветного стекла, снаружи покрыты белой или серой патиной. В Северном Причерноморье подобные бусы употреблялись длительное время.

Призматическая бусина из темно-синего стекла. Найдена в помещении 3. Сильно повреждена, отверстие продольное, граней 6—8.

Обломок стеклянного сосуда с тисненым фестончатым орнаментом найден в погребении у западной стены двора. Стекло прозрачное, бесцветное. Небольшие размеры фрагмента не позволяют восстановить форму сосуда и соответственно уточнить его датировку. В античную эпоху стеклянные сосуды были достаточно разнообразны.

Голова идола из помещения 7. Грубая лепная поделка обобщенно передающая контуры человеческой головы. Лепка объемная, очень примитивная. Глаза и нос обозначены вмятинами пальцев, брови и рот — углубленными прорезями. Сплошная линия бровей посередине разделена короткой поперечной черточкой. На шее имеется скол. Высота головы — 11 см, максимальная ширина — 6 см (см. табл. XXXI). Назначение поделки точно не установлено, она могла

быть частью довольно крупной скульптуры или просто произведением праздных рук. Аналоги этой находке автору неизвестны. Можно лишь отметить, что при раскопках центрального комплекса Старой Нисы в 1984 г. найдены обломки очень примитивной гипсовой скульптуры — фрагменты руки, держащей виноградную гроздь.

Вотивные «шары». Особую и важную группу находок составляют небольшие гипсовые поделки, имеющие форму шара, эллипса или конуса. Всего найдено пять подобных изделий. Три из них обнаружены при раскопках двора, один — в помещении 6 и один — в заполнении, примыкающем к западному фасу постройки.

1. Округлый комок гипса с гладкой поверхностью. Диаметр «шара» — 7,6 см. Одна его сторона уплощена и образует подобие основания. Высота поделки — 4,7 см.

2. Эллипсовидный комок гипса с гладкой поверх-

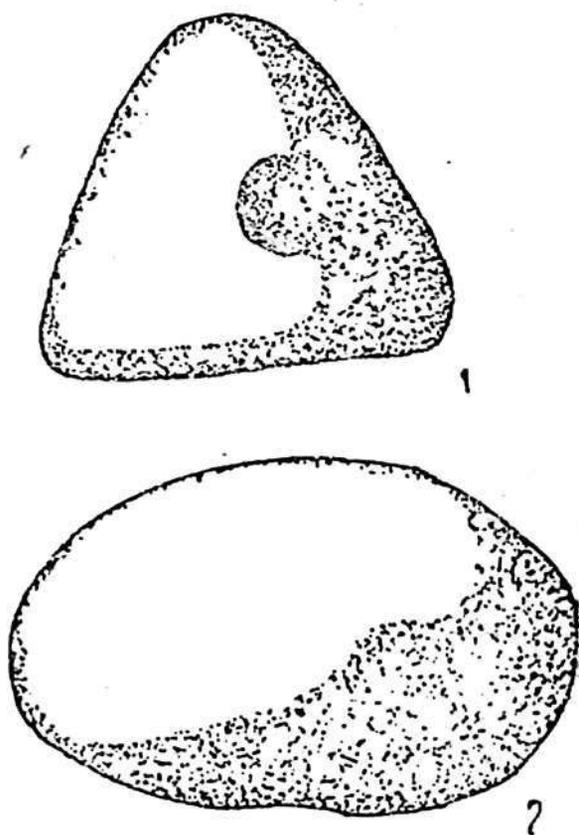

Рис. 12. Чакан-деле. Гипсовые шары.

ностью. Длина — 7,5 см, поперечный диаметр — 4,5—5,5 см.

3. Округлый комок гипса диаметром 6—6,5 см. Низ слегка уплощен. На поверхности большое количество насечек, нанесенных, вероятно, гуртом монеты.

4. Конус из сероватого гипса (рис. 12). Диаметр основания — 7,5—8 см, высота — 6,7 см. Сбоку нанесены два оттиска лицевой стороной монеты. Диаметр монеты — около 2 см. Сохранность оттисков плохая. Тем не менее достаточно отчетливо видно, что это — изображение головы или бюста вправо (на монете соответственно влево). Многорядная диадема в три или четыре оборота. Волосы ниже диадемы переданы четырьмя (?) рядами коротких прямых штрихов. Глаз обозначен выпуклой точкой. Перед лбом звезда и полумесяц. Выше головы с 10 до 1 (по часовому циферблату) хорошо видна дуга точечного ободка. Остальные детали неразличимы. Оттиски, вероятно, выполнены одной монетой, но полной уверенности в этом нет.

5. Комок яйцевидной формы. С одной стороны он несколько уплощен, на этом основании имеются какие-то мелкие овальные вмятины. Длина комка — 11 см, поперечный диаметр — 6,5—7,2 см. На боковой стороне комка имеется пять монетных оттисков. Четыре из них принадлежат лицевой стороне, один — оборотной. Оттиски выполнены одной или во всяком случае однотипными монетами, поэтому ниже приводим обобщенное, частично реконструируемое описание изображений использованной монеты.

На лицевой стороне голова или бюст правителя влево. Диадема в четыре линии. Ниже диадемы прическа передана четырьмя косо расположенными рядами коротких штрихов. Бровь обозначена прямой горизонтальной линией из четырех крупных точек. Глаз передан выпуклой точкой. Нос длинный, прямой, с острым, опущенным книзу кончиком. Изображения бороды и усов не сохранились (по одному из оттисков можно предполагать, что борода была короткой). Перед лбом четко вырезана семилучевая звезда с концами, увенчанными небольшими точками, и полумесяц. Над головой (с 11 до 1 часа) частично вырезан точечный ободок.

Оборотная сторона представлена единственным плохой сохранности оттиском. Угадывается сильно схе-

матизированное изображение лучника вправо (четко виден лишь лук). Трон, вероятно, с высокой спинкой и ножками в виде римских единиц. Позади головы лучника, возможно, изображена звезда. Изображение монограммы нечеткое. От «легенды» сохранилось лишь шесть точек, расположенных в два ряда ниже трона (см. табл. XI, 5). Диаметр монеты (или монет) — около 20 мм.

Несмотря на плохую сохранность оттисков, монеты, использованные для их нанесения, определяются довольно надежно. Несмотря на нечеткое изображение монограммы, они могут быть причислены к чекану Митридаткерта I в. н. э. Основой для подобного определения служит сочетание крайне схематизированного «портрета» правителя с обязательным для этого монетного двора (в I в. н. э.) знаком звезды и полумесяца. Изображение правителя также сохранило ряд характерных признаков: диадема в четыре линии, бровь, переданная цепочкой крупных точек, и приплюснутый, сильно приостренный нос.

Подобной формы и размеров гипсовые поделки найдены при раскопках круглого храма Старой Нисы и парфянского культового комплекса Мансур-депе. Некоторые из них на своей поверхности имеют насечки или оттиски монет. Внутри шаров (в тех случаях, когда они вскрывались) имеются полости со следами заполнения растительными остатками. По мнению М. Е. Массона, эти «шары» были votivными и связаны с каким-то парфянским культовым обрядом⁵⁵. На Чакан-депе их находку можно поставить в связь с алтарем на западной стене двора. Возможно, они были изготовлены для отправления какой-то культовой церемонии. После ее совершения «шары», вероятно, утрачивали свою ценность и могли оказаться даже в мусорной яме.

Пряслица. Подобных поделок из алебаstra найдено всего три: одна — во дворе, вторая — в помещении 3, третья — в погребении у западной стены. Это сплюснутые эллипсоиды с центральным отверстием.

Самое маленькое из них, найденное в помещении 3, имеет размеры: диаметр — 3,6 см, высота — 0,8, диаметр центрального отверстия — 0,7 см (см. табл. XXXIV, 8). Самое крупное из погребений: диаметр — 5,3—5,7 см, высота — 2,3, диаметр центрального отверстия — 1,5 см (см. табл. XIV, 3).

Грузило. Оно почти цилиндрической формы. Диаметр нижнего основания — 3,4 см, верхнего — 3, высота — 6,7 см; в верхней части горизонтально просверлено отверстие диаметром 0,6 см (см. табл. XXXV, 7). Следует отметить, что эта поделка рыхлая, сравнительно легкая, по-видимому, к гипсу здесь имеются какие-то добавки. Как и терракотовые, и глиняные поделки подобного вида, его следует рассматривать как грузило, используемое при плетении или изготовлении тканей.

Крышки. Найдено несколько обломков гипсовых дисков, наиболее хорошо сохранившийся из них имеет диаметр около 30 см. Эти поделки, вероятно, употреблялись как крышки.

Гипс на Чакан-депе, по-видимому, имелся в большом количестве. Он широко употреблялся при реставрации керамики, многие сосуды с носиками имеют гипсовые пробки. Обработка первичного сырья, по-видимому, происходила непосредственно на поселении, здесь найдены пластины кристаллического гипса.

Общее хронологическое определение времени функционирования верхнего здания Чакан-депе не вызывает особых трудностей. Весь набор находок (керамика, монеты, жернова) указывает на его принадлежность к позднеантичному периоду. При попытках уточнения его датировки в пределах этого периода можно опираться на стратиграфические наблюдения и на относительную хронологию керамического комплекса Чакан-депе в ряду других известных комплексов области Нисы.

Находка на нижних полах двух монет, выпускавшихся не ранее II в. н. э., дает *terminus post quem* для всего памятника, то есть с уверенностью можно утверждать, что верхнее здание Чакан-депе построено не ранее II в. н. э. Точно определить, как долго оно функционировало, мы не в состоянии. На основе ряда общих соображений, на которых мы остановимся ниже, следует предполагать, что здание было оставлено накануне или во время присоединения области к Сасанидскому государству. Таким образом, предельные хронологические рамки для Чакан-депе II—первая половина III в. н. э. Мощные отложения культурных слоев,

следы перестроек указывают, что здание обживалось довольно долго, но что следует подразумевать под этим «долго» — несколько десятилетний или период в 1—1,5 столетия — мы сказать пока не можем.

На современном этапе наших знаний датировку верхнего здания Чакан-депе II—первой половиной III в. н. э. следует считать достаточно узкой и важной в плане общей хронологии археологических комплексов Южного Туркменистана. Для области Нисы античного периода мы сейчас располагаем шестью сравнительно хорошо представленными комплексами: Анауское поселение⁵⁶, Старая Ниса (комплекс из хозяйственной ямы)⁵⁷, Гарры-Кяриз⁵⁸, Коша-Хаудан⁵⁹, Чакан, Яндаклы⁶⁰. Комплекс керамики из хозяйственной ямы при винохранилище Старой Нисы датируется концом I в. до н. э., для комплекса в целом может быть предложена датировка в пределах этого столетия. Комплекс из Гарры-Кяриза на основании аналогий, стратиграфии и монет датируется II—I вв. до н. э. (в какой-то степени допускается продолжение жизни на поселении в начале I в. н. э.). Комплекс из Анауского поселения датируется по аналогиям и находке бронзового наконечника стрелы концом III—I в. до н. э. Таким образом, эти три комплекса, весьма близкие по составу и взаимно дополняющие друг друга, можно рассматривать как единый мегакомплекс, характеризующий развитие местного керамического производства в конце III—I вв. до н. э. До раскопок Чакан-депе для комплексов из Коша-Хаудана и Яндаклы II предлагалась датировка в широких хронологических пределах соответственно I—II и II—III вв. н. э. Раскопки Чакан-депе в настоящее время позволяют сузить и уточнить их датировку. Комплекс керамики из Коша-Хаудана занимает промежуточное положение между Гарры-Кяризом и Чакан-депе. Среди керамики Коша-Хаудана еще встречаются черноглиняные изделия, все ручки только круглые в сечении, отсутствует волнистый орнамент, еще относительно многочисленны чаши. Комплекс Яндаклы II, несомненно, более поздний по сравнению с комплексом из Чакана. Здесь широко распространены желобчатые ручки, близкие по типу к чакановским, также малочисленны чаши, преобладают небольшие узкогорлые кувшины, более широко применяется орнаментация однорядной волнистой линией (табл. XL). В соответствии

с этими показаниями относительной хронологии находки с Коша-Хаудана следует рассматривать как принадлежащие I в. н. э. (возможно, с включением начала II в.). Этому соответствует также находка монеты, относящейся примерно к началу I в. н. э. Керамику Чақан-депе датировать II в. н. э. (возможно, также первой половиной или четвертью III в. н. э.), а Яндак-лы II—III в. н. э. (возможно, также началом IV в. н. э.).

Вопрос о функциональном назначении верхней постройки Чақан-депе сложен для решения, т. к. при этом мы должны исходить только из архитектурной типологии, состава и распределения немногочисленных находок.

По типологической классификации парфянских поселений⁶¹, Чақан-депе еще до раскопок был отнесен к числу крупных усадеб или небольших укреплений. Как показали раскопки, верхние слои Чақан-депе представляют остатки крупного хорошо укрепленного здания, предназначенного для постоянного обитания значительной группы людей. Попытаемся определить численность этой группы, характер ее хозяйственной деятельности и возможный социальный статус. Во-первых, обращает внимание гипертрофированная оборона здания. Мощные монолитные башни расположены на очень близком расстоянии друг от друга, что следует объяснять желанием произвести психологическое воздействие, чем реальными соображениями безопасности. Создание этой постройки требовало больших экономически не обоснованных затрат. Во-вторых, привлекает внимание четкость плана, свидетельствующая об участии в строительстве сооружения опытного зодчего. Все эти соображения делают маловероятной принадлежность данной постройки агнанической группе свободных общинников или даже богатому частному лицу. Поселение свободных общинников представлено Гарры-Кяризом, имеющим совершенно иную планировочную структуру и более скромную архитектуру. Таким образом, наиболее вероятно, что Чақан-депе возводился при участии или по повелению царской администрации.

Анализ внутренней планировки и распределения находок помогает определить функции некоторых поме-

щений. Помещение 8, располагавшееся на башне, труднодоступно и имеет специальную зерновую яму.

Здесь найдено несколько обломков жерновов, что позволяет определить его как хранилище. Это также подчеркивается его связью с помещением 3, которое, несомненно, выполняло функции кухни. Здесь обнаружены дополнительные отсеки для хранения продуктов и несколько активно использовавшихся очагов. Примечательно, что в этом помещении обнаружено несколько предметов женского туалета весьма редких на Чакандепе — бусы, костяные и бронзовые заколки. Помещения 4—6 носили жилой характер, во всяком случае в них не обнаружено каких-либо следов хозяйственной и производственной деятельности. Помещения 1—2 также жилые, но отличаются от помещений 4—6 большим комфортом. Они меньше по размерам, в них устроены очаги, в отличие от очагов помещения 3, предназначенные для обогрева. Особо выделяется помещение 7. Оно также, вероятно, жилое, но в противоположность остальным расположено на башне, неподалеку от входа, т. е. из него хорошо контролировалось общение обитателей поселения с внешним миром. Полы и стены этого помещения покрыты алебастром, состав находок тоже своеобразен: монеты, железный кинжал, голова алебастрового идола, миниатюрные специального (?) назначения сосуды. Центральным элементом постройки был двор, предназначавшийся для отдыха и хозяйственной деятельности. Здесь располагались многочисленные, возобновлявшиеся мусорные ямы, хранились запасы воды. Позднее здесь было построено несколько вспомогательных помещений, а у западной стены появился алтарь, вероятно, освещавший расположенное здесь погребение. Все комнаты изолированы, в большинстве из них отсутствуют очаги для приготовления пищи, к тому же в комплексе есть общая кухня и кладовая. Это свидетельствует о том, что хозяйство у всех обитателей было общим и живущие в отдельных комнатах не образовывали самостоятельных хозяйственных ячеек. Это еще раз свидетельствует о том, что Чакандепе не мог быть жилищем общины, состоящей из нескольких семей. Обращают внимание планировка и размеры жилых помещений. Помещения 4—6 можно назвать казарменными — длинные, узкие, с единственным входом, без каких-либо перегородок они были

крайне неудобны для жилья. Несколько иную картину представляют помещения северного фаса. Помещения 1—2, как отмечалось, более комфортабельны, а помещение 7, несомненно, принадлежало наиболее влиятельному лицу.

Попытаемся сделать хотя бы самые ориентировочные подсчеты возможного числа обитателей здания. Жилые помещения Чакапа узкие, вытянутые, поэтому люди могли в них спать только в один ряд (с другой стороны еще должно было оставаться место для прохода). Если предположить, что одному человеку не-

3. Видовой состав костей животных с Чакап-депе

Вид животного	Количество костных остатков
Лошадь	351
Кулан	1
Осел	44
Лошадь или кулан	16
Осел или кулан	14
Бык домашний	508
Овца домашняя	655
Коза домашняя	123
Мелкий рогатый скот, ближе не определенный	144
Верблюд	43
Свинья домашняя	85
Кабан	1
Муфлон	1
Безоаровый козел	16
Джейран	20
Лисица обыкновенная	2
Корсак	5
Собака	7
Заяц	1
Дикобраз	4
Черепаша	1
Всего	2034

обходим был участок шириной в 1 м (с учетом места, занимаемого различной бытовой утварью), то в помещении 4 могли одновременно обитать 17 человек, в помещении 5—16, в помещении 6—25, в помещении 1—8, в помещении 2—7, в помещении 7, предположительно, могли обитать 5—6 человек. В итоге общую мак-

симальную численность обитателей Чакан-депе можно приблизительно определять в 80 человек.

При анализе хозяйственной деятельности необходимо обратить внимание на еще один вид находок, в изобилии встреченных на Чакан-депе — кости животных, употреблявшихся в пищу (табл. 3). Изучение этого материала, проведенное Н. М. Ермоловой⁶², показало, что основное место в мясном рационе занимал мелкий рогатый скот, причем забивались в основном взрослые, иногда даже старые особи, костей ягнят практически нет. Овцы были мелкого размера. Второе место по количеству костных остатков занимает крупный рогатый скот. Употреблялись в пищу также конина, свинина и мясо верблюда. Относительно костей верблюда Н. И. Ермоловой сделано интересное наблюдение — на Чакан-депе впервые для территории Туркменистана найдены кости одногорбого верблюда. Вероятно, именно в парфянское время в подгорной полосе Копетдага начали разводить более быстроходных драмадеров.

Охотничья деятельность обитателей Чакан-депе была незначительной. В небольшом количестве на поселении встречены кости джейрана, безоарового козла, кабана, муфлона и кулана.

Костный материал на Чакан-депе дает интересные сведения о развитии скотоводства в районе. Здесь были хорошие травянистые угодья, на которых помимо мелкого разводили крупный рогатый скот и лошадей. Вместе с тем сопоставление данных о мясном рационе обитателей Чакан-депе с аналогичными данными поселений Гарры-Кяриз и Коша-депе обнаруживают существенные различия. Все три поселения находятся в примерно одинаковых физико-географических условиях, поэтому эти различия следует объяснять неодинаковым хозяйственным укладом или различным социальным положением их обитателей. Заслуживают внимания следующие факты. На Чакан-депе обнаружен наименьший процент костей диких животных, что свидетельствует о том, что охота носила эпизодический характер. Между тем, письменные источники сообщают, что охота занимала значительное место в жизни свободных парфян, особенно знати⁶³. Это подтверждают костные остатки животных. На поселении Гарры-Кяриз, принадлежавшем зажиточным общинникам, найдено большее количество костей диких животных, чем на

Чакан-депе⁶⁴. Но еще более высок процент обнаружения на Коша-депе, которое можно рассматривать как место жительства крупного вельможи или землевладельца. Особенно популярна была облавная охота на джейранов. Число костей джейранов на Коша-депе лишь незначительно уступает числу костей овцы⁶⁵. Другой особенностью костных остатков Чакан-депе является употребление в пищу мяса взрослых, часто старых особей мелкого и крупного рогатого скота, в то время как на Гарры-Кяризе и Коша-депе преобладают кости молодых особей. Наконец, на Чакан-депе использовалось в пищу мясо транспортных животных — лошадей и верблюдов, кости которых отсутствуют на Коша-депе и в Гарры-Кяризе.

Если некоторое преобладание на Чакан-депе костей крупного рогатого скота можно рассматривать как следствие определенных хозяйственных различий (эта отрасль хозяйства здесь могла получить большое развитие благодаря близости хорошо обводненной Чулинской долины с прекрасным травостоем), то все остальные особенности мясного рациона, скорее всего, — следствие различного социального положения обитателей Чакан-депе, Гарры-Кяриза и Коша-депе. Возможно, на Чакан-депе основную массу обитателей составляли представители более низкого социального ранга, для питания которых поставляли старых, больных и даже транспортных животных. Таким образом, и архитектура постройки (ее замкнутый характер, наличие подсобных казарменного типа помещений), и данные о мясном рационе дают основания, естественно, со всеми необходимыми оговорками, сделать вывод о наличии среди обитателей Чакан-депе представителей низкого социального ранга.

Какие же хозяйственные функции могло выполнять Чакан-депе? Для более раннего времени (I в. до н. э.) из нисийских документов известно, что в области, подчиненной Михрдаткирту, располагалось большое количество имений, принадлежащих царскому хозяйству⁶⁶. Для II в. н. э. такими сведениями мы не располагаем, но у нас нет особых оснований предполагать, что в этот период, по сравнению с предшествующим, произошли какие-то крупные изменения в административной структуре и экономике области. В таком слу-

чае, можно допустить, что во II в. н. э. в области Нисы продолжали функционировать царские имения-дас-такерты и Чакан-депе был одним из новых таких имений, построенных в это время. Расположенное в плодородной и хорошо обводненной дельте Чулинского ручья оно могло производить для царского хозяйства разнообразную сельскохозяйственную продукцию. По нисийским документам известно о широком развитии в области виноградарства⁶⁷, обилие жерновов может намекать на возделывание зерновых культур, находки маслбоек и значительный процент костей крупного рогатого скота — на мясомолочный характер животноводства. В таком случае не исключено определение основной массы обитателей Чакан-депе как рабов. При таком варианте помещения северного фаса можно рассматривать как жилища охраны и администрации имения, а южные — как место обитания подневольного люда.

Второй возможный вариант — Чакан-депе — это форт с постоянным гарнизоном, призванный контролировать выход из Чулинского ущелья и прилегающий к нему сельскохозяйственный район. В пользу этого предположения может быть истолкована гипертрофированная система обороны. В таком случае помещения южной части здания действительно следует определять как казармы. Однако в некотором противоречии с этим определением находится малое количество находок предметов вооружения: одна обкладка лука, один кинжал и один наконечник стрелы.

В определенной степени загадочным остается погребение у западной стены двора. Прежде всего, обращает внимание его уникальность. Захоронение во дворе сделано не по общепринятым правилам. Вызывает удивление принадлежность его пожилой женщине, явно выраженные следы последующего его почитания, сочетающиеся с довольно скромным сопровождающим инвентарем в могиле. Наконец, привлекает внимание кольцевая деформация черепа.

Многие вопросы, возникающие при рассмотрении этого погребения, обусловлены крайней скудностью наших сведений о парфянском погребальном обряде. Недавно Б. А. Литвинский посвятил этой проблеме большую работу⁶⁸, но вопрос по-прежнему остался нерешенным, так как нам известно довольно много погре-

бений парфянского времени, но о собственно парфянских погребениях мы практически ничего сказать не можем. Для территории подгорной полосы Копетдага мы располагаем несколькими плохо изученными погребениями в склепах Новой Нисы⁶⁹, где не найдено ни одного непотревоженного захоронения, и несколькими кочевническими погребениями в катакомбах⁷⁰, связь которых с парфянами весьма проблематична. Эти сведения, известные по литературным источникам, можно дополнить материалами С. А. Ершова о раскопках Чопан-депе, расположенного в нескольких километрах севернее Чакан-депе. При изучении этого неолитического поселения найдено несколько погребений, сопровождающихся находками бронзовых наконечников стрел, датированных III—II вв. до н. э. Погребения совершены в вытянутом положении на спине, головой на север, кроме упомянутых наконечников никаких находок при погребенных не было⁷¹. Поэтому погребение Чакан-депе является для подгорной полосы одним из немногих погребений аршакидского времени. Однако определение его как парфянского, в этническом смысле, нельзя признать безоговорочным. Во-первых, погребение одиночное, во-вторых, погребенная имела кольцевую деформацию черепа. О деформации черепа у парфян сведения отсутствуют. Известные изображения парфян (монеты, скульптура) оснований для подобного заключения не дают. Но кольцевая деформация — явление хорошо известное по кочевническим погребениям этого времени в разных районах Средней Азии; ближайшим из них является Узбой⁷². Поэтому не исключено, что погребенная могла быть представительницей этих племен, в силу каких-то обстоятельств оказавшейся среди обитателей Чакан-депе и затем здесь же похороненная с соблюдением некоторых обычаев своих соплеменников. Одиночность этого погребения и последующее его почитание указывают на какое-то привилегированное положение этой женщины.

На проникновение представителей кочевых племен в подгорную полосу Копетдага указывают расположенные здесь курганные могильники⁷³, а также один из письменных документов с Коша-депе у Бабадурмаза. В нем среди прочих лиц упомянут Дахзен. Это имя можно перевести как «защита дахов», «оружие дахов»⁷⁴.

В целом раскопки Чакан-депе — значительный

вклад в изучение парфянской культуры на территории Южного Туркменистана. Чакан-депе — первый полностью раскопанный памятник первых веков н. э. на территории Туркменистана. Благодаря этому появилась возможность значительно расширить характеристику местной материальной культуры данного периода. Получены сведения об устройстве крупных усадеб, существовавших в этом районе и богатый комплекс находок, характеризующий различные стороны хозяйственной деятельности его обитателей. Керамический комплекс Чакан-депе в значительной степени уточнил и дополнил хронологическую шкалу керамики изучаемого района, в настоящее время для аршакидского периода имеется возможность датировать отдельные достаточно представительные комплексы керамики с точностью одного — двух столетий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Раскопки, проведенные на Коша-Хаудане и Чакан-депе, значительно расширили наши представления о культуре древнего населения центральной части подгорной полосы Копетдага в позднепарфянский период. Благодаря им мы имеем в определенной степени эталонные комплексы, прежде всего керамические, для опознавания других синхронных им памятников Ахала. Однако практическое определение возраста конкретных археологических объектов в настоящее время сопряжено со значительными трудностями. В первую очередь это обусловлено тем, что для многих памятников мы располагаем лишь крайне малочисленными коллекциями подъемного материала, представленного преимущественно сильно фрагментированными и маловыразительными обломками керамических сосудов, т. е. мы имеем непредставительные выборки, не позволяющие с достаточной точностью судить о форме керамических изделий и соотношении их отдельных групп. К этому следует добавить, что многие поселения подгорной полосы — многослойные памятники и подъемный материал с них нельзя рассматривать как единый комплекс. Все это делает уточнение возраста многих поселений античного времени делом будущего, когда на соответствующих памятниках будут проведены страти-

графические исследования или широкие раскопки. В настоящее время подобное уточнение возможно лишь для некоторых памятников. Благодаря раскопкам Нисы, Гарры-Кяриза, Коша-Хаудана, Чакан-депе и Яндаклы-депе выявлены некоторые хронологические признаки, позволяющие в ряде случаев уточнить возраст памятника в пределах аршакидской эпохи даже по крайне скудному материалу.

Находки чаш со ступенчатым перегибом стенки или с плавно отогнутым наружу венчиком, относительная многочисленность черноглиняных изделий, находки бронзовых наконечников стрел определенно указывают на присутствие культурных отложений раннеаршакидского возраста.

Чаши с утолщенным с внутренней стороны венчиком, бокалы на небольшом дисковидном или кольцевом поддоне, двояковыпуклые фляги относятся к числу предметов, продолжающих находиться в употреблении в I в. н. э., но позднее они неизвестны. Важный хронологический признак — появление жерновов, которые в подгорной полосе Копетдага, как показали раскопки Коша-Хаудана, вошли в употребление в начале нашей эры. В I в. н. э. кончается безраздельное господство вислых круглых в сечении ручек «гирканского» типа. В этом столетии ручки кувшинов иногда приобретают подквадратное сечение, а во II—III вв. н. э. с круглыми ручками успешно конкурируют желобчатые.

Следует отметить еще один хронологический признак, связанный с ручками. На изделиях местного производства до конца парфянской эпохи они остаются «вислыми», т. е. спинка ручки всегда расположена вровень или ниже ее верхнего корня (исключение составляют ручки некоторых горшков, прикрепленные только к плечу). С начала новой эры отмечены первые робкие попытки орнаментации сосудов путем наколок одно- или двузубчатой палочкой. Иногда этот вид орнаментации сочетается с небольшими шишечными налестками.

Во II в. н. э. незначительная часть сосудов украшается одиночной волнистой процарапанной линией. Судя по материалам Чакан-депе, подобным образом первоначально украшались только некоторые кухонные горшки. В дальнейшем этот мотив получает большее распространение. В комплексе Яндаклы II подобным

образом орнаментируются не только кухонные горшки, но и кувшины. Многорядный волнистый, гребенчатый орнамент для аршакидского периода неизвестен. В пределах Ахала он стал употребляться, вероятно, только с IV в. н. э. Для венчиков позднепарфянских горшков и кувшинов характерны лишь несложные формы профиля: простое скругление стенки, легкое ее утолщение или, напротив, утончение, небольшие округлые или подтреугольные в сечении выступающие наружу валики. Венчики с утолщением внутри горловины в материалах Чакан-депе встречаются очень редко у некоторых типов горшков, но они достаточно широко распространены в комплексе Яндаклы II, причем часть их встречается у кувшинов.

Руководствуясь этими признаками, можно предполагать наличие позднепарфянских слоев на 18 поселениях Ахала (см. Приложение, список). В типологическом плане могут быть охарактеризованы далеко не все эти поселения. Часть из них уничтожена до того, как была уточнена их планировка, часть перекрыта более поздними наслоениями, синхронность составляющих элементов ряда поселений требует подтверждения стратиграфическими исследованиями. Центром области, по-видимому, оставалось крупнейшее поселение городского типа — городище Новая Ниса. В I в. н. э. какое-то время функционировало другое городское поселение — Геок-Тепинское, но затем, по неясным для нас причинам, оно пришло в запустение.

В пределах области могло существовать еще несколько поселений городского типа. Таковые могли располагаться на месте крупных многослойных городищ Анау, Гурумсак, Дурун, но данные для характеристики поселений в Анау и Гурумсаке отсутствуют, а в Дуруне материалы аршакидского времени пока не найдены. Документально установлено функционирование в I в. н. э. важных идеологических центров Старой Нисы и Мансур-депе (памятники особого назначения). Судьба этих поселений во II—III вв. н. э. точно не установлена. Среди сельских поселений продолжают существовать все известные для аршакидского времени типы поселений. Малые изолированные усадьбы, например, представлены поселениями Ет-Агач II и Меджун-депе III, группы малых усадеб (рассредоточенные поселения) — Уч-депе у Изганта и Коша-Хауданом,

поселения с плотной застройкой — Кебелек-депе у Арчмана, крупные усадьбы и укрепления — Чаканом и Гаш-депе. Основная масса поселений располагается на давно обжитых землях в конусах выноса ручьев и речек. Таким образом, существенных изменений в принципе расселения и типологии поселений в позднеантичный период не произошло.

Раскопанные поселения Коша-Хаудан и Чакан-депе принадлежат к числу наиболее широко распространенных типов — рассредоточенные поселения и крупные усадьбы. Результаты изучения Коша-Хаудана в целом подтвердили выдвинутое после раскопок Гарры-Кяриза предположение о том, что так называемые поселения рассредоточенного типа представляют собой остатки поселков свободных парфянских общинников. Этот тип расселения характерен для парфянского периода и в подобных поселениях концентрировалась значительная масса сельского населения подгорной полосы Копетдага. Исходная единица этих поселений — небольшая усадьба, принадлежащая малой агнатической группе, единой и самостоятельной в хозяйственном отношении. В пределах подгорной полосы Копетдага часто встречаются подобные усадьбы, расположенные обособленно. В поселениях рассредоточенного типа отдельные усадьбы расположены на расстоянии от нескольких десятков до нескольких сот метров друг от друга. Такая структура расселения, вероятно, указывает на расположение усадеб внутри земельных наделов. Исходя из этого, можно предположить, что не вся земля, находившаяся в распоряжении общины, подвергалась регулярным переделам.

Вопрос о причинах объединения нескольких усадеб в один поселок пока не имеет и, по-видимому, не может иметь однозначного ответа. Их концентрация в некоторых случаях может объясняться просто расселением в удобной для этого местности или соображениями безопасности. Но чаще всего это, вероятно, диктовалось социальными связями, характерными для сельских общин — в первую очередь совместное владение землей и источниками орошения.

В ряде случаев подтверждение тому, что поселения рассредоточенного типа представляют собой не простое механическое соединение нескольких малых уса-

деб, а более сложный социальный организм, можно найти в структуре этих поселений. Так, например, на Гарри-Кяризе наряду с усадьбами, принадлежащими отдельным семьям, обнаружена постройка, несомненно, имеющая общественное значение.

Некоторые поселения, наряду с округлыми оплывшими холмами, как правило, скрывающими остатки жилых усадеб, включают довольно крупные всхолмления подквадратных в плане очертаний. Раскопки их еще не проводились, но на основании топографических наблюдений можно предполагать, что при их сооружении вопросу безопасности уделялось большое внимание. Это могли быть, как предполагает Г. А. Кошеленко, убежища, предназначенные для коллективной защиты жителей селения и движимого их имущества, в первую очередь скота. Не исключено, что часть подобных укрепленных сооружений могла принадлежать главам родов, уже не довольствовавшихся ведением хозяйства лишь личными усилиями членов своего семейства и использовавших труд социально зависимых людей. Это могли быть также резиденции царских чиновников, осуществлявших контроль за деятельностью общин. При всей слабости аргументации этих предположений следует обратить внимание на направленность структурных изменений в типологии сельских поселений в сравнении с последующим, сасанидским периодом, когда ведущим типом становятся крупные, четко выделенные топографически холмы-усадьбы (некоторые исследователи считают возможным называть их замками), расположенные в окружении мелких, значительно уступающих по размерам и высоте всхолмлений.

Основу хозяйственной деятельности обитателей Коша-Хаудана, несомненно, составляло земледелие. Об этом свидетельствует расположение поселения в удобной для занятия поливным земледелием местности, длительность его функционирования, т. е. устойчивая оседлость, использование капитальных глинобитных строений, обилие крупных тарных сосудов, вероятно, предназначенных для хранения сельскохозяйственной продукции, находки землеройных орудий и ручных мельничных установок, наконец, отсутствие артефактов, указывающих на какую-либо производственную специализацию, за исключением скотоводства. На развитие последнего указывают довольно обильные на-

ходки раздробленных и разрубленных костей домашних животных. Преобладают кости мелкого рогатого скота, встречаются также кости коровы и домашней свиньи. Разведение крупного рогатого скота имело мясомолочную направленность, на поселении найдены маслобойки емкостью в несколько десятков литров.

Обитатели поселения занимались переработкой и другой сельскохозяйственной продукцией. На это указывают находки «пряслиц», по крайней мере часть которых использовалась как утяжелители для веретен, и ручные мельничные установки, служившие для домашнего помола зерна. Значительный процент лепной керамики позволяет предполагать изготовление части ее своими силами. В целом хозяйство Коша-Хаудана можно оценить как натуральное. Однако общий уровень социального и экономического развития области способствовал вовлечению его владельцев в обмен и торговлю. Продукцией профессиональных ремесленников, вероятно, являются жернова, железные орудия труда и часть использовавшейся на поселении керамики. В частности, к таковой, несомненно, принадлежит черноглиняная керамика, требующая особого режима обжига в специальных печах. Наконец, находка монеты указывает на участие в каких-то товарно-денежных операциях. При сравнении с Гарри-Кяризом создается впечатление, что жители Коша-Хаудана уступали им в благосостоянии.

Чакан-депе относится к другому широко распространенному типу, который до начала раскопок этого поселения определялся как «крупные усадьбы». Определяющими его признаками служили относительно крупные размеры (0,25—2 га) и четкие геометрические очертания, обусловленных наличием мощных внешних стен. Раскопки Чакан-депе и Коша-депе у Бабадурмаза показали, что под руинами с подобными внешними признаками могут скрываться остатки поселений разного типа и интерпретация их назначения даже в случае полных раскопок пока еще сопряжена со значительными трудностями. В основном тексте работы автор попытался привести аргументы против определения Чакан-депе как частновладельческой усадьбы. Более вероятным представляется его определение как дастакерта, находящегося в непосредственном управ-

лении царской администрации. Нельзя также полностью исключить его использование как небольшого укрепления, призванного обеспечить военный контроль над этим районом.

Среди этого условно выделенного по внешним признакам типа археологических памятников, несомненно, должны быть остатки усадеб, принадлежащих парфянской знати. Основанием для подобных предположений, помимо общих сведений о структуре парфянского общества, могут служить хозяйственные документы, найденные при раскопках Старой Нисы (Михрдаткирта). В них многократно упоминаются ответственные чиновники царской администрации, по-видимому, происходящие из местной знати и являвшиеся владельцами или держателями крупных поместий. Все это заставляет подчеркивать условность выделения этого типа поселений и называть его «крупные усадьбы и укрепления», самим названием подчеркивая возможность различной интерпретации объединенных в эту группу археологических объектов.

В целом типология парфянских поселений, результаты раскопок некоторых из них и данные письменных источников свидетельствуют о значительном имущественном и социальном расслоении парфянского общества.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК ПОЗДНЕПАРФЯНСКИХ ПАМЯТНИКОВ АХАЛА

1. Кебелек-депе находится в 1 км восточнее железнодорожной станции Арчман (рис. 13). Крупное распластанное всхолмление неправильных очертаний (рис. 14) (площадь — около 1 га, высота — 4,7 м). Склоны холма усеяны гравием, мелкими камнями и многочисленными обломками керамики. На вершине холма остатки какой-то крупной постройки, полностью или частично возведенной из мелкого камня. Она, вероятно, позднего происхождения. С ней, видимо, следует связывать редкие находки фрагментов керамики периода развитого средневековья. Контрольный раскоп площадью 50 м² установил, что кроющий слой поселения относится к позднепарфянскому времени (табл. XLI). Вместе с тем и в раскопе, и в подъемном материале имеется керамика, свидетельствующая о возможности обнаружения на холме слоев более раннего, раннеаршакидского времени. На это прежде всего указывают находки черноглиняных чаш (табл. XLII, 19). Позднепарфянская керамика представлена обломками всех основных видов сосудов, за исключением фляг. Хумы известны по типичным для аршакидского периода манжетовидным венчикам. На стенках некоторых из них по сырой глине вырезались изображения каких-то тамгообразных знаков, к сожалению, сохранившихся неполностью. В одном случае тонким острием сделано схематическое изображение козла (табл. XLII, 29). Ряд корчаг и более мелких горшков в верхней части плечика украшены поясками наколок одно- или двухзубчатой палочкой. Орнамент на одном фрагменте лепной стенки (табл. XLII, 5) близко напоминает подобную декорировку некоторых изделий Коша-Хаудана и Чакан-депе. Керамика Кебелек-депе дает также примеры орнаментации сосудов кольцевыми углубленными оттисками. Обращает внимание валикообразный венчик высокогорлой корчаги, украшенный по наружному краю неглубокими частыми округлыми вмятинами (табл. XLII, 11). Отсутствие желобчатых ручек свидетельствует о том, что хронологически кроющий слой этого поселения ближе к Коша-Хаудану, чем к Чакан-депе.

Центральный холм в радиусе до 400 м окружен не-

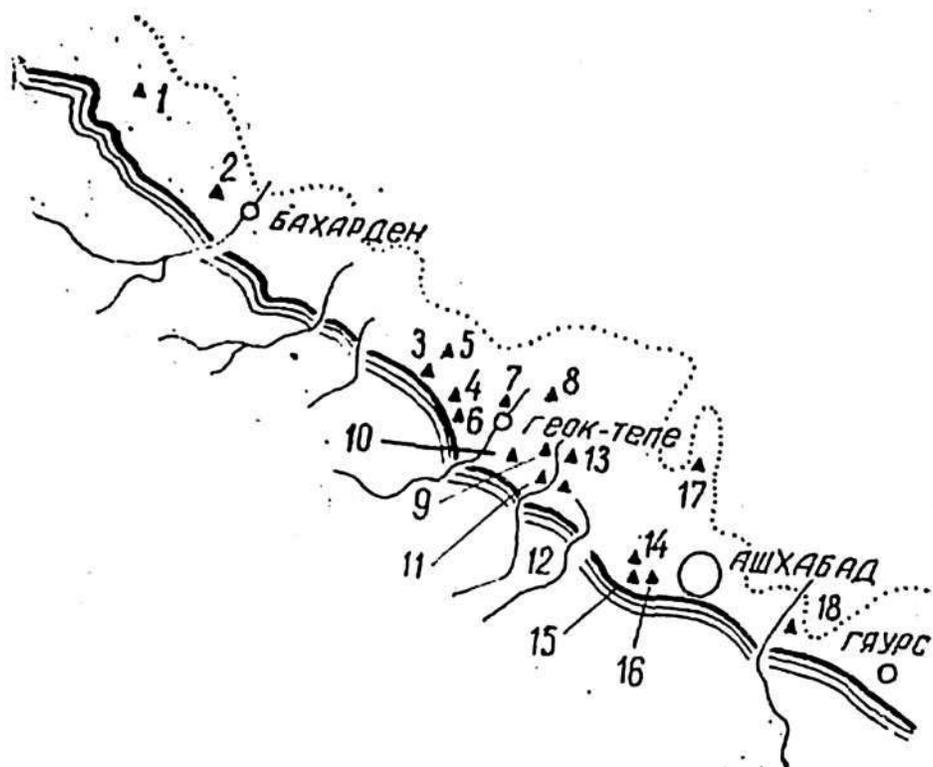

Рис. 13. Схема расположения поселений позднепарфянского времени.

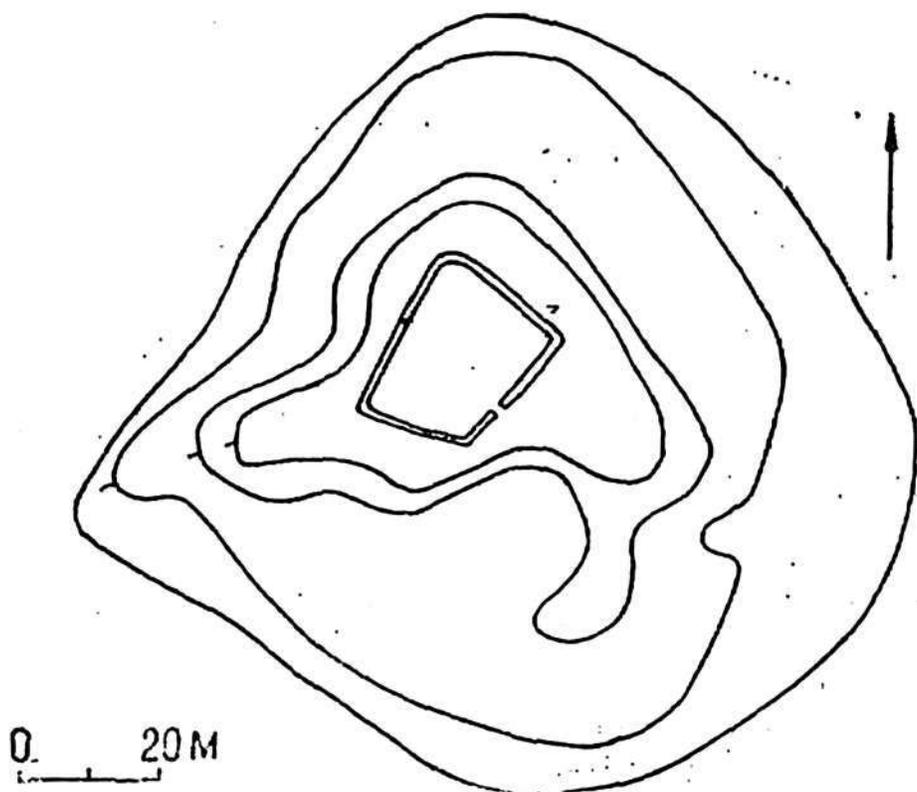

Рис. 14. Кебелек-депе. План.

большими низкими увалами, на которых также встречаются фрагменты керамики позднепарфянского времени.

Памятник обследован С. А. Ершовым (1950 г.)¹, А. А. Марущенко (1958)², В. Н. Пилипко (1970 и 1979 гг.).

2. Ба кы-Кумбет (Бакынынг депеси) находится в 1 км северо-западнее аула Мурча (нового). Холм неправильно округлой формы (около 50 м в поперечнике, высота — 6 м). На вершине холма остатки позднесредневекового строения. Склоны холма пологие, усеяны щебнем. В двух местах зафиксированы скопления хумов: в одной группе — 5 сосудов, во второй — 3. В основе холма, по-видимому, остатки поселения ахеменидского времени, в подъемном материале имеется несколько фрагментов сосудов баночного типа со слабо выраженным подкосом. Основная толща культурных отложений относится к раннеаршакидскому периоду. К позднепарфянскому времени уверенно можно отнести лишь один горшок с плавно отогнутым наружу венчиком, на его горловине имеется поясик орнамента, нанесенный двузубчатой палочкой.

Памятник обследовали С. А. Ершов (1950 г.), сотрудники ЮТАКЭ (1951 г.)³, В. Н. Пилипко (1970 г.).

3. Гарры-Кяриз — поселение рассредоточенного типа на 57 км шоссе Ашхабад — Красноводск. Основной период функционирования поселения приходится на раннеаршакидский период. В I в. н. э. здесь, по-видимому, продолжали жить одна или несколько малых семей. На холме № 5 найдены фрагменты горшков и корчаг, украшенных поясками из наколок.

Памятник открыт А. А. Марущенко (1951 г.)⁴. В 1968—1972 гг. В. Н. Пилипко здесь проведены раскопки⁵.

4. Коша-Хаудан — поселение рассредоточенного типа на 52 км шоссе Ашхабад — Красноводск. Возникло в раннеаршакидский период, продолжало функционировать в I в. н. э. Подробнее о поселении см. главу I.

5. Ет-Агач-депе II — небольшой сильно оплывший холм, точные сведения о его размерах отсутствуют. Памятник в настоящее время находится в пределах южной части Копетдагского водохранилища, в 4 км севернее поселка Бирлешик колхоза имени Тельмана

Геок-Тепинского района. При разрушении холма найдены бронзовые монеты (клад?). Одна из них относится к чекану Митридаткерта I в. н. э.⁶

Памятник обследован Г. А. Кошеленко и А. Губаевым (1970 г.)⁷.

6. Елбарс-деле (Дингли) находится в 1 км северо-западнее центральной усадьбы колхоза им. Тельмана Геок-Тепинского района (Исбирден). Высокий (выше 10 м) крупный холм с крутыми склонами и плоской вершиной. Площадь — свыше 1 га. Кроющий слой периода развитого средневековья, имеются также находки керамики сасанидского периода. Выразительных находок керамики парфянского времени нет, но среди подъемного материала имеется бронзовая позднепарфянская монета.

Памятник обследовали С. А. Ершов в 1951 г., Г. А. Кошеленко и А. Губаев в 1970 г., В. Н. Пилипко в 1971 г., В. Ю. Вдовин в 1983 г.

7. Геок-Тепинское городище расположено на северной окраине одноименного (Геок-Тепе) поселка. Ядро городища составляет крепость, имеющая в плане очертания квадрата, точнее, ромба, со стороной около 200 м (табл. XLIII). Толщина внешних стен достигала 8 м. Они усилены 20 мощными прямоугольными башнями, равномерно распределенными по всему их периметру. Башни выступали за линию стен примерно на 2 м. Въезд в крепость, судя по микрорельефу, находился в середине южного фаса. В юго-западном углу обособленно располагалось крупное здание или группа зданий, образующих в микрорельефе возвышенную площадку со стороной около 40 м. Городище имело еще одну, внешнюю линию оборонительных стен, защищавших пригород. В плане эта стена образовывала четырехугольник со сторонами примерно 750×330 м. В натуре сохранились только западный и южный участки стены. Памятник впервые, вероятно, был осмотрен в 1950 г. С. А. Ершовым⁹. В 1951 г. городище обследовали Г. А. Пугаченкова, В. И. Сариниди, А. А. Марущенко¹¹. В 1953 г. небольшие разведывательные раскопки осуществлены Ф. Я. Косыке при участии А. А. Марущенко¹². В 1967 г. дополнительные контрольные раскопки проведены В. Н. Пилипко¹³.

В печати высказывались разные точки зрения относительно возраста этого памятника¹⁴, поэтому необ-

ходимо более подробно остановиться на этом вопросе. Для этих целей мы располагали небольшой коллекцией керамики, полученной при раскопках 1963 и 1967 гг., а также собранной в выбросах из могильных ям (в настоящее время крепость занята действующим кладбищем). Керамика геоктепинского городища представлена типичным для аршакидского времени набором сосудов: хумы, корчаги, разнообразные типы горшков, маслобойки, кувшины, тазы, чаши, бокалы (табл. XLIV). Оригинальной формой, неизвестной по другим памятникам, является цедилка с шаровидным резервуаром (табл. XLIV, 8). Наряду с красноглиняной в небольшом количестве представлена черноглиняная керамика. Наибольшее сходство рассматриваемый комплекс обнаруживает с материалами I в. до н. э. из Нисы. Обнаруживается близость в форме чаш, часто имеющих дисковидные поддоны, кувшинов с цилиндрической горловиной, бокалов на невысоком кольцевом поддоне. Горшки с каплевидным туловом близки к аналогичным находкам с Гарры-Кяриза. В ряде форм (кувшины, горшки, бокалы) геоктепинский комплекс перекликается с Коша-Хауданом. Особо следует отметить наличие подквадратных в сечении ручек. В целом материалы из Геок-Тепе производят впечатление несколько более ранних, чем комплекс верхнего слоя холма № 10 Коша-Хаудана. Сходство с Чакан-депе можно найти лишь в некоторых долгоживущих формах; наиболее характерных для Чакан-депе типов сосудов здесь нет, равно как неизвестны находки жерновов. Таким образом, круг аналогий позволяет предположить для рассматриваемого памятника датировку в пределах I в. до н. э.—первой половины I в. н. э.

8. Тоголок-депе находится примерно в 10 км северо-северо-восточнее поселка Геок-Тепе или в 2 км восточнее центральной усадьбы колхоза им. М. Горького. В микрорельефе хорошо выделяются две основные составляющие памятника — невысокое сильно оплывшее всхолмление диаметром 120—130 м и возвышающийся на нем высокий холм с крутыми склонами (диаметр — 70—80 м, общая высота холма — 7—8 м). Пологое всхолмление является остатками поселения VI тыс. до н. э., а перекрывающий его холм образовался после разрушения построек парфянского и сасанидского времени. Основная толща его культурных от-

ложений относится к сасанидскому времени. Обживающие памятники в античный период незначительные. Фрагменты керамики раннеантичного времени обнаружены с юго-западной стороны холма над раскопом О. Бердыева, находки позднепарфянской керамики происходят из стратиграфического раскопа В. Ю. Вдовина с восточной стороны холма¹⁶. Слон раннеантичного времени не обнаружены. По-видимому, в античный период здесь располагались небольшие и недолго функционировавшие поселения, не занимавшие всей площади древнего холма. При раскопках В. Ю. Вдовина в 1983 г. в стратиграфическом раскопе на глубине 530 см найдена бронзовая монета.

Лицевая сторона. Схематическое изображение головы влево. Наиболее четко видна двойная линия диадемы и редкие штрихи прически выше диадемы.

Оборотная сторона. Полнотелый лучник вправо. Четко показаны крупный нос и глаз. Торс как бы развернут в три четверти. Руки согнуты в локтях (от правой сохранилось лишь изображение верхнего сегмента). Левая рука изображена как бы отдельно от туловища, не касается она и лука. Последний приобрел треугольные очертания. Нижняя часть изображения лучника осталась за пределами монетного кружка. Позади лучника прослеживается крупное кольцо, вероятно, часть знака, над ним остатки знака, некогда передававшего греческую букву эпсилон (см. табл. XI, 3). Диаметр монеты — 13 мм, вес — 2,6 г, оси — 12 мм. По стилистическим особенностям монета близка к сериям V—VI маргианских монет. В частности, «полнотелый» лучник характерен для серии VI, но точного совпадения нет ни с одним из известных типов. Предположительная ее датировка — II в. н. э.

Памятники обследовали А. А. Марущенко (30-е гг., 1961 г.), В. А. Ершов (1951 г.), О. К. Бердыев (1967 г.), В. Н. Пилипко (1968, 1974, 1980 гг.), В. Ю. Вдовин (1983—1985 гг.).

9. Орта-дэпе находится в 4 км восточнее поселка Геок-Тепе, на правом берегу Каракумского канала. Сильно оплывший холм подквадратных в плане очертаний, ориентированный углами по сторонам света (табл. XLV). Размеры его 80×80 м, высота — 4,5 м. В центре — всхолмление: остатки крупного здания, по краю валы оплывших стен, возможно, фланкирован-

ных башнями. В шурфе, в пределах центрального здания зафиксированы остатки стен, сохранившихся на высоту до 4 м. В завале найден кусок штукатурки со следами росписи. Верхний культурный слой поврежден средневековым мусульманским кладбищем. Материал из шурфа невыразительный и не дает оснований для уточнения датировки памятника в пределах аршакидского периода. находка стенки, украшенной пояском из наколок двузубчатой палочкой, дает основание для предположения о функционировании усадьбы (?) в позднепарфянский период.

Памятник обследовали А. А. Марущенко (1958 г.)¹⁷ и В. Н. Пилипко (1967 г.)¹⁸.

10. Гаш-депе находится в 7 км юго-восточнее центрального поселка Геок-Тепинского совхоза-завода. Холм неправильной формы 50—80 м в поперечнике (высота — до 7,5 м). Северо-западный склон — крутой, юго-восточный — пологий. Вокруг холма широкий ров. С юго-запада примыкает поселение из отдельных мелких всхолмлений. В 1967 г. А. Губаевым и Г. А. Кошеленко проведены разведывательные раскопки. Вскрыты остатки двух башен и четыре керамические печи. Памятник датирован позднепарфянским—раннесасанидским временем¹⁹.

11. Чакан-депе находится в 3 км южнее 33 км шоссе Ашхабад — Красноводск. Представляет собой высокий плосковерхий холм с крутыми склонами. Очертания в плане близки к прямоугольным, длинная ось ориентирована север—юг, в середине восточного фаса имеется пологая ложина (размеры холма по основанию — 76×69 м, высота—5,6 м). Подробные сведения об истории изучения памятника и результатах его раскопок см. выше.

12. Уч-депе (Келеджар) расположен в 0,8 км юго-западнее 30 км шоссе Ашхабад — Красноводск. В настоящее время из трех холмов сохранились только два. Окрестности холмов запаханы. Северо-западный холм изуродован поздними выборками земли. Склоны обрыты. Верхняя плоскость относительно ровная (высота—1,5 м, в поперечнике—около 50 м). Второй холм в 200 м юго-восточнее первого. Он округлый в плане, в поперечнике — около 45 м, высота — 3,5 м. Склоны сильно оплывшие. С севера и запада к нему примыкает аморфное слабовыраженное всхолмление высотой 1—

1,5 м, площадью — около 0,4 га, на нем также встречаются редкие фрагменты керамики. В контрольном шурфике на первом северо-западном холме получено небольшое количество керамики, близкой по облику к чакановской, что дает основание датировать кроющий слой поселения позднепарфянским временем.

Памятник обследовали С. А. Ершов в 1950 г. и В. Н. Пилипко в 1970 г.

13. Уч-дepe (Изгант) находится в 1,5 км юго-западнее селения Изгант. В настоящее время из трех холмов сохранился лишь один. В плане он близок к неправильному пятиугольнику. Склоны крутые, верх уплощен (размеры в поперечнике — 45—55 м, высота — 3 м). Холм частично поврежден земляными работами. Среди подъемного материала имеются прямоугольные в сечении ручки, стенки с орнаментом, выполненные наколами, и стенки (плечики) со слабо выраженными валиками, что дает основание относить кроющий слой поселения к позднепарфянскому периоду.

Памятник обследовали С. А. Ершов (1950 г.) и В. Н. Пилипко (1970 г.).

14. Мансур-дepe расположен примерно в 11 км к западу от Ашхабада, у безменского поворота Фирузинского шоссе. Основные архитектурные сооружения комплекса находятся внутри обширного, обведенного стенами, пространства. С южной и восточной сторон стены не сохранились, поэтому общая площадь памятника может быть определена лишь приблизительно в 20—30 га. Ядро комплекса составляет прямоугольный внутренний двор площадью около 1,2 га. Северо-восточный и юго-восточный углы двора фланкированы двумя курганообразными возвышенностями. Форма и размеры их одинаковы, что позволяет видеть в них остатки однотипных сооружений, условно названных «северным» и «южным» храмами²⁰. В середине восточной стены двора обнаружены остатки нескольких небольших помещений, вероятно, служебного назначения. Возможно, здесь располагался парадный вход во двор. С запада двор ограничен монументальным зданием размером 50×40 м. Относительно назначения комплекса имеются разные мнения, наиболее предпочтительным представляется определение его как культового²¹. Строительство комплекса осуществлено в ран-

неаршакидский период, время залушения точно не установлено. Можно лишь отметить, что он функционировал в I в. н. э. — при раскопках найдены votивные пустотелые комки гипса с оттисками монет этого времени.

Впервые памятник обследовал А. А. Росляков (1948 г.), затем его раскопки осуществляли А. А. Марущенко (1953 г.), Д. Дурдыев (1959—1962 гг.), В. Н. Пилипко и Г. А. Кошеленко (1968 г.), А. Губаев и Г. А. Кошеленко (1969 г.)²².

15. Новая Ниса находится на западной окраине селения Багир. Городище имеет трехчастную систему планировки: цитадель, основной массив застройки, округа. Возведенная на естественной возвышенности цитадель занимала площадь около 4 га, к ней примыкал основной массив застройки площадью около 18 га²³. Он имел неправильную ломаную линию стен, что, вероятно, обусловлено конфигурацией естественной возвышенности, служившей основанием для городища. Вокруг располагалась разреженная застройка пригорода, по-видимому, также обведенного стеной²⁴. В раннеаршакидский период это поселение было крупнейшим в подгорной полосе Копетдага и выполняло функции административного и экономического центра области. Вероятно, подобное положение оно продолжало сохранять в позднеаршакидский период, но бесспорными доказательствами этого мы пока не располагаем, непотревоженные слои позднепарфянского времени здесь еще не обнаружены.

Памятник обследовался многими исследователями. Раскопки проводили А. С. Башкиров и А. А. Марущенко (1930 г.)²⁵, А. А. Марущенко (1935 г.)²⁶, М. И. Вязьмитина (1946—1949 гг.)²⁷, Л. М. Рутковская и Ю. Ф. Буряков (1955 г.)²⁸, В. Н. Пилипко (1985 г.).

16. Старая Ниса находится на юго-восточной окраине селения Багир, в 1,5 км от городища Новая Ниса. Хорошо укрепленная крепость площадью около 13,5 га²⁹ расположена на плосковерхом естественном холме. Она определяется как памятник особого назначения — заповедная царская крепость³⁰. Внутренняя планировка обусловлена ее специальным назначением: центральную часть городища занимает комплекс культовых и дворцовых построек, вдоль стен и в се-

верной его трети размещались хозяйственные строения и жилища обслуживающего персонала. Гибель Старой Нисы традиционно относится к III в. н. э. и ставится в связь с сасанидским завоеванием³¹. Для I в. н. э. известны выпуски серебряных и бронзовых монет с монограммой Митридаткерта, которые есть основания отождествлять с монетным двором, функционировавшим в Старой Нисе³². Находки гипсовых «шаров» с оттисками таких монет известны по раскопкам Круглого храма³³ и Здания с квадратным залом³⁴. Вопрос о финальном этапе функционирования этих и других сооружений Митридаткерта требует дальнейшего изучения.

Памятник раскапывали экспедиция Туркменского научно-исследовательского института (А. А. Марущенко) (1930—1931, 1934—1936 гг.); ЮТАКЭ (М. Е. Массон, С. А. Ершов, Е. А. Давидович, М. С. Мершиев, Н. И. Крашенинникова и др.) (1946—1967, 1975 гг.); Парфянская экспедиция Института истории АН ТССР (1979—1980, 1982—1985 гг.); Нисийская экспедиция ЛОИА АН СССР (В. М. Масон) (1982—1985 гг.).

17. Яссы-депе (Меджнун III) находится в 8—9 км север-северо-западнее Ашхабада в оазисе Гюль-Заде (территория колхоза «Социализм» Ашхабадского района). Овальный в плане холм высотой 3 м, размеры в поперечнике — 45—50 м. Холм частично снивелирован бульдозером. Контрольный шурф, заложенный в южной части холма, позволил установить, что кроющий слой относится к позднеаршакидскому периоду. Основную массу находок составляют обломки кувшинов с округлыми и желобчатыми ручками.

Памятник обследовали А. А. Росляков (1949 г.)³⁵ и В. Н. Пилипко (1970 г.).

18. Городище Анау расположено в 10 км восточнее Ашхабада. Округлое в плане оно имеет в поперечнике 300—350 м. Высота холма — 10—12 м. Основная толща культурных отложений относится к эпохе средневековья. Находки фрагментов керамики античного времени известны как по подъемному материалу, так и из шурфов. Находки из шурфов малочисленны и невыразительны. В. А. Левина условно датирует их первыми веками н. э.³⁶

Детально топографическое и стратиграфическое изучение городища осуществлено В. А. Левиной в 1947 г.

СИСТЕМА ОПИСАНИЯ И АНАЛИЗ КЕРАМИКИ АНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ ПОДГОРНОЙ ПОЛОСЫ КОПЕТДАГА

Керамика — один из важнейших археологических источников. Нередко она служит единственным основанием для выделения и характеристики той или иной культуры. Но при всей важности этого источника существует разноречивость в методике описания керамических изделий и употребляемой при этом терминологии. Все это делает необходимым разъяснение употребляемой терминологии и принципов систематизации керамики с целью облегчения усвоения информации, заложенной в публикуемом материале, и создания предпосылок для совершенствования методов его исследования.

В настоящее время существует значительное количество различных систем формализованного описания керамики, но, как правило, они приспособлены для описания конкретного материала, обладающего специфическими особенностями. Универсального метода описания керамики нет, и, вероятно, быть не может. Следует также учитывать, что отрыв от конкретного материала и стремление к полной формализации процедуры сильно затрудняют восприятие текста археологических публикаций, неизбежно смещают традиционно используемые определения и типологию. Например, Д. Ф. Дейлсом³⁷ разработан рациональный и достаточно простой в употреблении метод описания харраппской керамики, но его использование в работе со среднеазиатским материалом вызывает ряд психологических и технических трудностей. Д. Ф. Дейлс предлагает использовать непривычные для среднеазиатской археологии измерения — «внутренняя высота», «диаметр горла» вместо «диаметр венчика» и т. п. При следовании этой системе мы вынуждены хумы и бокалы называть кувшинами, а чаши со слегка загнутыми внутрь венчиками — горшками. Кроме того, следует учитывать, что большинство формализованных систематизаций ориентировано на описание массовых находок целых сосудов. Но при раскопках южно-туркменистанских

поселений эпохи раннего железа и античности преимущественно приходится иметь дело с сильно фрагментированным материалом. Находки целых и археологически целых изделий единичны и представляют далеко не все виды используемых сосудов. При систематизации подобного материала нередко приходится ориентироваться на форму верхней половины сосуда, его горловины или даже венчика. Время для создания полностью формализованной системы описания и анализа южно-туркменистанской керамики античного периода, вероятно, еще не наступило. Вместе с тем в настоящее время предпринимаются попытки конкретизации и унификации терминологии, применения, по-возможности, единых методов описания и анализа отдельных керамических комплексов. При характеристике парфянской керамики использованы некоторые элементы систем описания и анализа керамики, разработанных Ж. К. Гарденом³⁸, Б. И. Маршаком³⁹, В. Ф. Генингом⁴⁰, Г. В. Шишкиной⁴¹, Д. Ф. Дейлсом⁴².

Рассматриваемый в данной работе метод описания и классификации керамики, помимо стремления к элементарному упорядочению массового материала, имеет целью создание предпосылок для использования керамики как исторического источника. Информация, заложенная в обыкновенном глиняном горшке, разнообразна и в силу несовершенства наших методов исследования извлекается далеко не полностью. Керамика для археологов представляет интерес преимущественно в трех основных аспектах.

1. Как продукт гончарного производства, содержащий информацию об уровне технического и социального развития общества. В этом плане важнейшее значение имеют фактурно-технологические признаки.

2. Сосуд как предмет быта или определенной сферы хозяйственной деятельности. В этом плане важнейшее значение приобретает форма сосуда, поскольку она, как правило, функциональна. В ряде случаев определенное значение имеют размеры сосуда и фактурные признаки.

3. Сосуд как элемент археологической культуры, в специфической форме фиксирующий ее особенности, помогающий установить направленность ее контактов и связей, ее абсолютный или относительный возраст. В этом плане равнозначны как фактурные, так и фор-

мообразующие признаки. Особое значение приобретает декор и манера исполнения отдельных, часто второстепенных (венчик, поддон) элементов формы.

Классификация парфянской керамики осуществлена на основе учета двух категорий признаков: фактурно-технологических и морфологических (формообразующих). При оценке формы изделий учитывались способ сочетания отдельных составляющих элементов, общие пропорции сосуда, соотношение отдельных его частей и линейные размеры. Классификация строится по принципу от общего к частному. В качестве изначального целого берется керамический комплекс (выборка). Он делится на отдельные фактурно-технологические группы. Затем производится общая оценка формы—сосуды закрытого и открытого типов. Внутри этих классов для всей совокупности или отдельных фактурно-технологических групп выделяются отдельные категории изделий: горшковидные, кувшиновидные, фляги, чашевидные, бокаловидные, жаровни и т. д. Категории в свою очередь делятся на отдельные виды сосудов — горшковидные, например, на хумы, корчаги, маслобойки и т. д. Виды сосудов — основная таксонометрическая единица. Они, как правило, объединяют близкие по назначению изделия. Внутри этих видов выделяются отдельные подвиды (типы) сосудов, которые характеризуются по форме, размерам, соотношениям и декорации.

Фактурно-технологические признаки

1. Цвет черепка в изломе. Различные сорта глины (лесса) и их смеси в зависимости от режима обжига приобретают окраску красно-коричнево-желтого или черно-серо-белого цвета, в редких случаях черепок имеет зеленоватую (зеленовато-серую или зеленовато-желтую) окраску. За редким исключением мастера-керамисты не планировали заранее получение черепка определенного цвета. Он в основном обуславливался составом сырья и температурой обжига. Соответственно из одного сорта глины можно было получить черепок, окрашенный в красный, коричневый, желтый и белый цвета. Отсутствие эталонных цветовых таблиц, разнообразие оттенков, вариации окраски различных частей одного сосуда приводят к значительному субъективиз-

му в оценке данного показателя. Во избежание этого оценка проводится по крупным группам*.

Красно-коричневый черепок. Сюда относятся все оттенки этих двух цветов от темно-красного до насыщенного желто-коричневого.

В некоторых комплексах, например, в керамике Ча-кан-депе, особо выделяется керамика с красным черепком. Но это обособление обусловлено не только цветом черепка, но и сопутствующими ему признаками — черепок этих изделий отличается большей плотностью, твердостью, внешняя поверхность обычно тщательно заглажена, часто залощена. Насыщенный красный цвет обусловлен или особенностями состава сырья или совокупностью определенных технологических операций. В некоторых случаях отдельные принадлежащие к этой группе изделия могут иметь коричневый, красно-коричневый и пятнисто-окрашенный черепок, но изменения цвета сосуда в этих случаях объясняются дефектами обжига. Оценка цвета черепка, как и в других подобных случаях, производится по цвету основной массы изделий данной группы.

Темно-серый или черный черепок. Обычно, особенно в зарубежной литературе, для эпохи раннего железа пишут просто о серой керамике. Например, так характеризуют соответствующую керамику поздней бронзы или раннего железа, керамику культуры архаического Дахистана, в частности. В действительности цвет ее черепка — темно-серый, иногда даже черный или коричневато-черный. Употребление термина «серая» без соответствующих пояснений представляется неправильным, так как имеется еще группа светло-серой керамики, которую называют просто «светлой». Темный цвет черепка обычно обусловлен специально планируемыми технологическими операциями.

Светлый черепок. Эта группа объединяет изделия со светло-серым, серо-желтым, белым, светло-коричневым, бледно-зеленым и бледно-розовым в изломе черепком. В описании конкретных изделий общее название «светлый» нуждается в определении цвета окраски. Светлая окраска черепка преимущественно обусловлена высокой температурой обжига. Эта фак-

* В группах возможна и желательна более конкретная оценка цвета черепка отдельных изделий.

турно-технологическая группа выделяется в тех случаях, когда есть уверенность, что светлая окраска черепка—следствие определенного температурного режима обжига. В тех случаях, когда изделия этой группы единичны, т. е. являются продуктом случайного отклонения от планируемого режима обжига, изделия светло-окрашенных тонов рассматриваются как разновидность керамики с красно-коричневым черепком.

2. Цвет внешней поверхности определяется в рамках тех же цветовых групп, что и цвет черепка. При неравномерной окраске в результате неравномерного обжига предпочтение отдается преобладающей окраске или окраске подавляющего большинства подобных изделий. Применение ангобного покрытия специально оговаривается, в таком случае определяется не цвет внешней поверхности, а цвет ангоба. Основная масса керамики парфянского времени не имеет специального ангобного покрытия или имеет ложный ангоб. Поэтому указание на цвет внешней поверхности одновременно следует расценивать как указание на отсутствие ангоба. При описании сосудов открытого типа *отдельно описывается цвет внешней и внутренней поверхностей.*

3. Фактура черепка. Для изделий, не имеющих в глиняном тесте специальных отошающих примесей, оценивается тщательность предварительной подготовки сырья (отмучка). При наличии в тесте естественной примеси инородных включений в виде мелких камушков, частиц гипса, а также при комковатости теста, свидетельствующей о недолгом вылеживании сырья и плохой промешанности теста, она определяется как плохая. При использовании специальных добавок указывается состав отошающей примеси, цвет и размеры ее частиц (в настоящее время последнее делается не всегда).

4. Качество обжига. Обжиг оценивается как «хороший» и «плохой». Хорошим считается обжиг, в результате которого черепок сосуда приобрел одинаковую окраску. Таковым признается также обжиг, в результате которого внутренняя и наружная поверхности черепка приобрели различный цвет, но эти различия характерны для всех участков сосуда. Он признается хорошим также в тех случаях, когда черная сердцевина недожега образуется только на отдельных

значительно утолщенных участках изделия. Например, в сердцевине массивных венчиков хумов или в утолщении при переходе резервуара в донце. Указанием на плохой обжиг следует считать значительную контрастность в окраске отдельных участков сосуда, наличие черных пятен или черной сердцевины, оплавленность и деформацию изделия в результате чрезмерной температуры обжига.

5. Техника формовки. По этому признаку различаются круговые и лепные изделия. Основанием для определения преимущественно служат круговые риски, образующиеся при обработке сосуда на гончарном круге. При их отсутствии сосуда определяются как лепные. В некоторых случаях, когда в результате заглаживания, ангобирования или лощения риски полностью утрачены, привлекается менее надежный признак — четкость геометрических форм, присущая изделиям, изготовленным на гончарном круге.

Достаточно широко в античный период были распространены различные комбинированные способы изготовления керамики. Некоторые сосуда первоначально лепились вручную, а затем подправлялись на гончарном круге, другие, напротив, вытягивались на круге, а затем подвергались различной дополнительной обработке. Хумы и некоторые другие крупные сосуда изготавливались из отдельных колец, затем соединявшихся в одно целое. Эти кольца-блоки изготавливались как с применением гончарного круга, так и без него. Четкие критерии для фиксации комбинированных методов формовки пока не разработаны. Монтаж ручек, носиков и ножек-поддонов не считается признаком комбинированной техники изготовления.

6. Техника обработки придонной части сосуда. В парфянский период существовали различные способы обработки придонной части сосуда. Круговые сосуда (после того, как завершалась формовка тулова и устья) чаще всего переворачивались и при быстром вращении круга обрабатывались нижняя часть тулова и дно*. Иногда круг использовался лишь как вращающаяся подставка, обработка придонной части проводилась ножом. Нередко сосуд не переворачи-

---

* Переворачиванию сосуда предшествовала неполная его сушка (проявление).

вался — лишняя глина с придонной части удалялась обстругиванием. При этом приеме дно часто оставалось необработанным со следами песчаной подсыпки* или отпечатком твердой поверхности. Метод обстругивания применялся и при изготовлении изделий ручным способом. В ряде случаев использовался способ формовки изделий в чашевидных подставках.

7. Лощение относится к декоративным элементам, но одновременно оно улучшало эксплуатационные качества керамической посуды. Лощение, уплотнявшее поверхность сосуда, способствовало большей его водостойкости и облегчало его очистку. Лощилась преимущественно столовая посуда, поэтому данный признак важен при попытках определения функционального назначения того или иного вида изделий. Лощение встречается сплошное (в свою очередь, его можно разделить на тщательное, зеркальное и штриховое, когда хорошо заметны накладываются друг на друга полосы) и полосчатое, когда отдельные заглаженные штрихи расположены на некотором расстоянии друг от друга (в зависимости от направленности полос его можно характеризовать как горизонтальное, вертикальное или радиальное). В керамике других областей Средней Азии известно сетчатое и фигурное лощение, но данные виды для подгорной полосы Копетдага не характерны.

На основании фактурно-технологических признаков выделяются фактурно-технологические группы. Принципы их выделения зависят от задач исследования. При анализе керамики античного периода в основу подобного деления обычно кладется фактура и цвет черепка. Соответственно выделяется керамика: 1) с красно-коричневым (и серо-желтым) черепком и без специальных примесей в тесте; 2) с темно-серым и черным в изломе черепком, без специальных примесей в тесте. Цвет черепка в данном случае — результат целенаправленных технологических операций; 3) со специальными

---

* Песчаная подсыпка, вероятно, употреблялась часто, но при обработке сосуда в перевернутом виде следы ее полностью утрачивались. Для античного периода нехарактерен известный по другим областям способ съема с помощью подрезки вращаемого на круге сосуда тонким шнуром. В подгорной полосе Копетдага этот метод был известен в эпоху бронзы и вновь получил распространение в период раннего средневековья.

отошающими добавками в тесте, которые улучшали жаростойкость керамики; в античный период изделия с подобной фактурой преимущественно использовались для приготовления пищи. Для каждой из этих групп известны как круговые, так и лепные изделия, поэтому техника формовки в данном случае—признак дополнительный. Характеристику этих групп могут дополнять другие признаки, имеющие вспомогательный характер. Так, черноглиняная керамика, за редким исключением, круговая, часто лощеная; кухонная керамика, напротив, преимущественно лепная, лощение на ней в античный период практически не встречается. При рассмотрении отдельных комплексов возможно выделение и иных фактурно-технологических групп.

Декорация сосудов

При характеристике декоративного оформления определяется способ орнаментации, внутри каждого способа—мотивы. Декорации керамики в подгорной полосе Копетдага в античный период уделялось мало внимания (наиболее массовым явлением были ангобирование и лощение, которые рассматриваются нами как фактурно-технологические признаки). Тем не менее местным керамистам были известны почти все используемые в то время приемы декоративного оформления керамики: деформации, налепы, оттиски, гравировка, роспись.

Деформации. Украшение сосуда с помощью деформации его стенки в процессе формовки сводилось к выделению валиков, ложбин, уступов.

Налепы. Известно использование налепных обручей и локальных налепов в виде конусов и дисков. Особую группу составляют фигурные налепы, чаще всего зооморфные, украшавшие преимущественно ручки и сливы. Степень схематизации этих изображений различна. Некоторые сосуды сохраняли данный вид орнаментации в рудиментарной форме, например, два конусовидных налепа на сливе имитируют голову рогатого животного.

Оттиски. В парфянской керамике известно применение только мелких отдельных штампов. Это—оттиски гемм и пуансона, специальные орнаментальные штампы отсутствовали. Как разновидность этого способа орнаментации следует рассматривать украшение сосудов

с помощью насечек и наколок. Сюда следует также отнести оттиски-вмятины от подушечек пальцев.

Гравировка. Украшение сосудов с помощью линий, процарапанных до обжига.

Роспись. Узорчатая окраска поверхности сосуда.

Как элементы внешнего оформления сосудов рассматриваются знаки-метки, знаки-обереги и надписи на сосудах. Как и декоративные элементы, они рассматриваются в двух аспектах — способ нанесения и мотив. Четкой границы между ними нет. Многие элементы, определяемые нами как декоративные, несли определенную смысловую нагрузку, выявить которую мы можем далеко не во всех случаях.

Основу типологической систематизации керамики составляет ее классификация по форме. Прежде чем приступить к рассмотрению морфологических признаков, лежащих в основе этой классификации, остановимся на общей терминологии, употребляемой при описании сосудов, т. к. в этом вопросе еще встречаются неадекватное толкование определений или, напротив, использования разных терминов для обозначения одного понятия.

Для удобства рассмотрения терминов обратимся к условной наиболее сложной в морфологическом отношении форме сосуда — кувшин с носиком и поддоном. Основные морфологические (формообразующие) его элементы: тулово, горловина, носик и ручка (табл. XLVI). Все остальное можно воспринимать как составные части этих основных элементов.

Тулово или резервуар — это основная емкость сосуда, у кувшинов обычно сужающаяся вверху и внизу. В зависимости от формы резервуар разделяется на две, реже — три горизонтальные зоны.

У большинства сосудов, имеющих плавно очерченный профиль резервуара, тулово разделяется на плечико и нижнюю (придонную) часть. Границей между ними служит наиболее выпуклая точка тулова. В тех случаях, когда профиль сосуда имеет крутые изгибы или цилиндрическое уплощение — дополнительно между плечиком и придонной частью выделяется средняя часть тулова. Нижняя, обычно уплощенная часть резервуара называется дном или основанием. Если дно имеет

специальное утолщение — это поддон. К поддону также применим термин основание.

Горловина — зауженная венчающая часть сосуда. Она состоит из собственно горла и из венчика — завершения его верхнего края. У венчика в зависимости от его формы может быть выделен бережок — наклонно или горизонтально расположенная площадка. При характеристике горловины употребляются еще два дополнительных термина: устье — внутренняя полость на уровне венчика, и шейка — наиболее узкая часть горла.

Слив — приспособление для слива жидкости. Иногда он образуется путем деформации венчика, чаще имеет форму лоткообразного или трубчатого выступа — носика.

Ручка — наклепное приспособление для переноса и подвешивания сосуда. Она состоит из стебля — различного профиля керамического стержня. Наружная (верхняя) часть стебля называется спинкой, внутренняя (нижняя) — брюшком. Концы стебля, с помощью которых ручка крепится к сосуду, называются корнями.

При описании нашего абстрактного кувшина остался без упоминания, пожалуй, лишь один морфологический элемент — ножка. Это высокое (высота равна или больше $\frac{1}{2}$ диаметра основания) дополнительное основание (поддон), обычно характерно для изделий открытого типа. В свою очередь некоторые ножки можно разделить на два элемента — ствол и основание.

Следует отметить, что при практическом использовании этой терминологии допускаются некоторые отклонения. Так, при описании горшков с короткой плавно разворачивающейся наружу горловиной понятие горловина опускается и на него переносится определение венчик, т. е. под венчиком понимается не способ оформления верхнего края сосуда, а сама верхняя часть стенки. Чёткие критерии для распознавания венчика в виде небольшого, расположенного под углом к стенке, отростка и низкой горловиной пока не выработаны. Аналогичное положение наблюдается при описании некоторых чашевидных сосудов.

Для определения формы сосуда и отдельных его частей важное значение имеют некоторые линейные

параметры и их соотношения. К числу основных параметров относятся высота (В), наибольший диаметр тулова (НДТ), диаметр венчика (ДВ), диаметр дна (ДД). При определении формы сосуда могут иметь значение и некоторые другие линейные измерения: внутренняя высота (ВВ), диаметр устья (ДУ), наименьший диаметр горла (НДГ), высота горла (ВГ) — измеряется от шейки или выраженного изгиба стенки при переходе в плечико до верхнего среза сосуда. Высота поддона или ножки определяется разницей между В и ВВ. При наличии ножки или поддона диаметр дна резервуара определяется диаметром верхнего основания ножки или поддона. Имеет значение также ряд других параметров, которые указываются при характеристике форм отдельных элементов сосуда.

Описание формы отдельных элементов сосуда

Венчики бывают разнообразными и их классификация диктуется конкретным материалом. На первой стадии классификации они разделяются на простые, валикообразные, венчики-отгибы и сложно профилированные. Простые — это венчики, образованные такими несложными операциями над верхним краем стенки сосуда, как перпендикулярная или косая срезка, скругление, утончение (приостренный венчик), утолщение. Валикообразные венчики можно разделить на валики, выступающие наружу, внутрь и двухсторонние. В парфянской керамике наиболее широко распространены выступающие наружу валики: подтреугольные, в виде округлых валиков, в виде сплюснутых валиков, подчетыреугольные, манжетовидные и т. д. Среди этих видов венчиков в свою очередь можно выделить подвиды. Например, среди подтреугольных имеются приостренные наружу, приостренные вверх, уплощенные сверху, клювовидные.

Венчики-отгибы могут быть плавно отогнутыми, резко отогнутыми (г-образными), крючковидными.

Горловины (горло). По форме выделяется четыре основных разновидности: цилиндрические; усеченноконические, сужающиеся кверху; раструбообразные (воронкообразные), расширяющиеся кверху; вогнутые посередине. В зависимости от соотношения высоты и наибольшего диаметра они могут быть разделены на

низкие — $ВГ < 1/2 ДГ$, средневысокие — $ДГ > h > 1/2 ДГ$ и высокие $ВГ > ДГ$. Ширина горла определяется относительно НДТ. Сосуд считается широкогорлым, если диаметр устья равен или больше $1/2$ НДТ, и узкогорлым, если равен или больше $1/4$ НДТ. Имеет значение и абсолютная величина диаметра горла. Горловины с диаметром меньше 10 см считаются узкими, а с диаметром больше 15 см — широкими.

Тулово. При определении формы тулова важнейшее значение имеет характер изгиба его стенки и отношение наибольшего диаметра к высоте, определяющее пропорции тулова. Среди закрытых форм высоким считается тулово, у которого $ВТ > НДТ$, при $ВТ < НДТ$, но $> 1/2 НДТ$ тулово считается средневысоким, при $ВТ < 1/2 НДТ$ — низким. Собственно форма тулова описывается с помощью простейших геометрических фигур — цилиндр, шар, конус (усеченный) или различных их комбинаций. При этом важным показателем является уровень расположения наибольшего диаметра тулова относительно его высоты. У сосудов с плавно очерченным профилем стенки тулова его форма описывается с помощью ряда условных названий. Яйцевидным называется тулово, у которого НДТ находится в верхней его половине, каплевидным — в нижней половине, бочковидным — при расположении НДТ в средней части тулова. Возможно также использование других определений. Например, средневысокие резервуары с крутым изгибом стенки, имеющей НДТ в средней части, т. е. формально принадлежащие к средневысоким бочковидным туловам, называются шаровидными, высокие тулова, сочетающие верхнюю усеченно-коническую часть с нижней цилиндрической, называются бутылеобразными, а средневысокие — куполовидными.

Форма резервуаров сосудов открытого типа также описывается с помощью простейших геометрических понятий: усеченный конус, полусфера, шаровой сегмент и т. п. Различное соотношение НДТ и высоты определяет их разделение на отдельные виды сосудов. Изделия, у которых высота больше НДТ (или ДВ) определяются как бокалы, изделия, у которых высота меньше НДТ, но больше $1/6$ НДТ — как чашевидные, высота меньше $1/6$ НДТ характерна для блюдцеобразных изделий. Чашевидные сосуды, в свою очередь, разделя-

ются на глубокие (при $V > 1/2$ НДТ) и мелкие (при $V < 1/2$ НДТ).

Донца характеризуются как плоские, выпуклые, округлые и вогнутые. Донца с выступающей закраиной или небольшой выемкой снизу определяются как дисковидные и кольцевые псевдоподдоны. Относительная ширина дна определяется соотношением его диаметра к наибольшему диаметру тулова. Широкодонные сосуды — ($ДД > 1/2$ НДТ), среднеширокие донца — $ДД = 1/4 - 1/2$ НДТ, малые донца — $ДД < 1/4$ НДТ.

Поддоны встречаются усеченно-конические, цилиндрические и дисковидные в виде плоских лепешек обычно несколько большего диаметра, чем дно. Усеченно-конические и цилиндрические поддоны могут быть сплошными или полыми (кольцевыми).

Ножки по форме и размерам характеризуются также, как горловины.

Ручки характеризуются по четырем основным позициям: 1) по ориентации стебля они разделяются на вертикальные и горизонтальные; 2) по сечению стебля — на круглые (округлые), желобчатые (фасолевидные), подчетыреугольные и т. п.; 3) по степени изогнутости стебля разделяются на дуговидные, полукруглые, петельчатые и кольцевые; 4) по способу крепления относительно других элементов сосуда. Кроме стебельчатых ручек встречаются еще ручки-налепы.

Носики-сливы характеризуются по форме, пропорциям и наклону относительно стенки сосуда и горизонтальной плоскости. По форме сливы разделяются на лоткообразные, цилиндрические, конические, раструбообразные и сложносоставные. По пропорциям они разделяются на короткие (длина $\leq$ диаметру), длинные (длина = 1—3Д) и очень длинные (длина более чем в 3 раза превышает диаметр).

Основу систематизации керамики составляет ее классификация по форме. Прежде всего она разделяется на открытые и закрытые формы. При полном следовании формальным определениям к открытым формам следует причислять сосуды, у которых наибольший диаметр соответствует диаметру венчика. На практике дело обстоит несколько сложнее. Хумы с широким устьем принято рассматривать совместно с другими хумами, относящимися к закрытым формам. Бокалы, чашевидные сосуды, кружки с заг-

нутой внутрь верхней частью стенки характеризуются как открытые формы. Для некоторых сосудов при определении их принадлежности к открытым или закрытым формам решающее значение приобретает способ обработки внутренней поверхности. Тщательное ее заглаживание, использование ангоба и лощения указывают на восприятие этого сосуда древними мастерами и потребителями как открытой формы. Вслед за ними, вопреки формальным показаниям, подобные изделия мы должны также относить к открытым формам.

Деление на открытые и закрытые формы носит вспомогательный характер и предваряет разделение всей совокупности на отдельные категории. Под категориями понимаются крупные ассоциации сосудов, объединенных специфическим сочетанием определенных морфологических признаков, которые в рамках данной общности могут отличаться значительной вариабельностью. Среди закрытых форм выделяются горшковидные сосуды, кувшиновидные и фляги.

Горшковидные сосуды — это изделия закрытого типа без горловины или с низкой и часто относительно широкой горловиной.

Кувшиновидные — также сосуды закрытого типа, но обладающие высокой горловиной или ручкой, соединяющей горловину с туловом, или обоими этими признаками.

Фляги — сосуды закрытого типа с боковым расположением горловины.

Сосуды открытого типа разделяются на бокаловидные, чашевидные и блюдцеобразные на основании различного пропорционального соотношения между высотой и наибольшим диаметром. Бокалы — это сосуды, вписывающиеся в вытянутый по вертикали прямоугольник, чаши — вписываются в прямоугольник, вытянутый по горизонтали, у блюдцеобразных высота составляет менее $\frac{1}{6}$ наибольшего диаметра.

На следующем уровне классификации происходит разделение категорий на самостоятельные виды. При этом наряду с морфологическими признаками и пропорциями принимаются во внимание абсолютные размеры изделий, в ряде случаев привлекаются дополнительные признаки, отражающие специфику использования тех или иных сосудов. Обособление отдельных групп керамических изделий на этом уровне в опреде-

ленной степени отражает функциональное назначение сосудов.

Среди горшкообразных изделий выделяются хумы, хумчи, корчаги, маслобойки, сосуды с носиком и горшки, не получившие пока более точного определения.

Хумы — крупные сосуды, предназначенные для стационарного хранения жидких и сыпучих тел. Отличительные признаки хумов среди прочих горшковидных — крупные размеры (высота 0,8—1,5 м) и значительная толщина стенок (свыше 1,5 см).

Хумчи — малые хумы, отличающиеся несколько меньшими размерами (высота — 0,6—0,8 м).

Корчаги — крупные сосуды, предназначенные для хранения и, возможно, транспортировки жидких и сыпучих тел. От хумов их отличают прежде всего тонкостенность и несколько меньшие размеры (высота—40—80 см). Для античного времени может быть учтен еще один признак, разделяющий эти виды сосудов — хумы, в отличие от корчаг, как правило, не имели горловины.

Маслобойки. От корчаг отличаются двумя основными признаками. На плечиках этих сосудов имеется полукруглая, горизонтально расположенная ручка, рядом с ручкой—сквозное отверстие. Следует также отметить, что маслобойки обладают относительно узкой горловиной.

Сосуды с носиками-сливами. Как следует из названия, эти сосуды отличаются наличием трубчатых носиков-сливов. Нередко слив сочетается с противоположащей ему ручкой. Большинство этих сосудов широкогорлые. Наиболее вероятна их связь с хранением и переработкой молока. Имеются и другие разновидности сосудов со сливами, но до получения массового материала и уточнения их функционального назначения они рассматриваются как единая группа.

Кувшиновидные разделяются на собственно кувшины, графины и кувшиновидные ритоны.

Кувшины — сосуды, преимущественно предназначенные для непродолжительной транспортировки, временного хранения и использования жидкости. Отличительной их особенностью является относительно узкое горло и ручка, предназначенная для дозированного

разлива жидкости и удобства перемещения сосудов. Наиболее характерными признаками кувшина следует считать высокую горловину, сочетающуюся с ручкой, соединяющей горло с туловом. В тех случаях, когда имеется подобная ручка, к кувшинам отнесены и сосуды со средневысокой горловиной.

Графины. К ним относятся сосуды закрытой формы с высокой горловиной, но без ручки. В аршакидское время такие сосуды представляли большую редкость.

Кувшиновидные ритоны — это кувшиновидные сосуды, как правило, снабженные двумя ручками и двумя отверстиями в донце, оформленными небольшими конусовидными выступами-сливами.

Флягами называются сосуды, предназначенные для длительной транспортировки жидкостей.

Фляги с куполовидным туловом. Их отличает куполовидный резервуар и четко выраженное плоское дно (бок). Отношение наибольшего диаметра тулова к высоте приближается к единице. Горловина расположена под углом к уплощенному боку.

Фляги с уплощенным резервуаром. Горловина расположена в наиболее широкой части тулова, обычно ее ориентация соответствует ориентации продольной оси сосуда.

Различие между этими видами фляг, вероятно, отражает способы их транспортировки или использование разных видов транспортных животных.

Среди бокаловидных сосудов различаются собственно бокалы (кубки) и бокалы на ножках. Бокалами, как отмечалось выше, называются вытянутые по вертикали небольшие открытого типа сосуды плоскодонные или снабженные поддонами. Бокалы на ножках сочетают подобного вида резервуар с высокой ножкой.

Чашевидные сосуды подразделяются на три вида в зависимости от размеров. Сосуды с диаметром венчика свыше 30 см относятся к тазам, с диаметром 30—20 см — к мискам, менее 20 см — к чашам. Следует отметить, что это деление условное и в дальнейшем границы между этими видами сосудов могут быть уточнены на основании статистической обработки массового материала.

Самостоятельные виды сосудов составляют изделия, содержащие в тесте специальные отошающие добавки. Среди них выделяются горшки, миски, жаровни.

Внутри видов на основании различий в размерах, пропорциях и форме отдельных морфологических признаков выделяются разновидности. Во многих археологических работах эти разновидности трактуются как типы, под которыми понимаются «устойчивое сочетание определенных признаков». Данное определение, взятое из систематики, указывает на то, что оно применимо только к массовому материалу и декларирруемая им устойчивость требует статистической проверки. В археологической же практике нередко типами называются группы артефактов, представленные 1—2 десятками, а иногда даже единичными предметами, отличающимися ярковыраженными специфическими признаками или особым их сочетанием. При последовательном применении этого определения в большинстве случаев мы должны признать невозможность типологической классификации материала.

Однако в силу традиционно-широкого употребления данного термина мы считаем возможным его использование наряду с такими определениями, как подвид и разновидность.

На наш взгляд, основной единицей классификации керамических комплексов следует признать вид изделий. При этом необходимо четко формулировать видовые признаки, позволяющие безошибочно определять видовую принадлежность того или иного изделия. Следует отметить, что на уровне классификации по видам наиболее отчетливо прослеживается связь между формой и назначением сосуда. При последующей классификации по подвидам (типам) за основу деления принимаются не определенные сочетания формообразующих элементов, а особенности их строения, а также способ орнаментации. Виды через состав керамических наборов отражают хозяйственную деятельность и особенности быта древних людей, а подвиды фиксируют изменения этих видов во времени и пространстве, связь их с определенной этно-культурной средой.

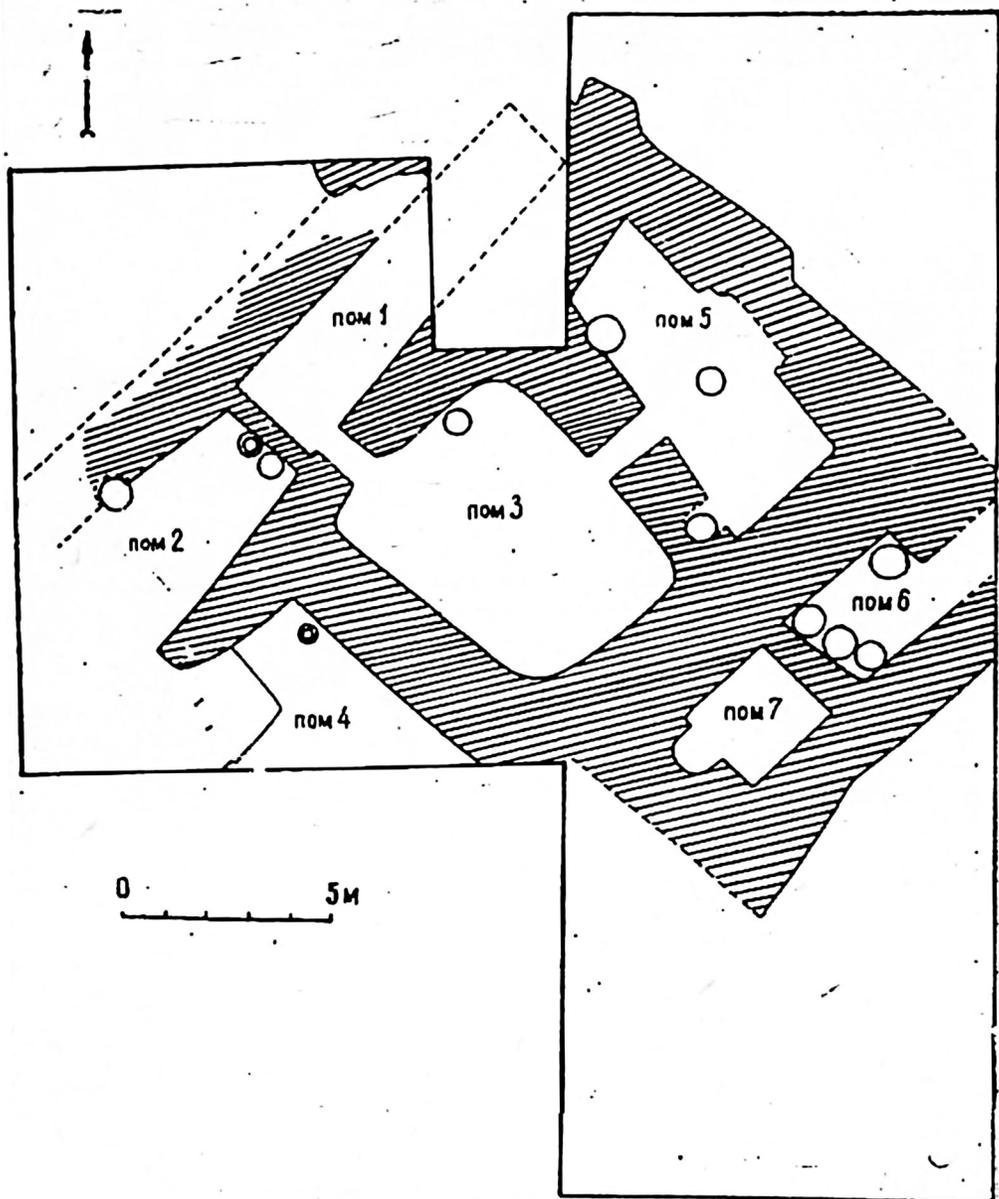

Табл. I, Коша-Хаудан, План раскопа на холме № 10.
Кружками обозначены хумы,

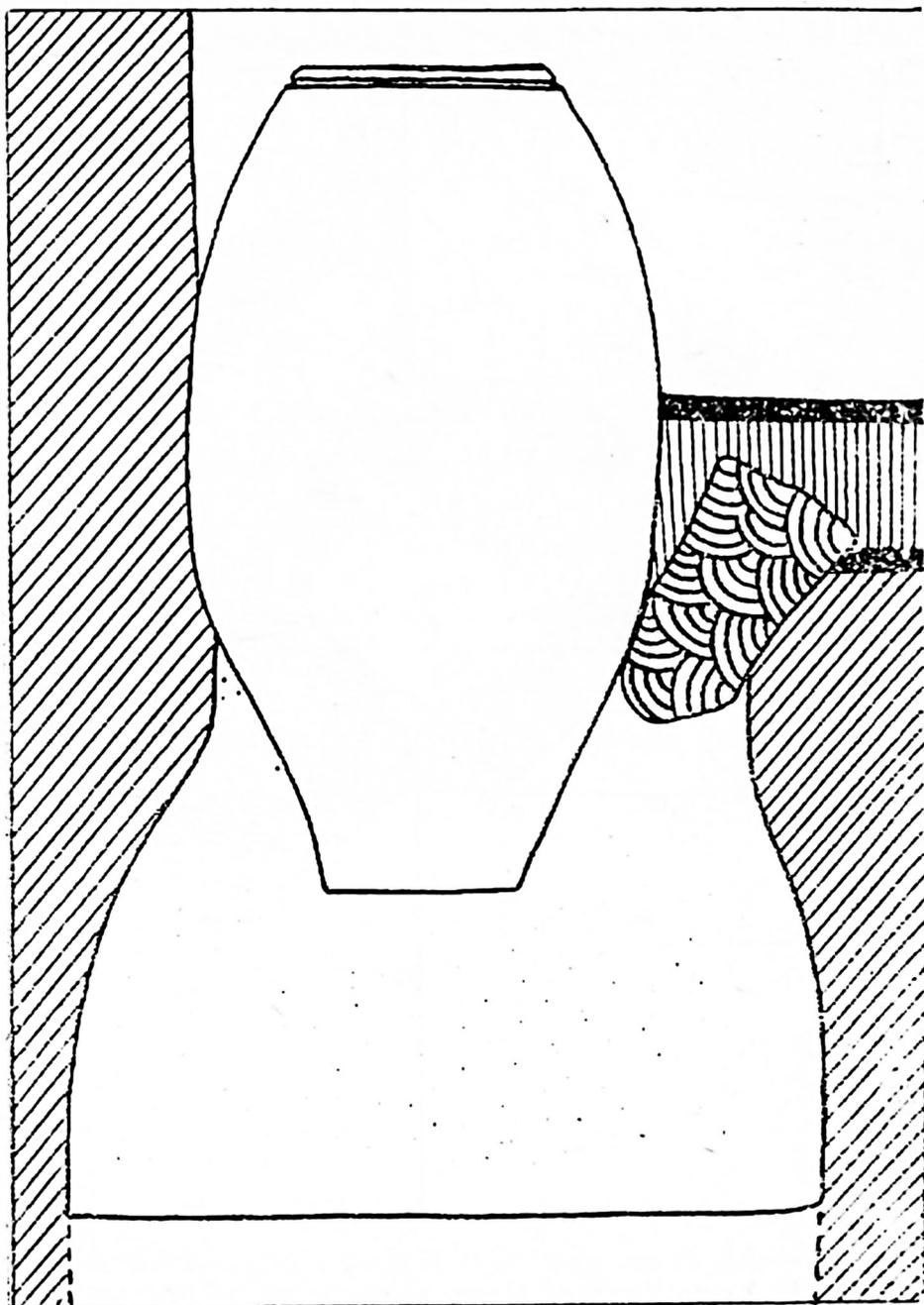

Табл. II. Коша-Хаудан. Способ установки хума у северо-восточной стены,

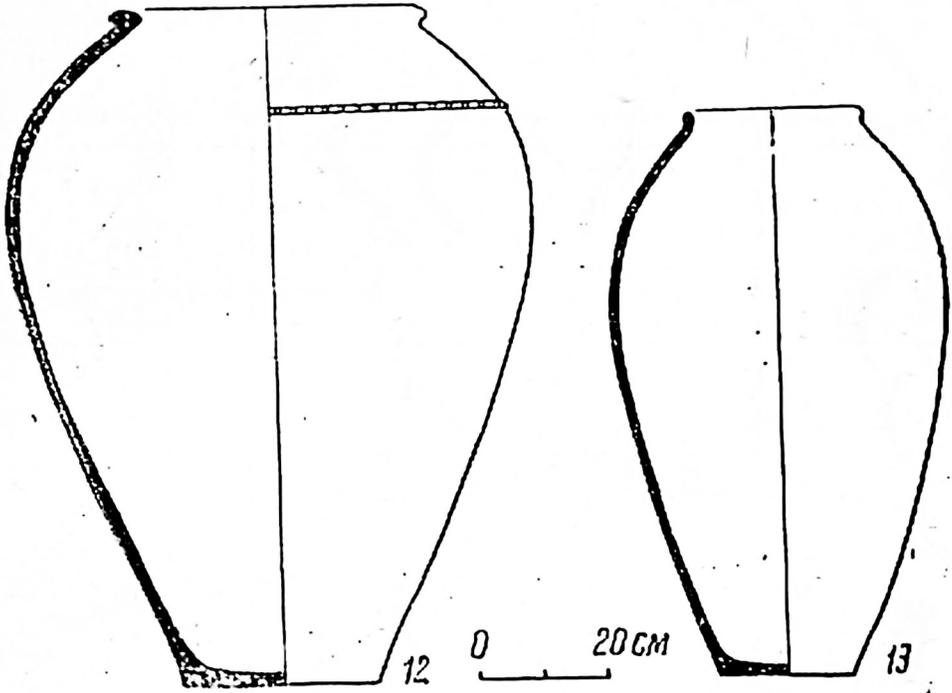
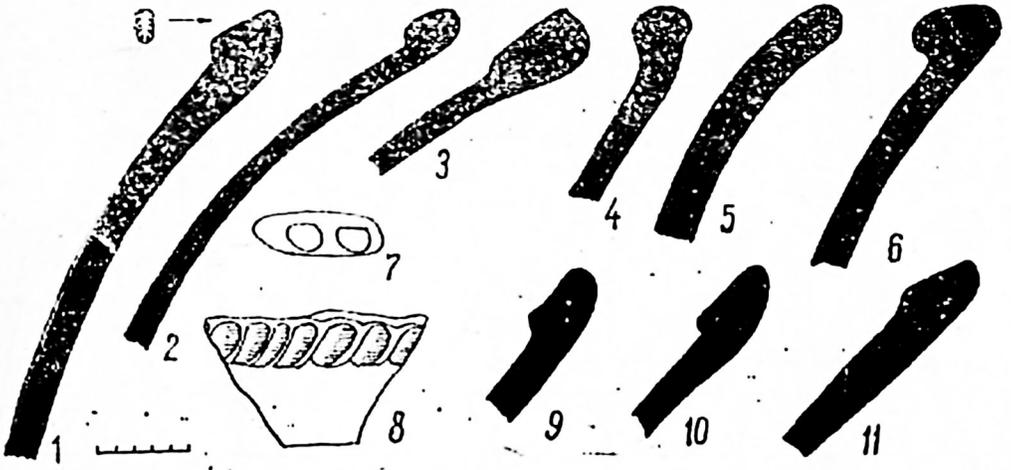

Табл. III, Коша-Хаудан, Хумы,

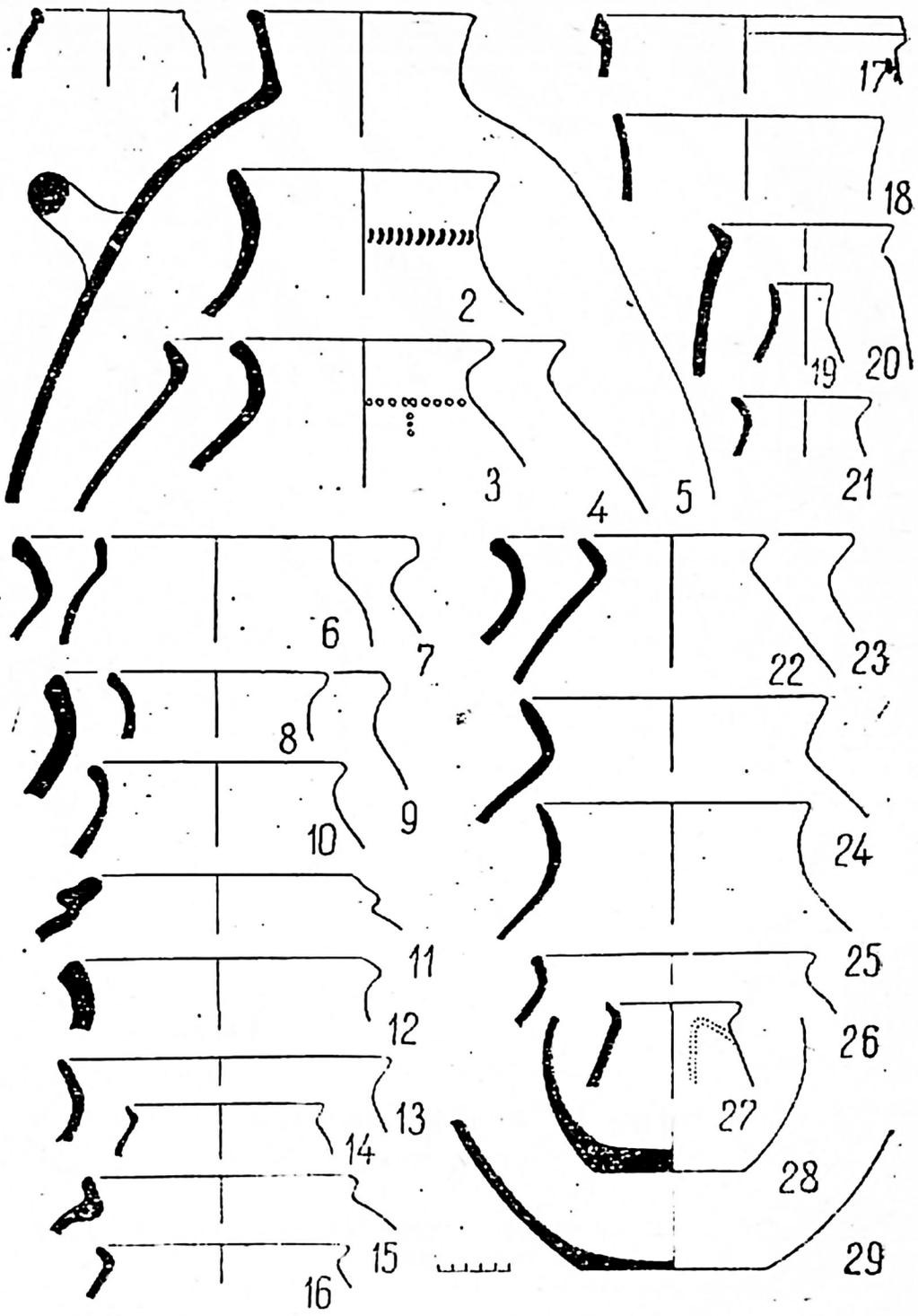

Табл. IV. Коша-Хаудан, Горшкообразные сосуды.

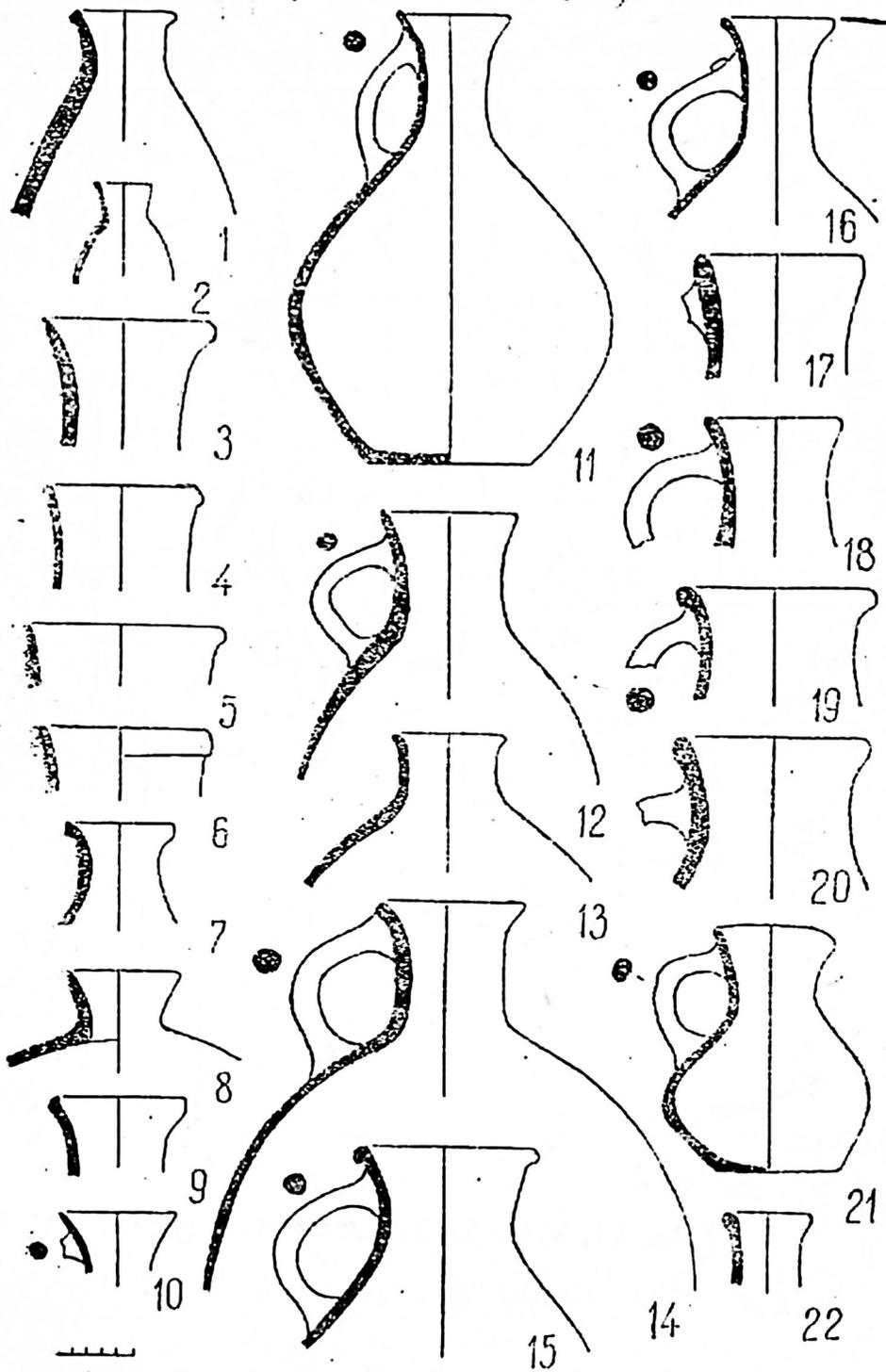

Табл. V. Коша-Хаудан. Кувшины и фляги.

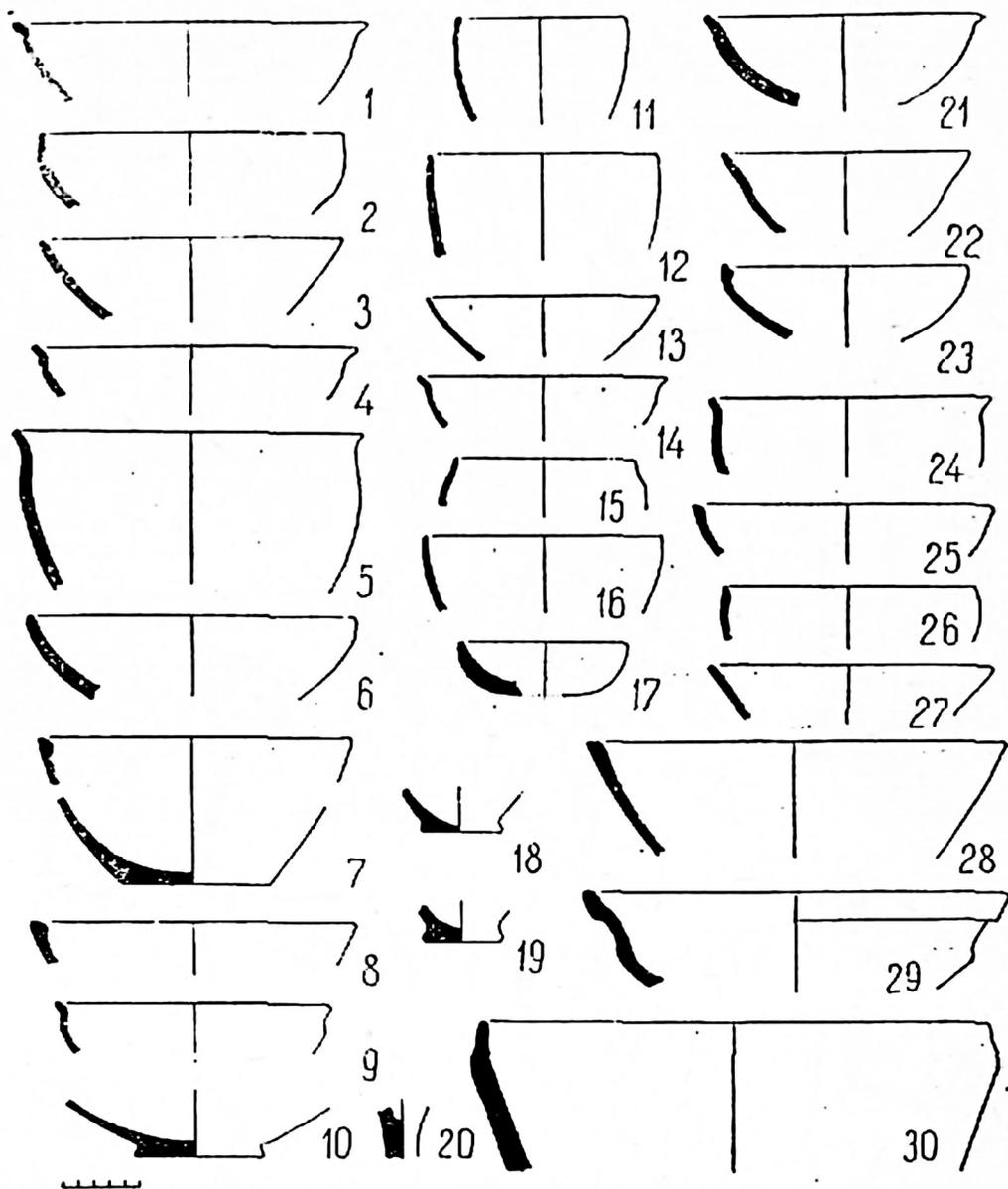

Табл. VI. Коша-Хаудан. Открытые формы.

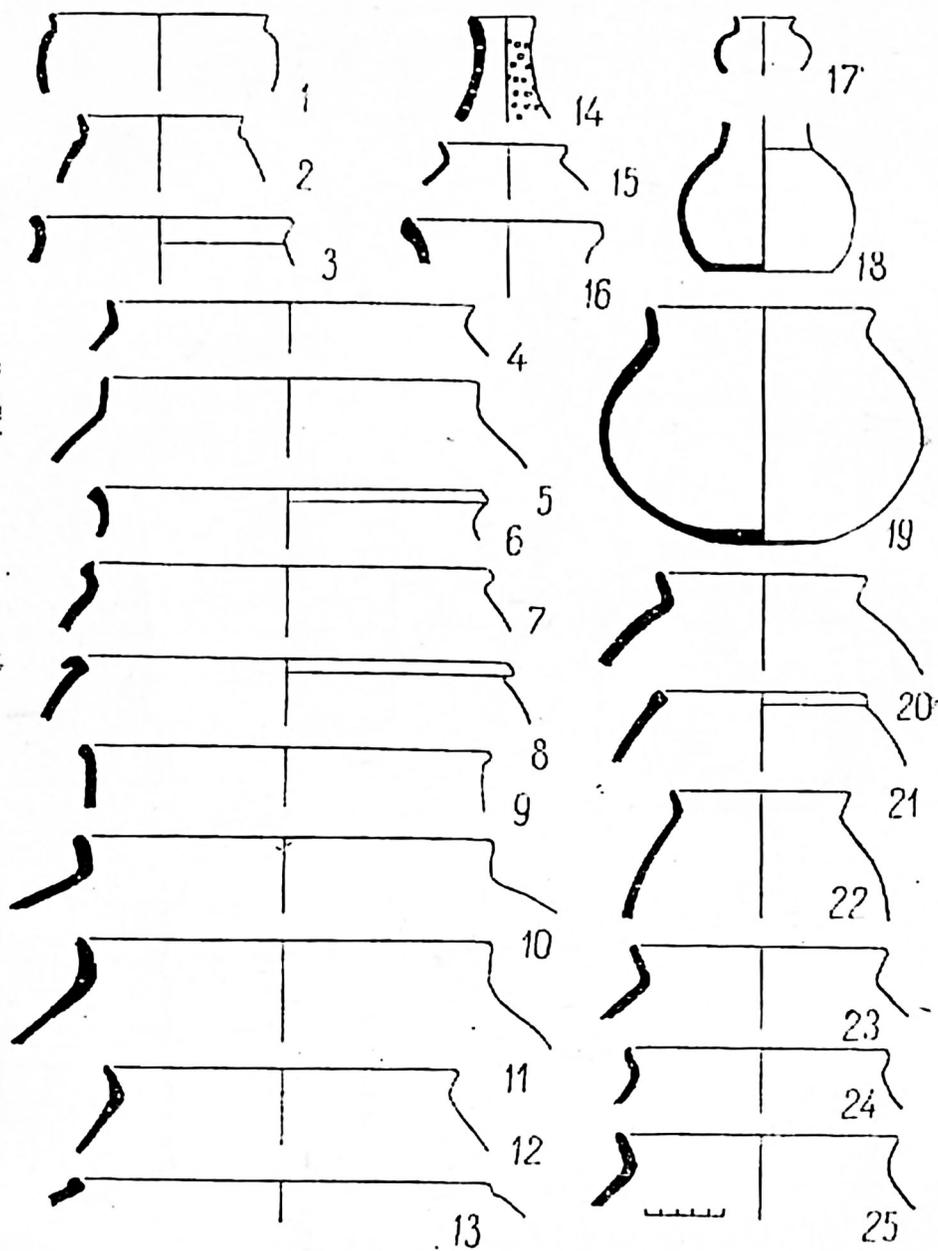

Табл. VII. Коша-Хаудан. Кухонная керамика.

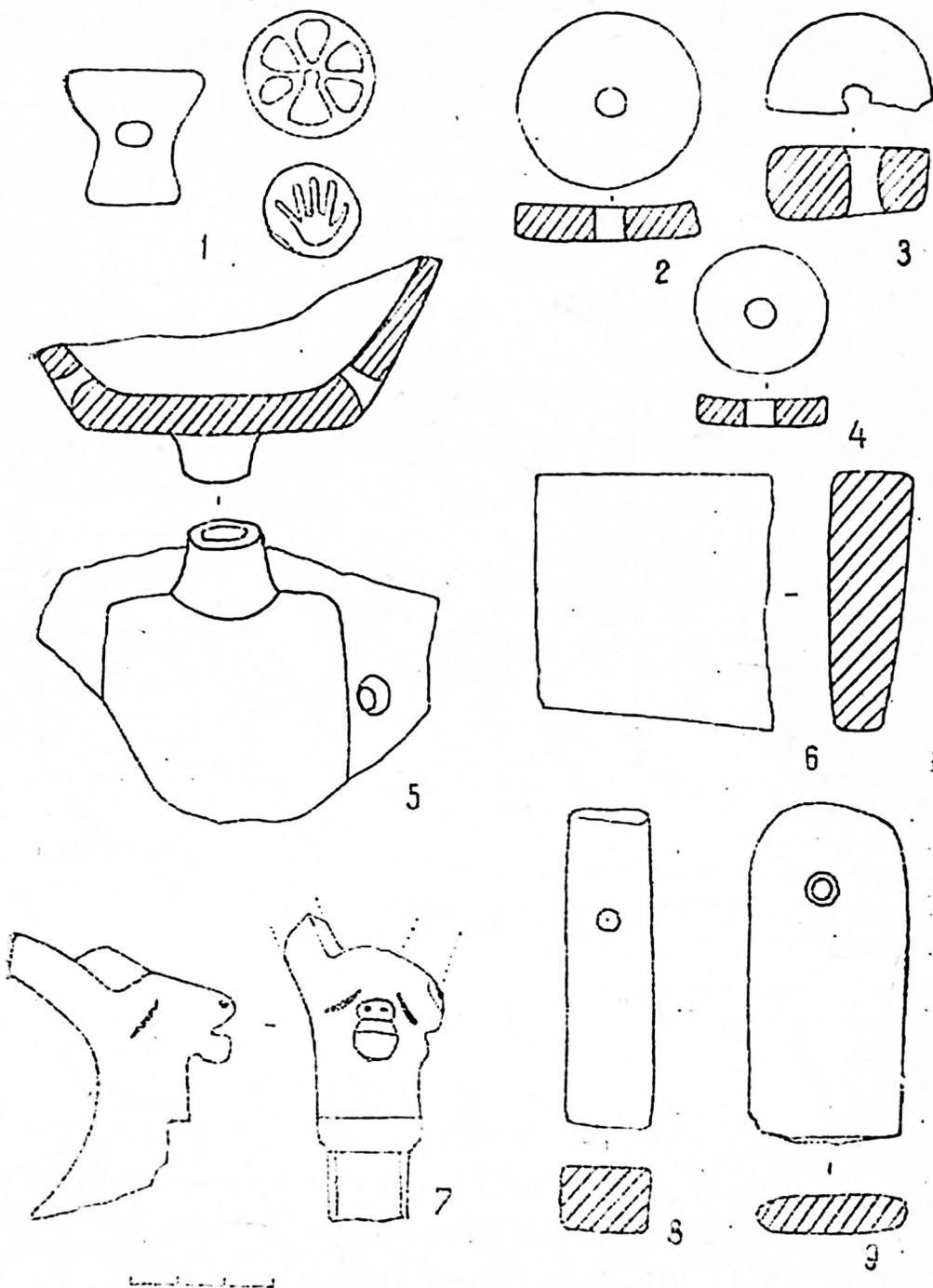

Табл. VIII, Қоша-Хаудан. Мелкие находки: 1—2, 4—5, 7—
 керамика; 3, 6, 8—9 — камень,

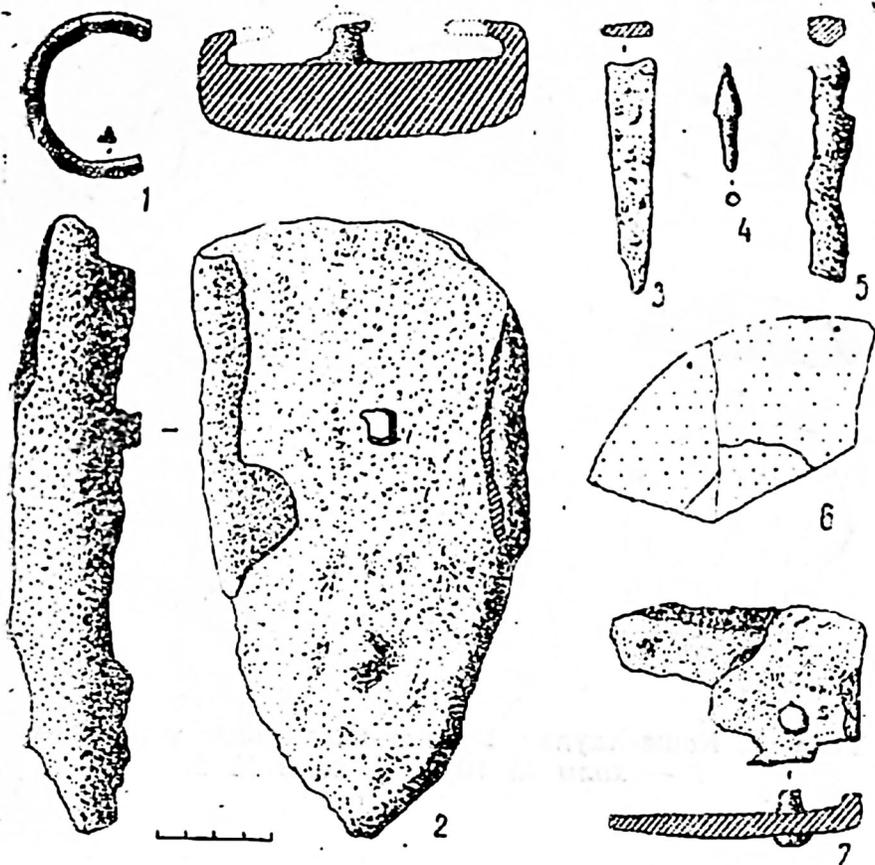

Табл. IX. Коша-Хаудан. Металлические изделия:
 1,6—бронза; остальные—железо,

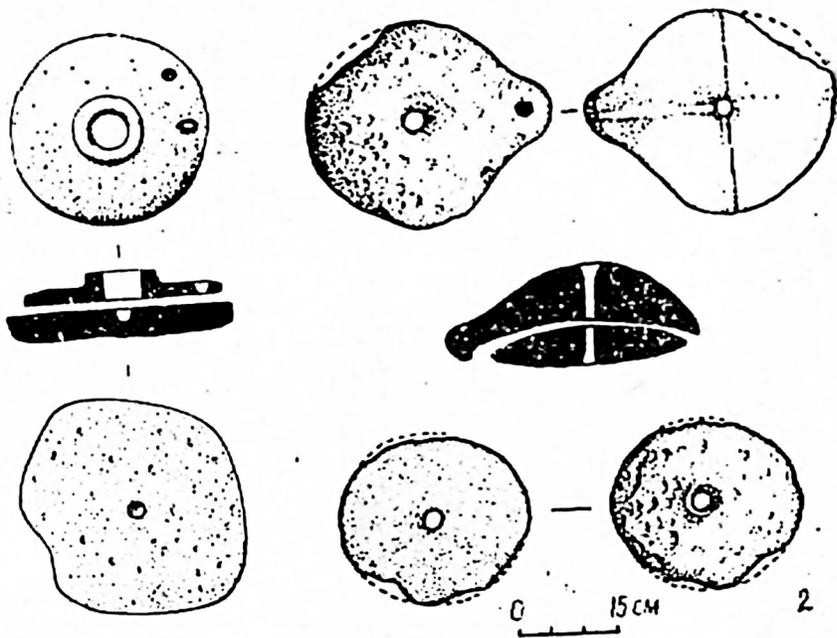

Табл. X, Коша-Хаудан. Ручные мельничные установки:
 1 — холм № 10; 2 — холм № 5.

Табл. XI. Прорисовки монет: 1, 4, 6 — Чакав-депе; 2 — Ет-Агач-депе; 3—Тоголок-депе; 5—оттиск на гипсовом «шаре» с Чакав-депе; 7 — Коша-Хаудан,

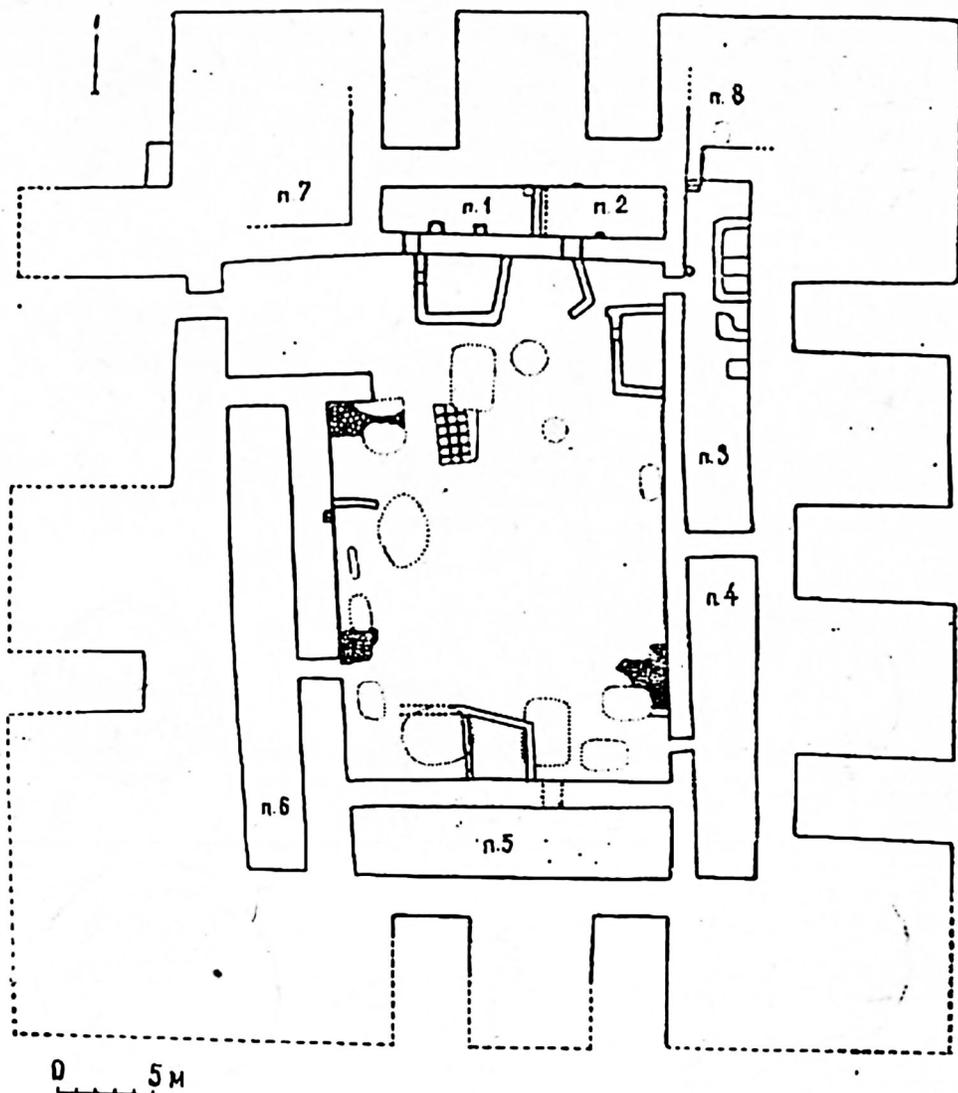

Табл. XII, Чакан-депе, План раскопанного здания,

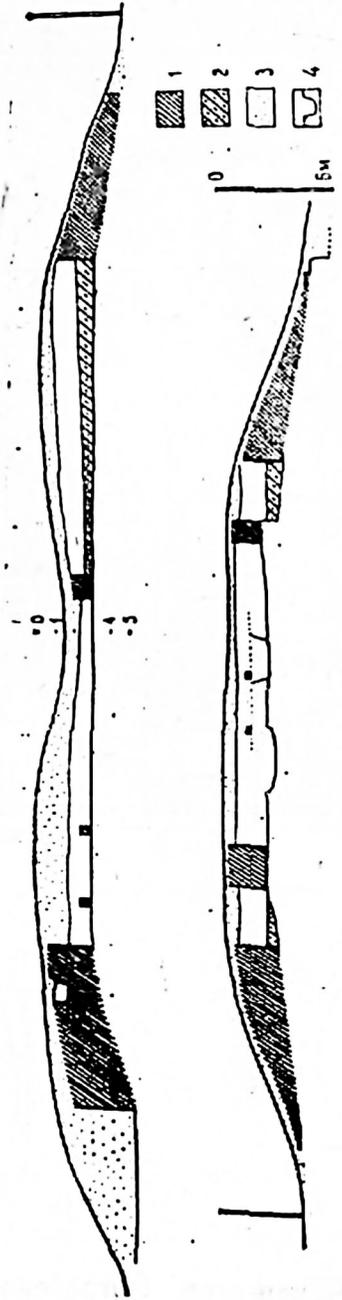

Табл. XIII. Чакан-деле. Продольный и поперечный разрезы: 1 — сырцовые паксовые кладки; 2 — нивелировочные засыпки; 3 — оплывы и завалы; 4 — ямы.

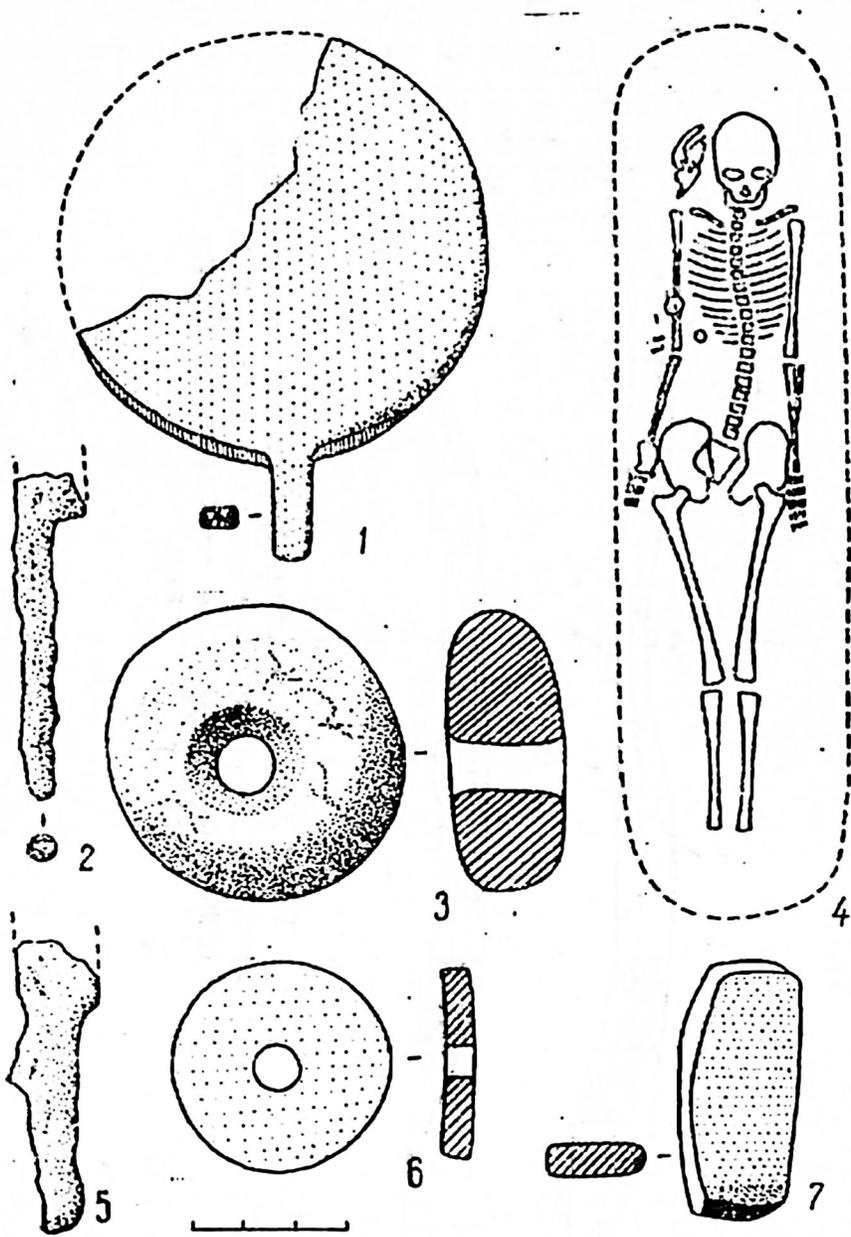

Табл. XIV, Чакал-депе, Погребение.

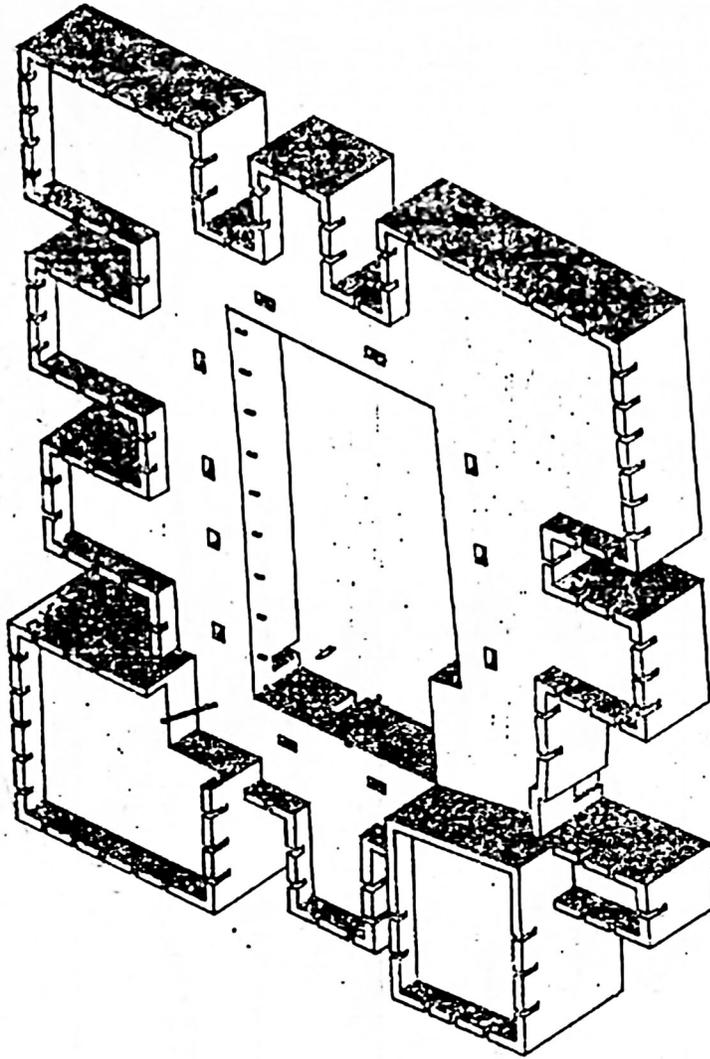

Табл. XV. Чакав-деле. Реконструкция.

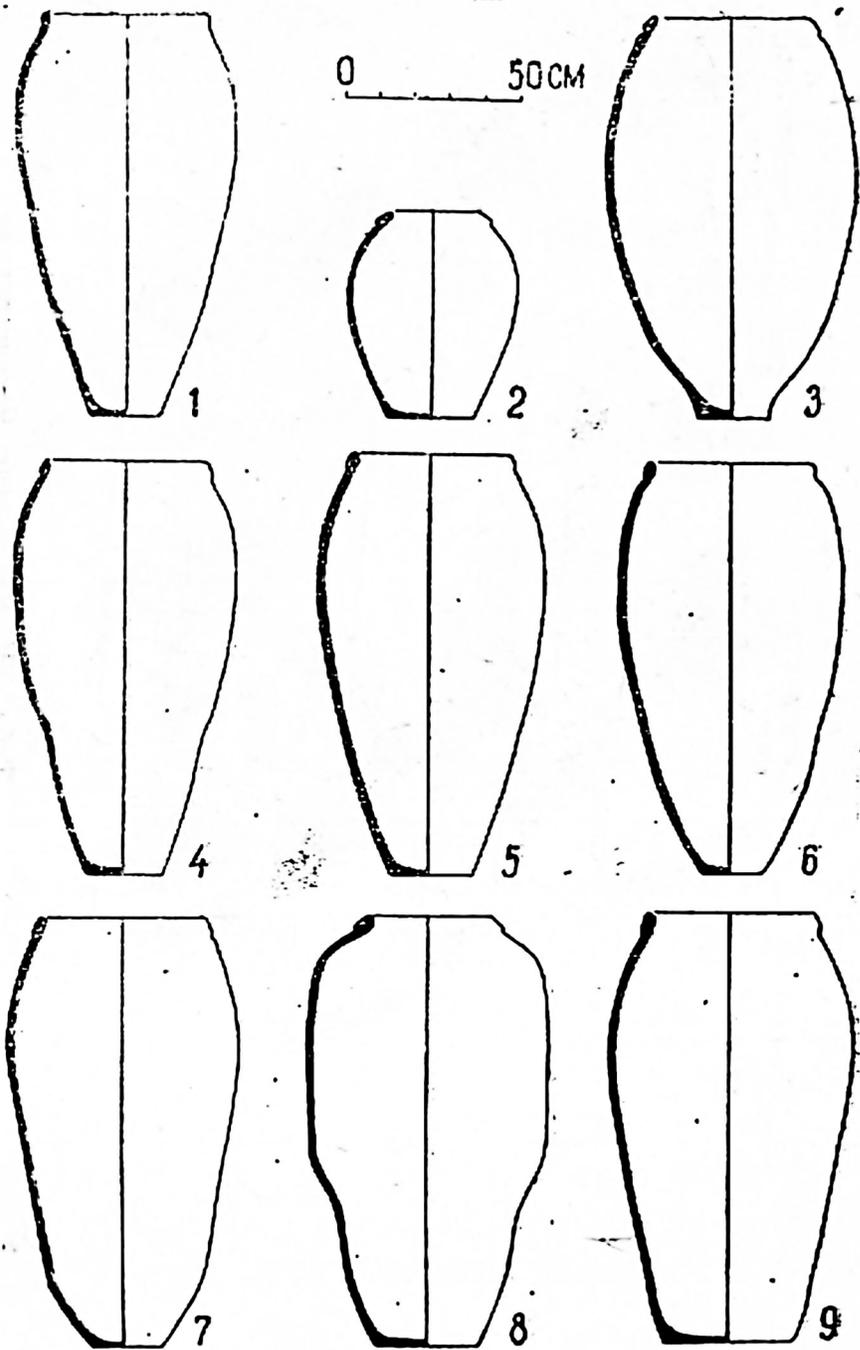

Табл. XVI. Чакан-десе, Кумы и кумча.

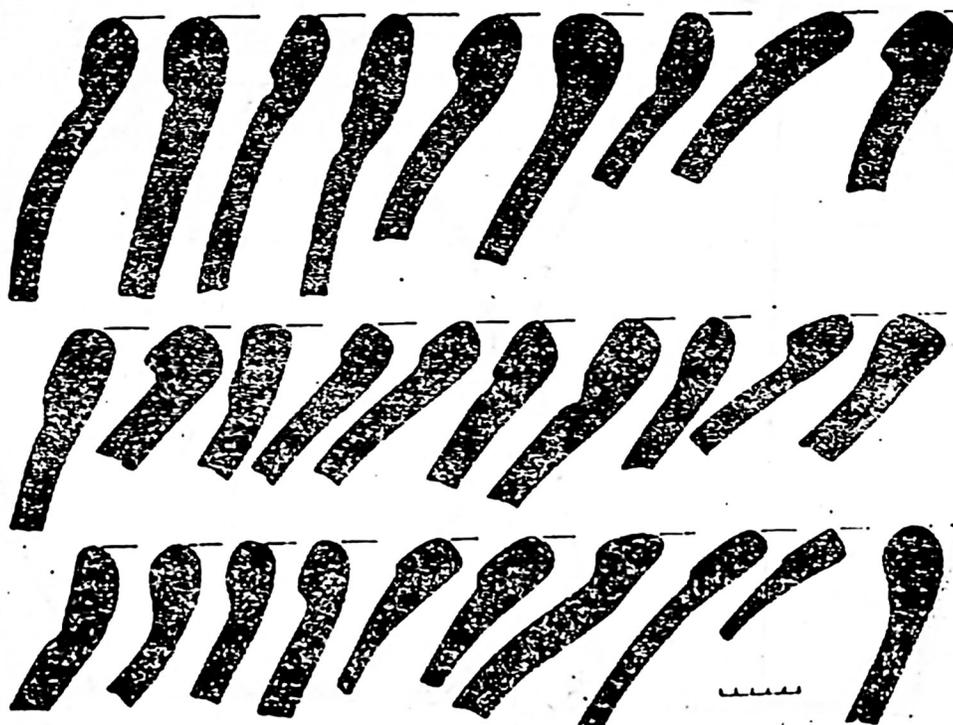
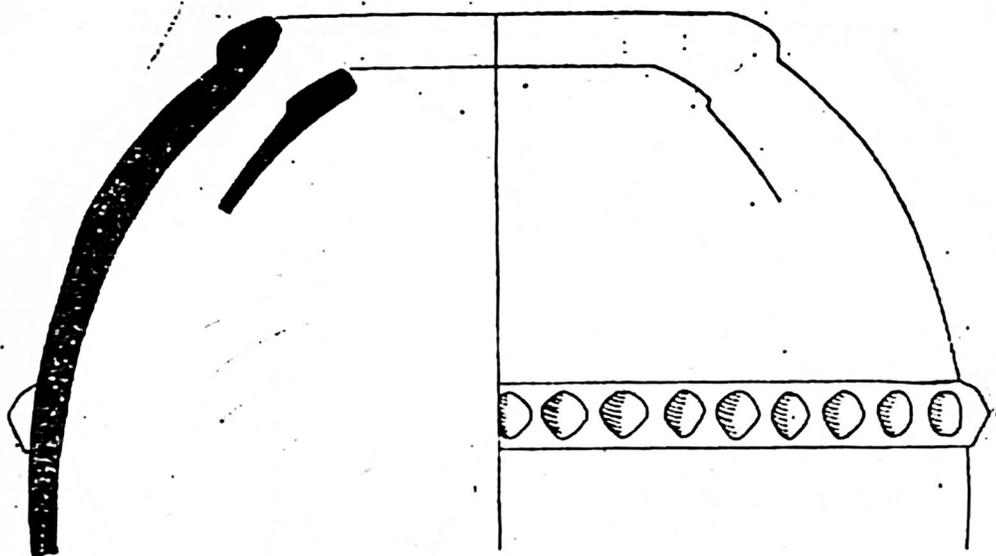

Табл. XVII. Чакан-депе. Венчики хумов и хумчей.

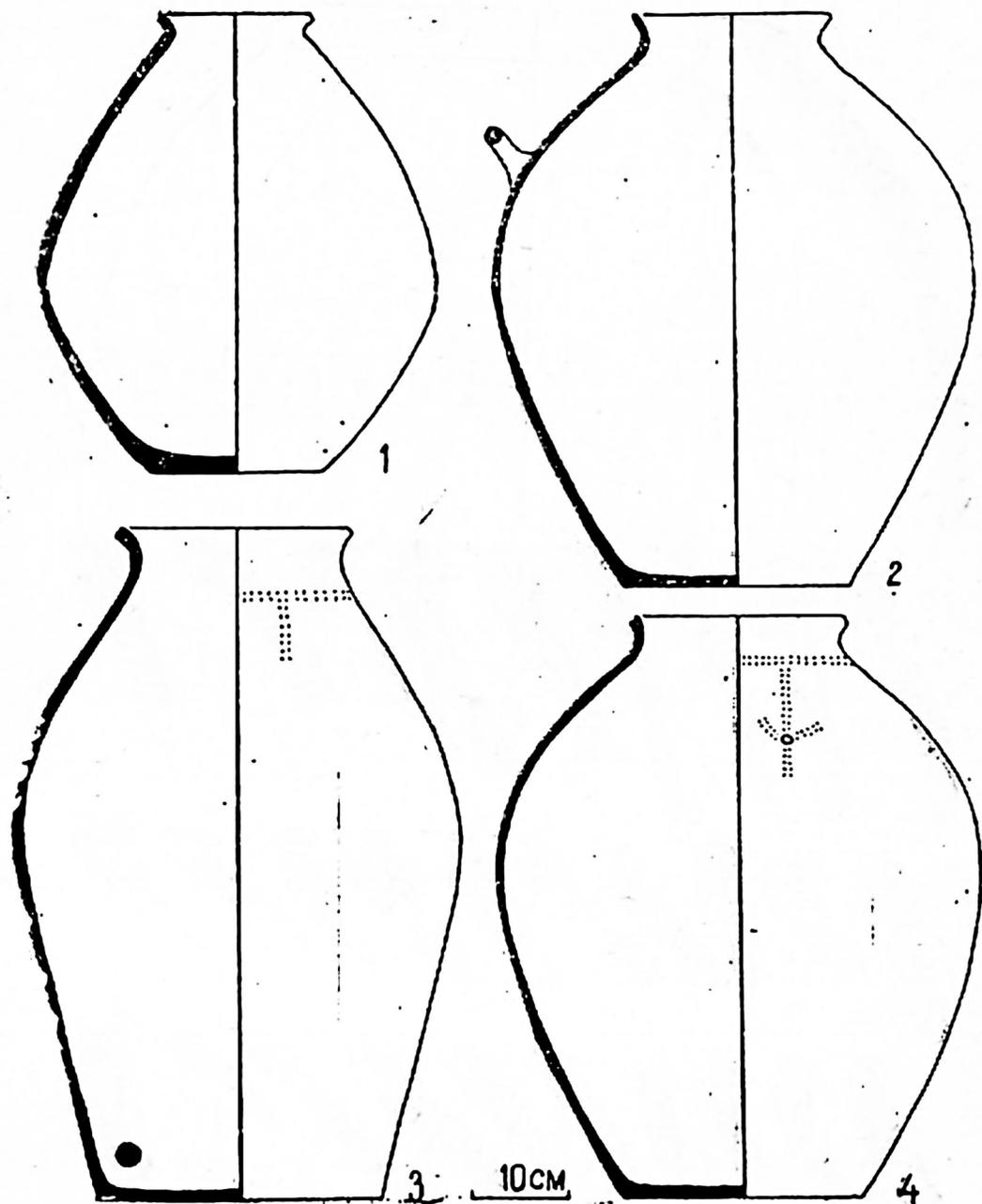

Табл. XVIII. Чакан-депе, Корчаги,

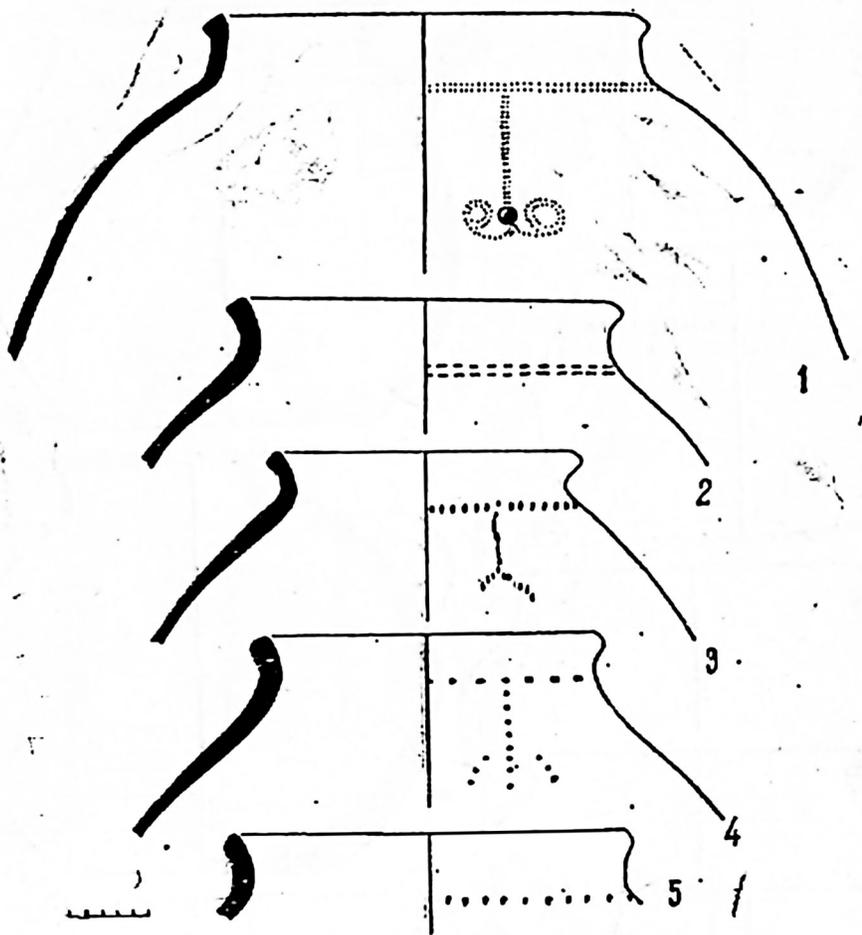

Табл. XIX. Чакан-депе. Венчики
орнаментированных корчаг,

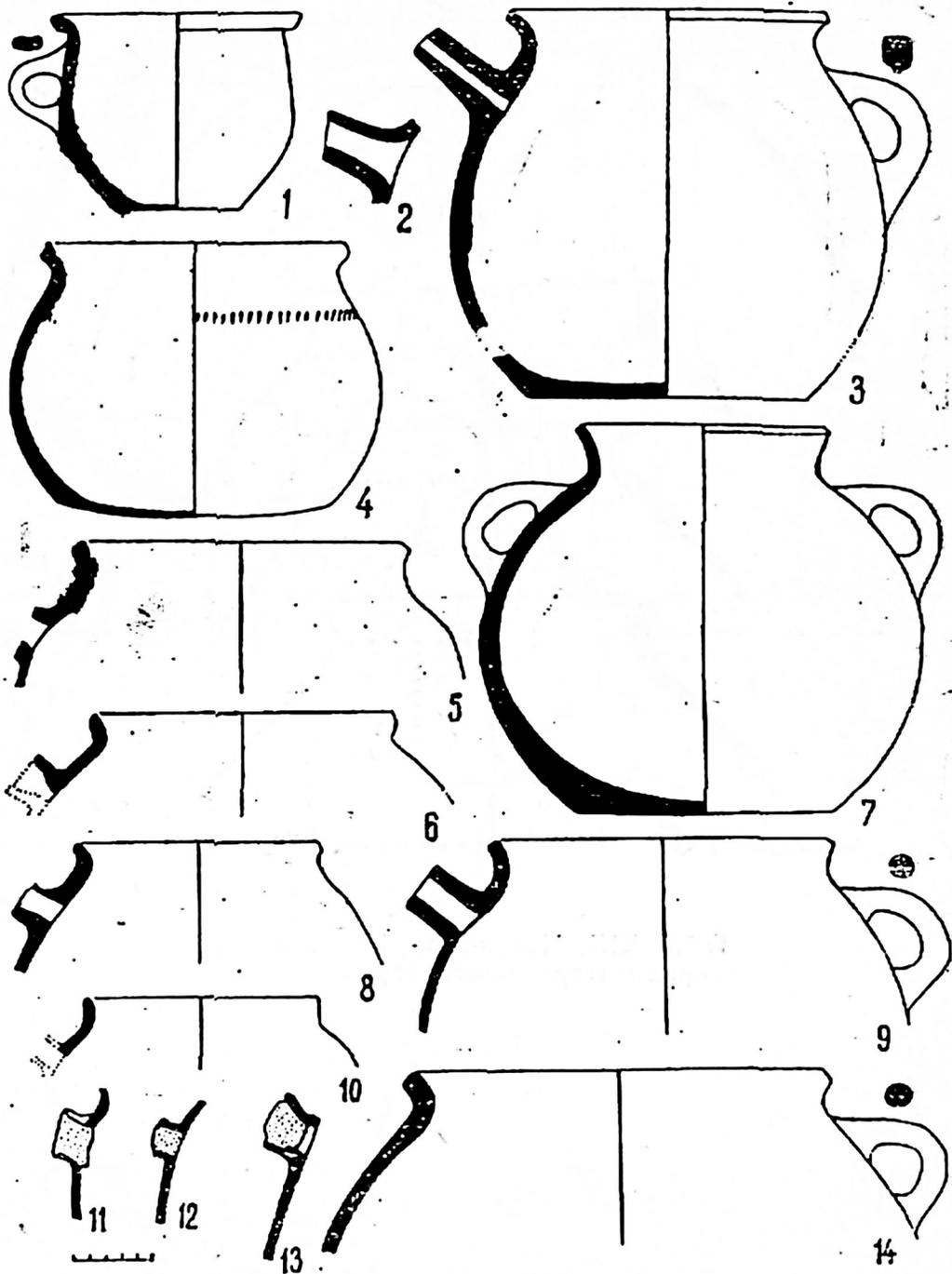

Табл. XX, Чакан-депе. Широкогорлые горшки с носиками и ручками.

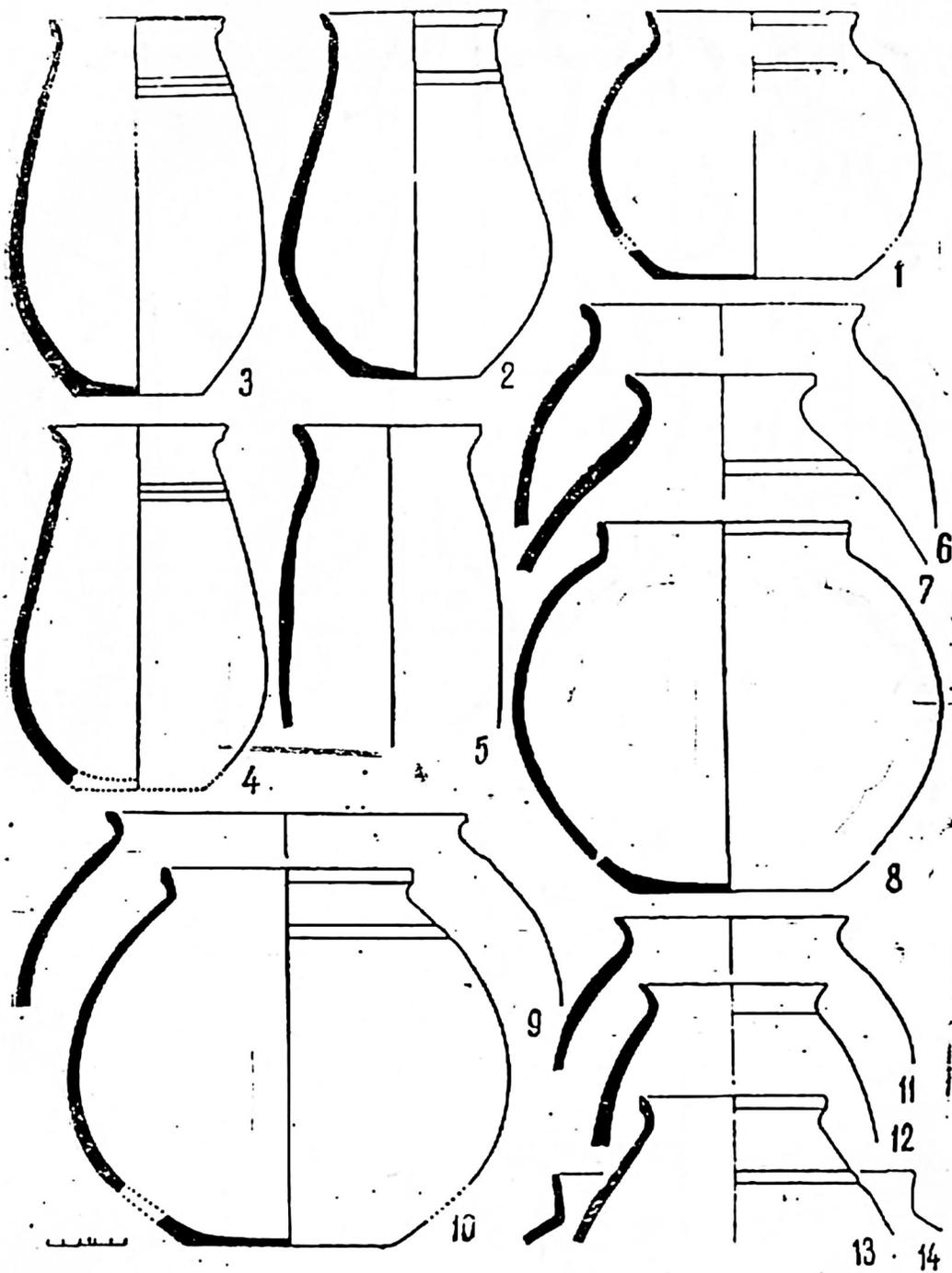

Табл. XXI. Чакан-депе. Горшки. Продукция «чакановской мастерской».

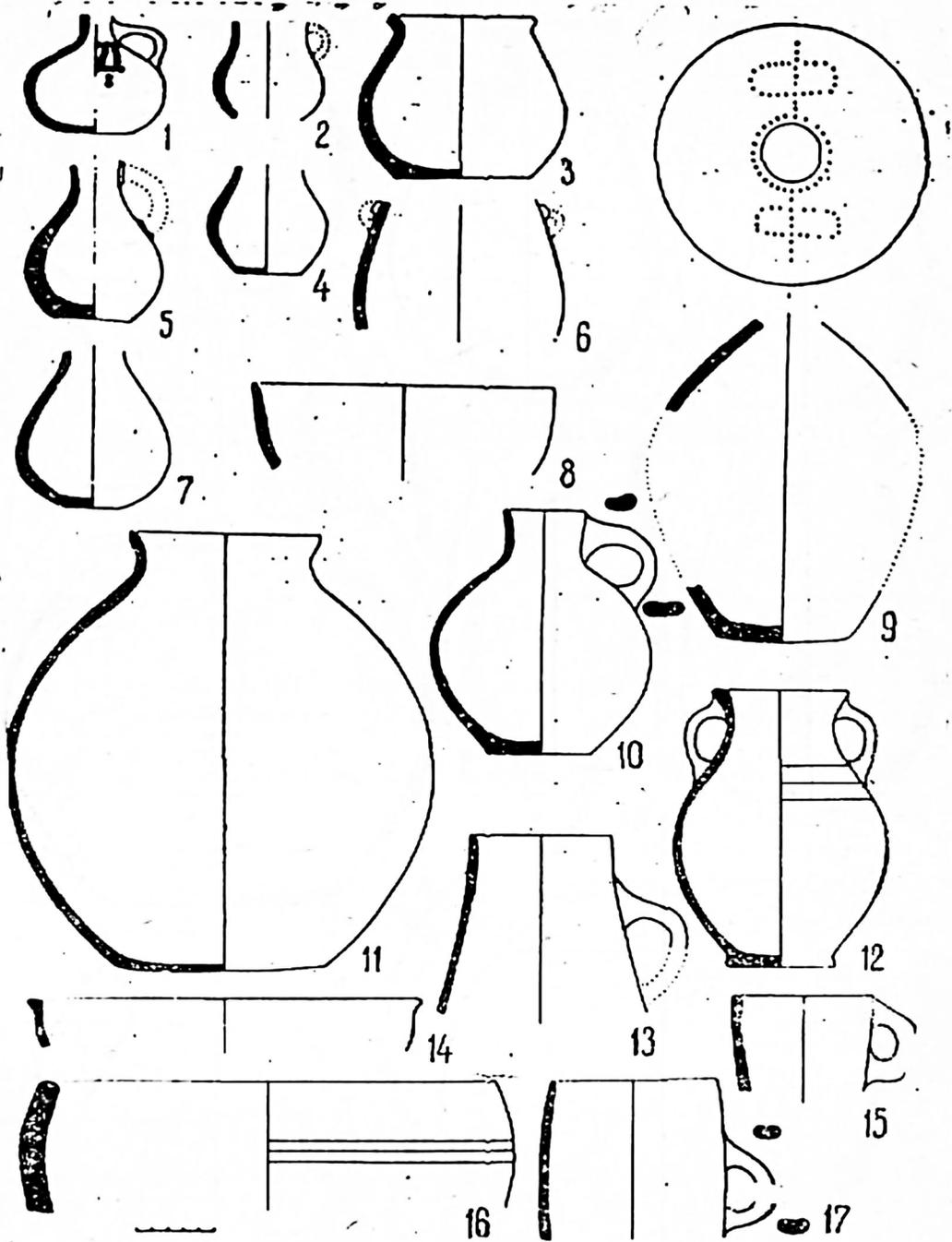

Табл. XXII. Чакан-депе. Редкие формы керамики.

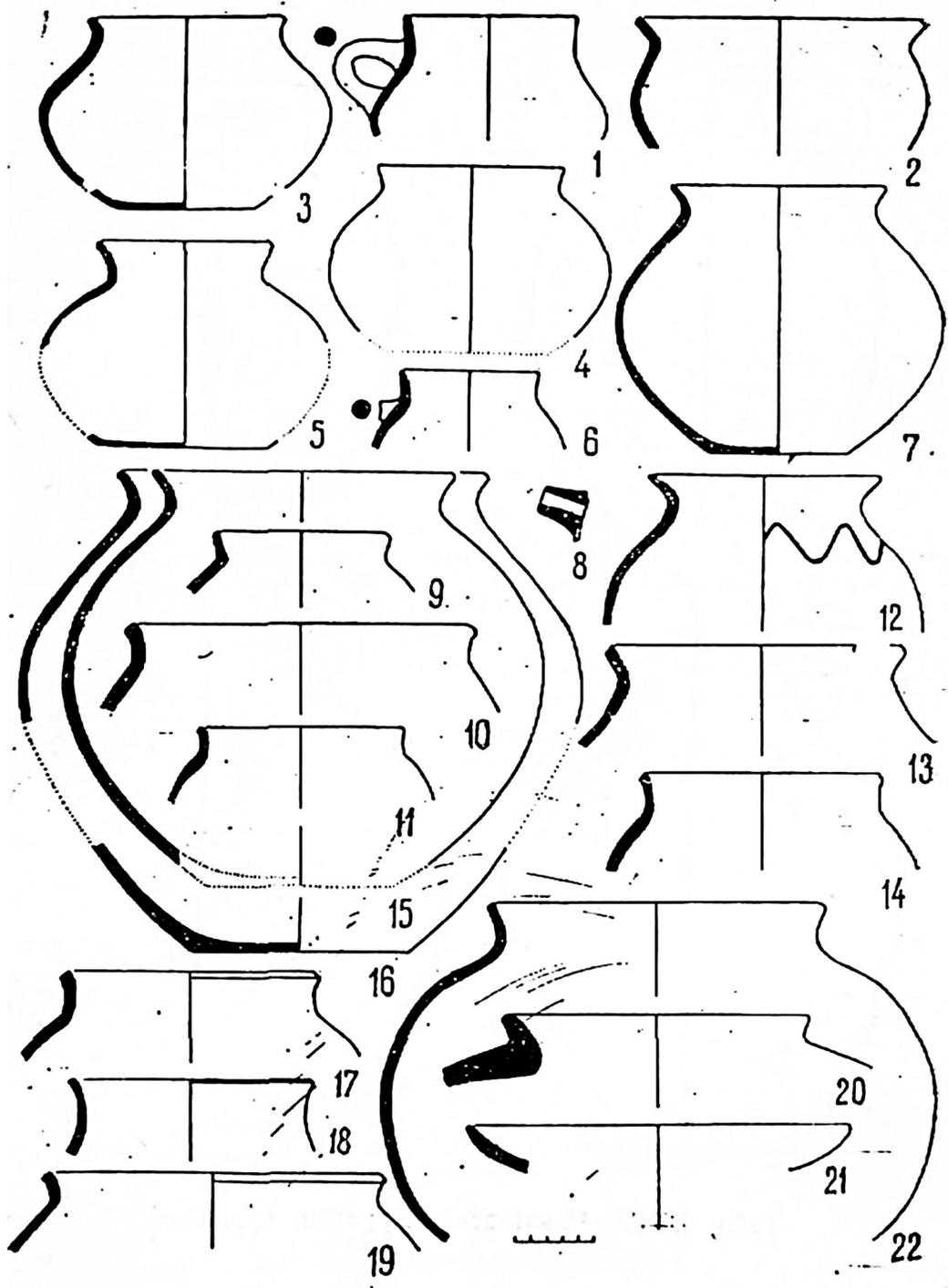
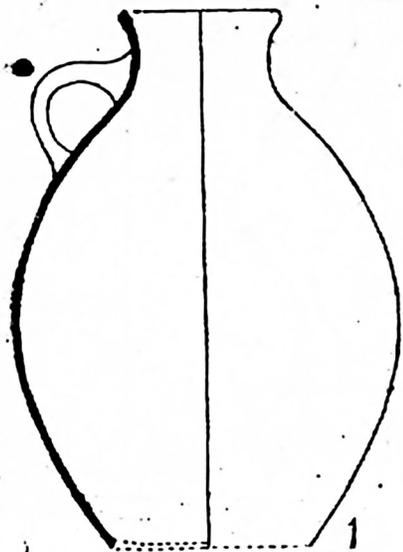
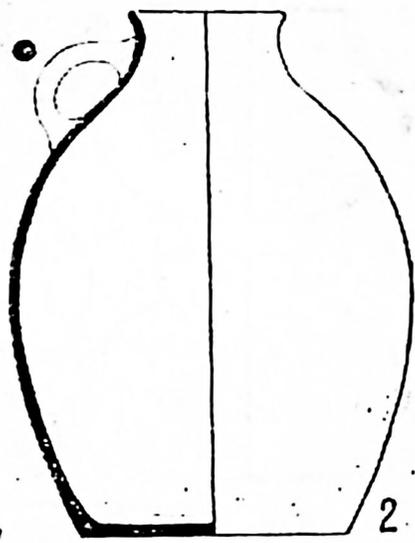

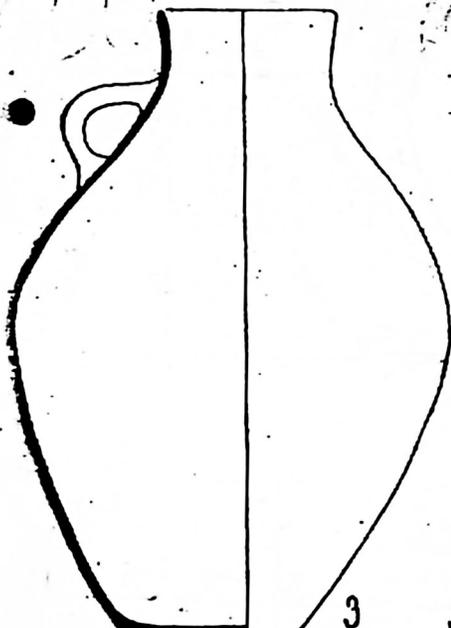
Табл. XXIII, Чакан-депе, Кухонная керамика.

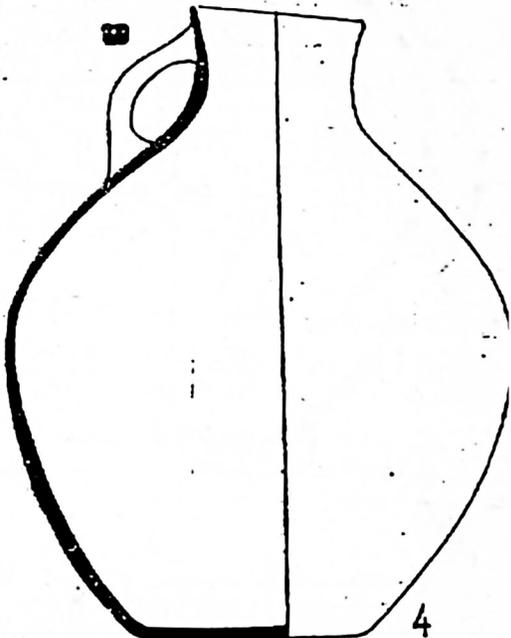
1

2

3

4

Табл. XXIV. Чакан-депе, Крупные кувшины.

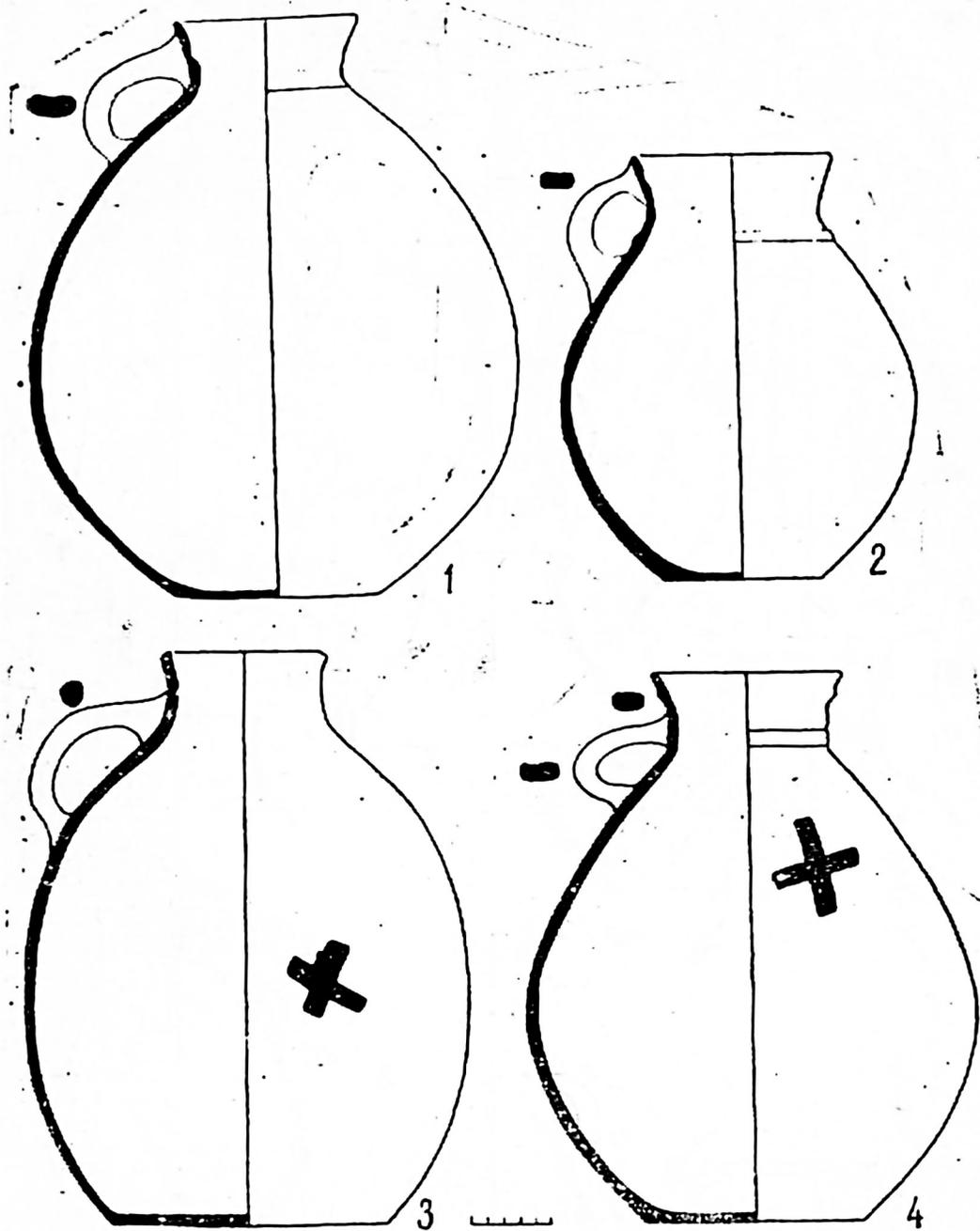

Табл. XXV, Чакан-депе, Кувшины.

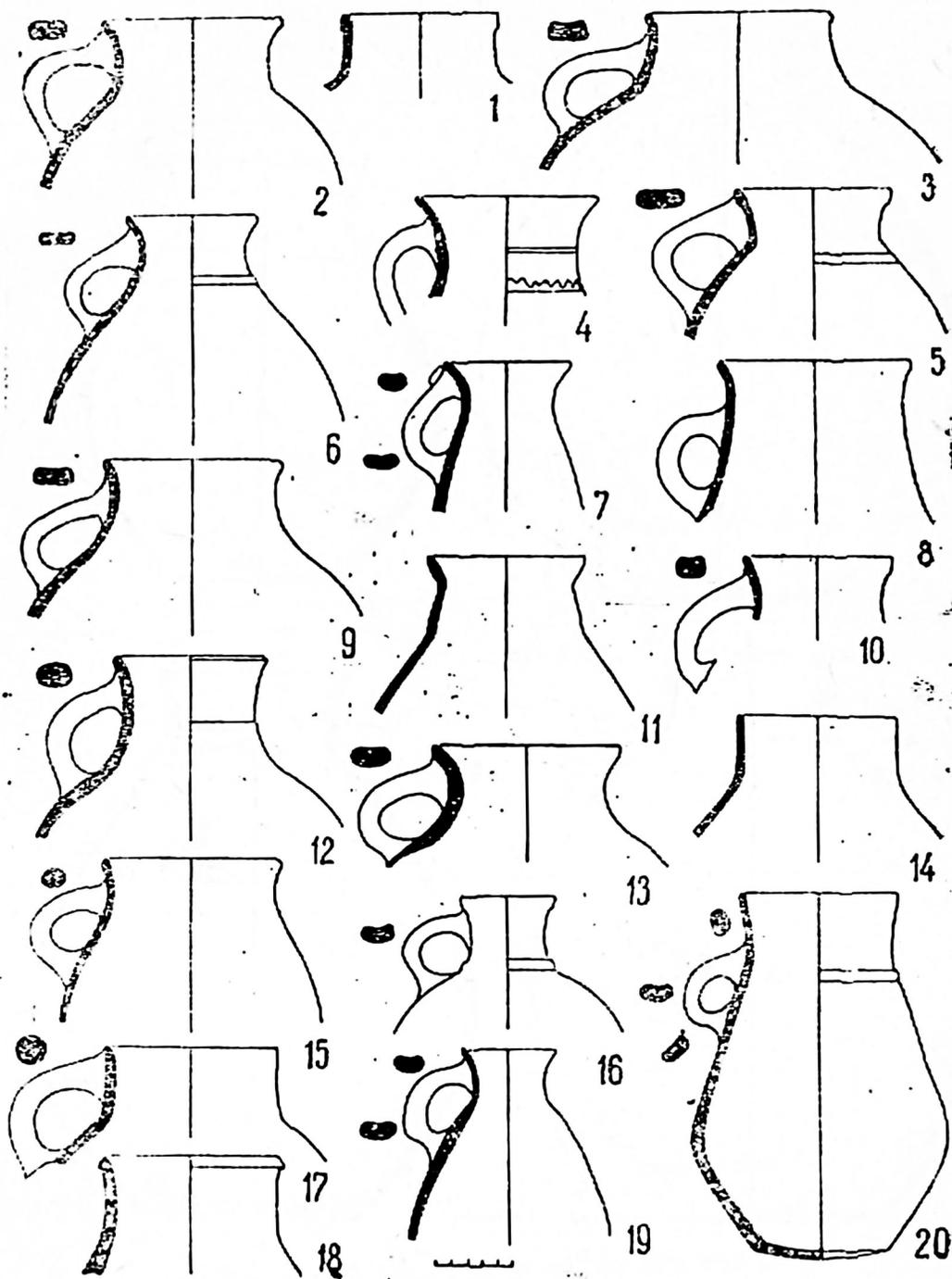

Табл. XXVI, Чакан-депе, Кувшины с желобчатыми ручками

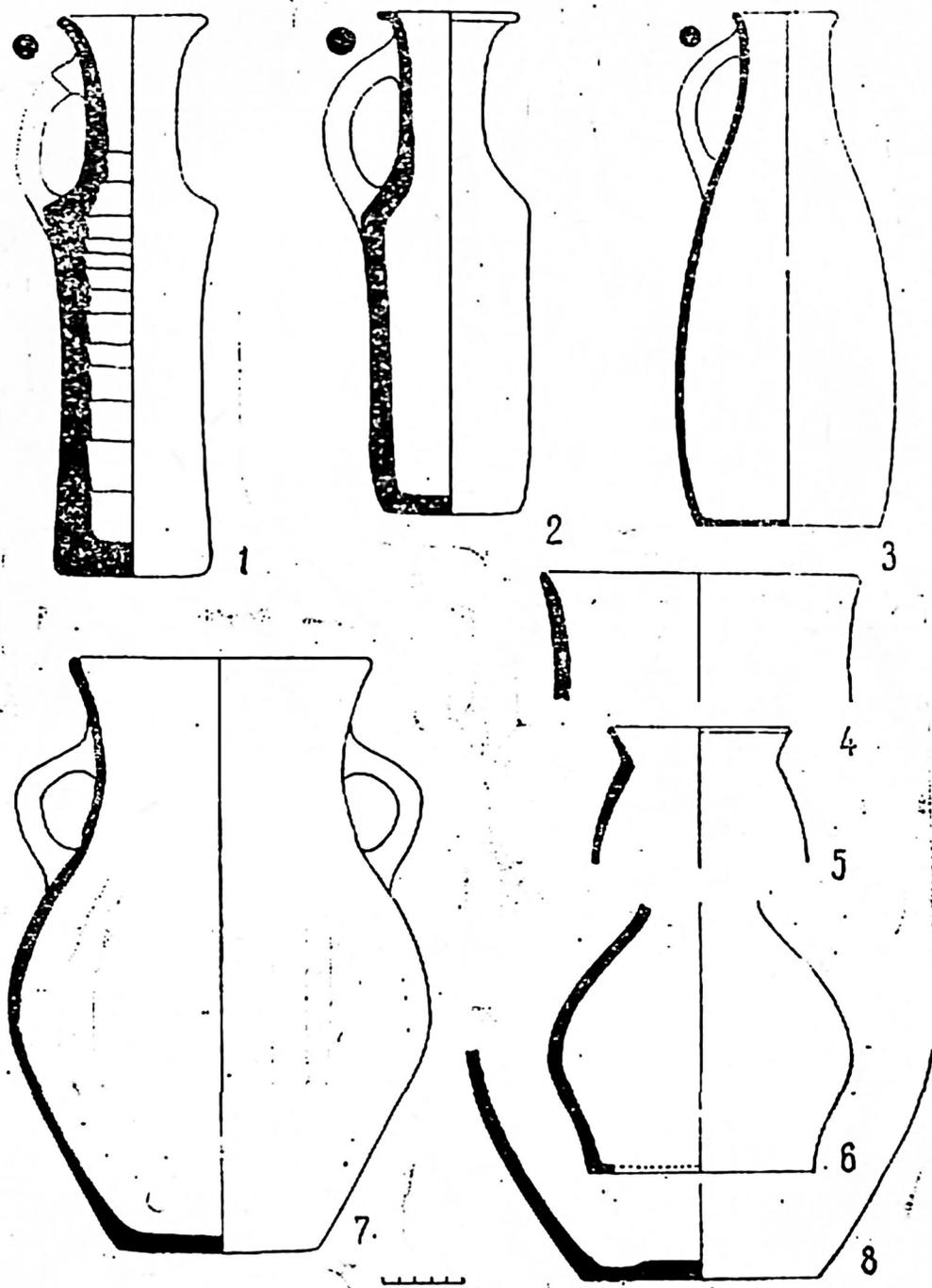

Табл. XXVII, Чакав-депе, Краснолощенная керамика.

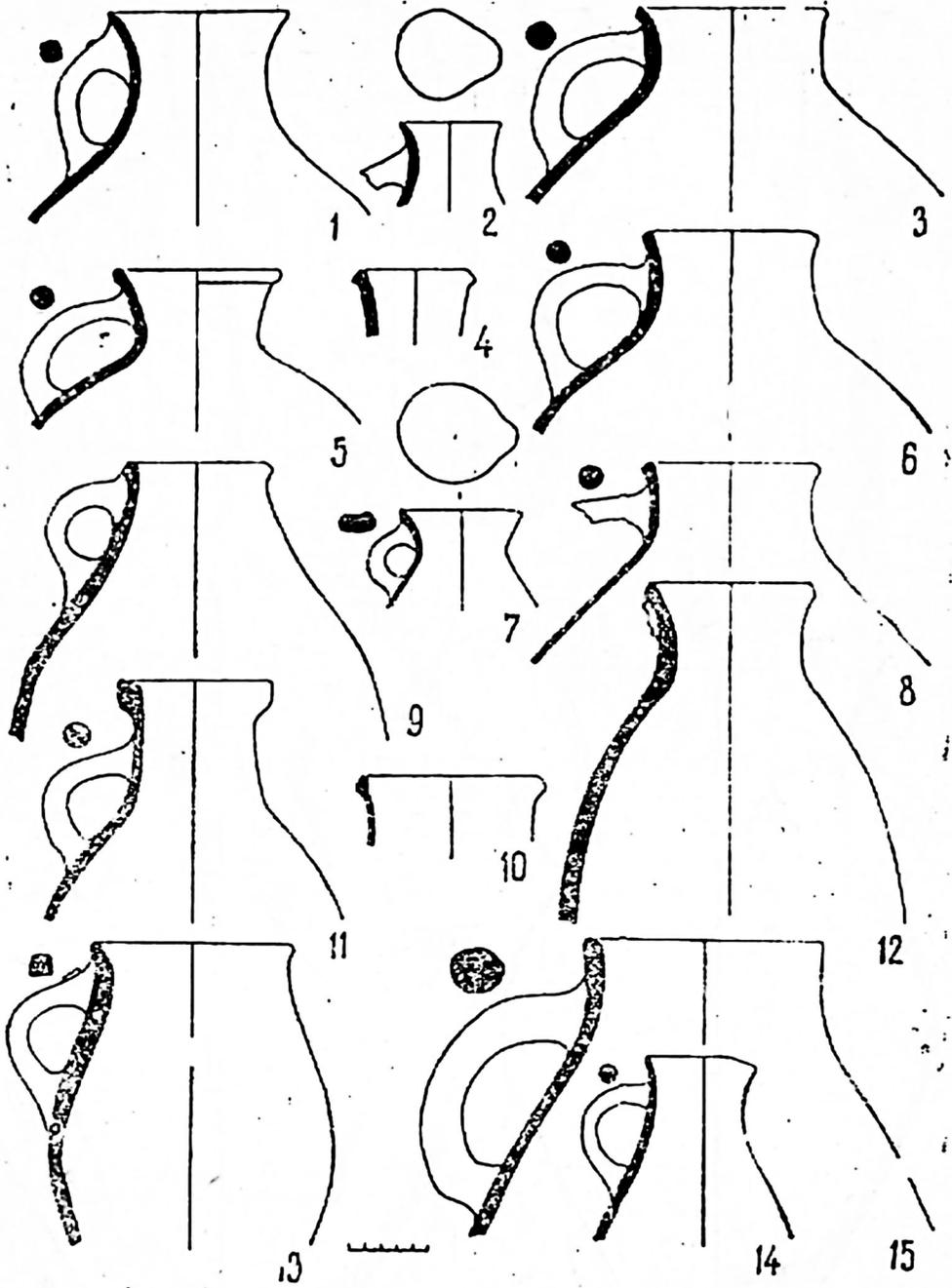

Табл. XXVIII, Чакан-депе. Кувшины с круглыми в сечении ручками.

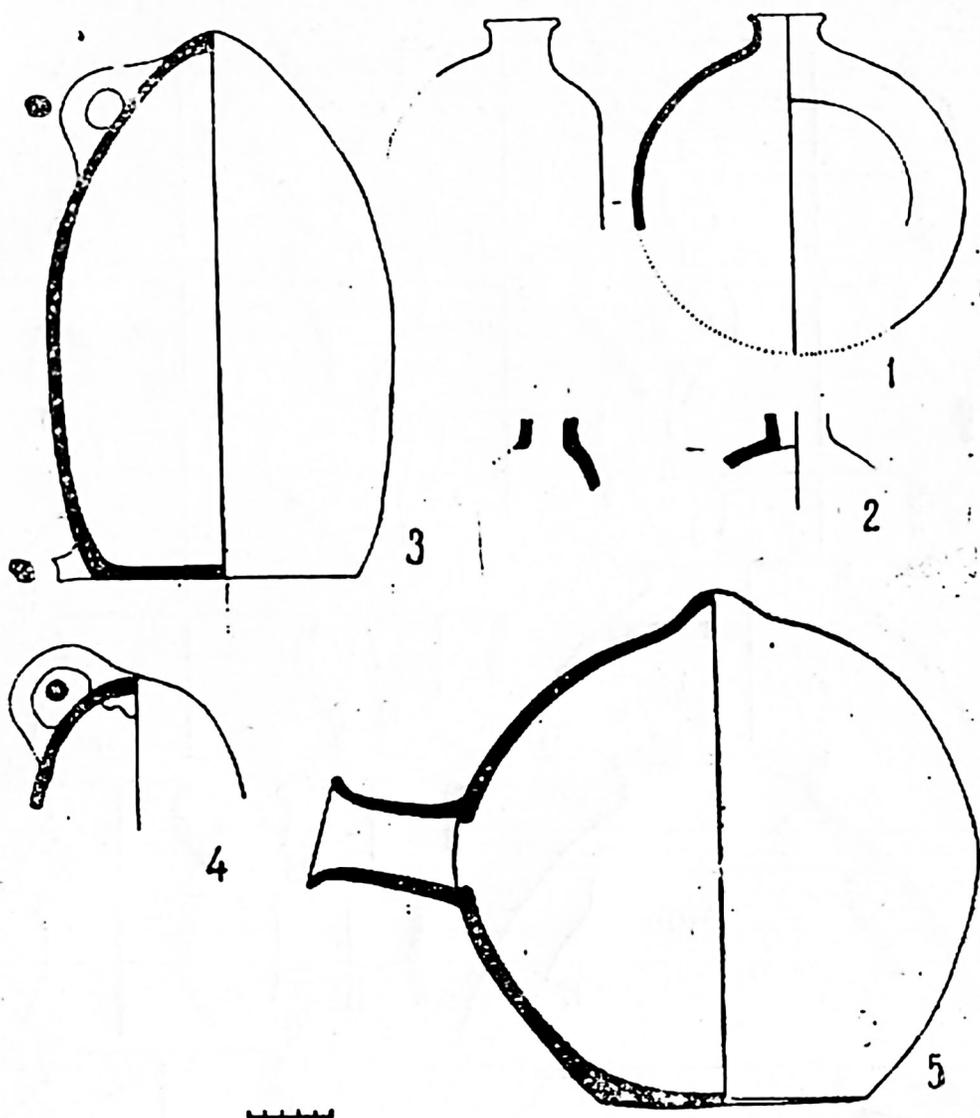

Табл. XXIX, Чакан-депе, Фляги.

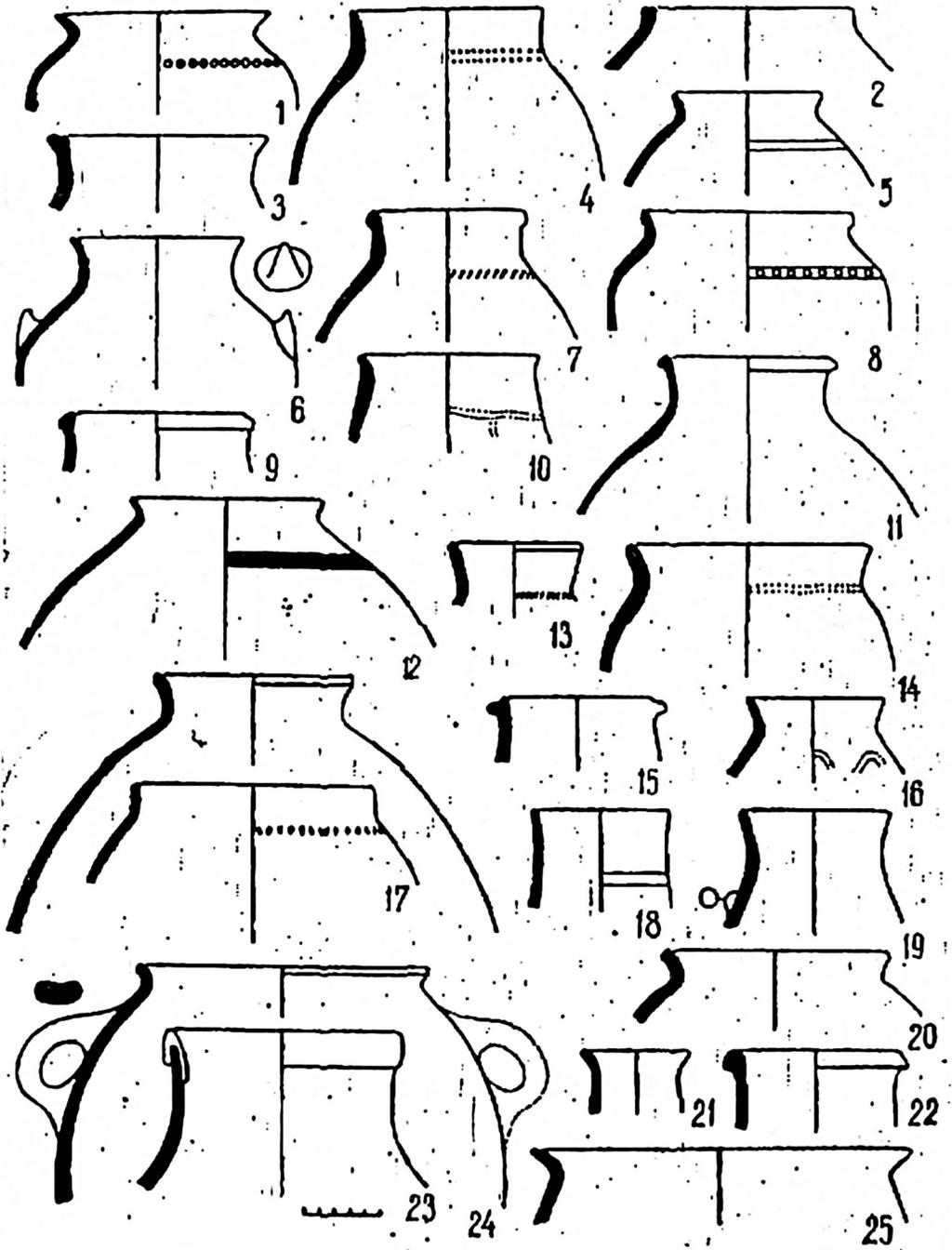

Табл. XXX, Чакан-депе, Горшки редких типов.

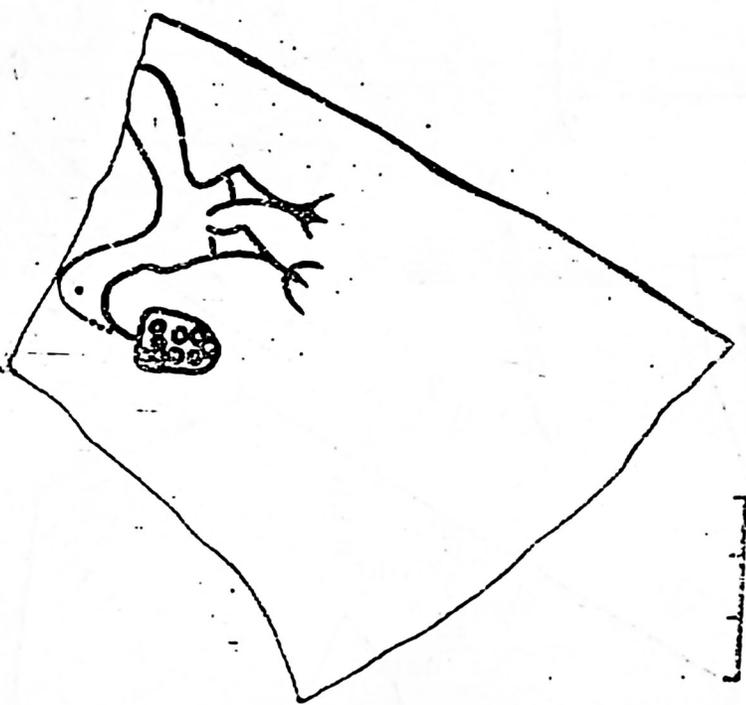
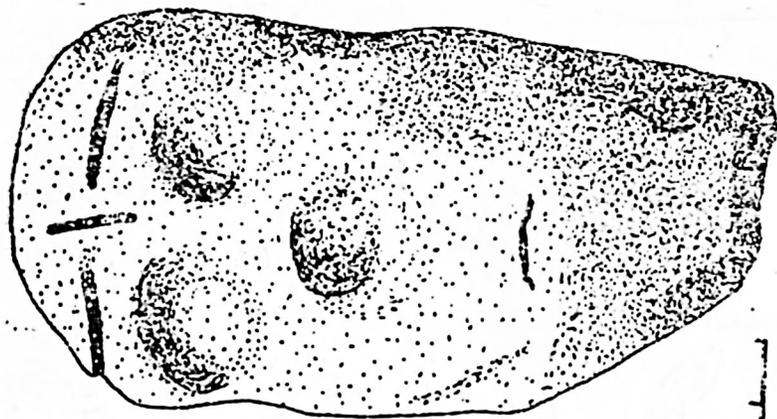

Табл. XXXI. Чакан-депе. Прорисовка рисунка на стенке сосуда и гипсовая голова «Идола».

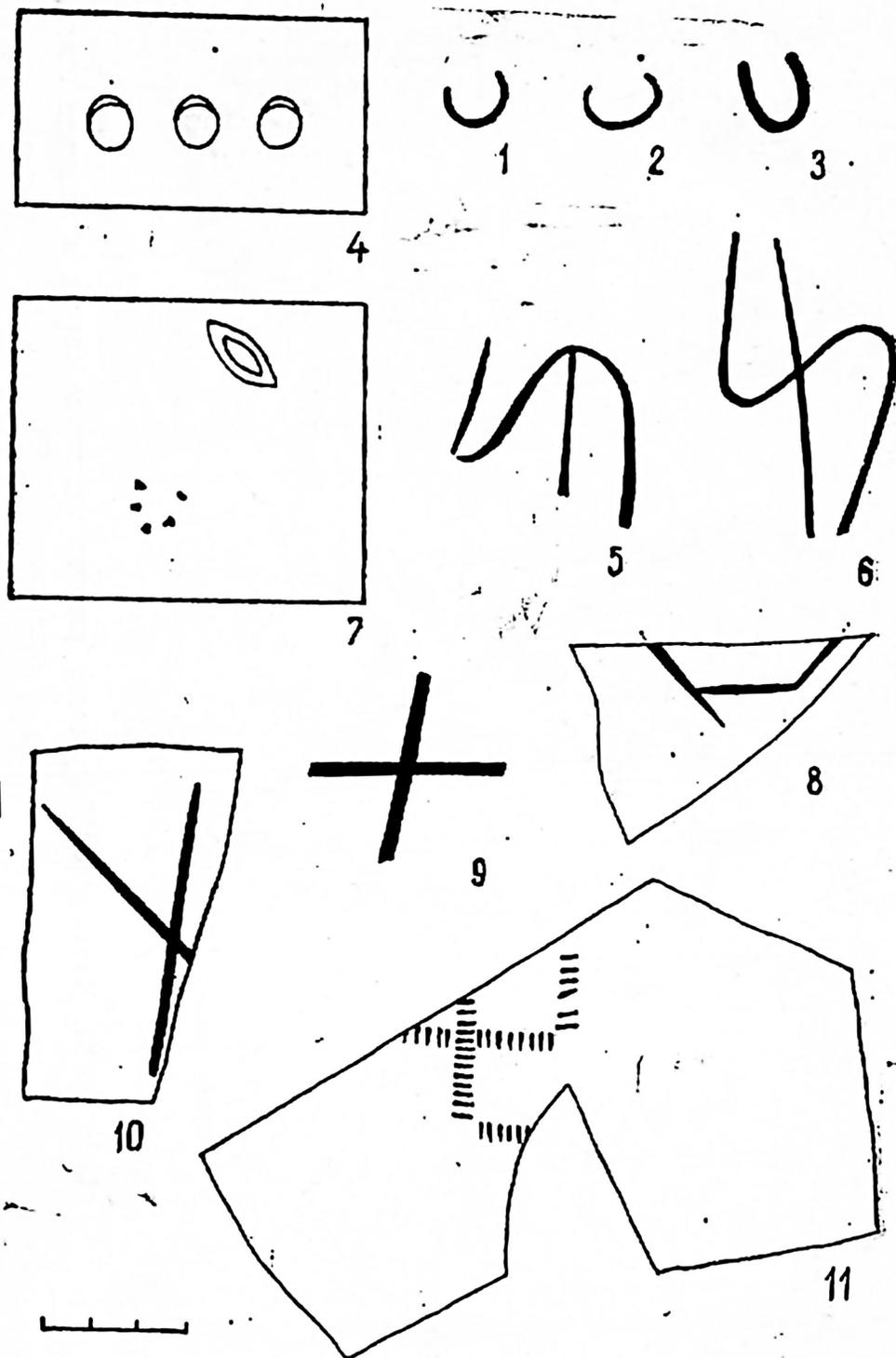

Табл. XXXII, Чакан-депе, Знаки на стенках сосудов.

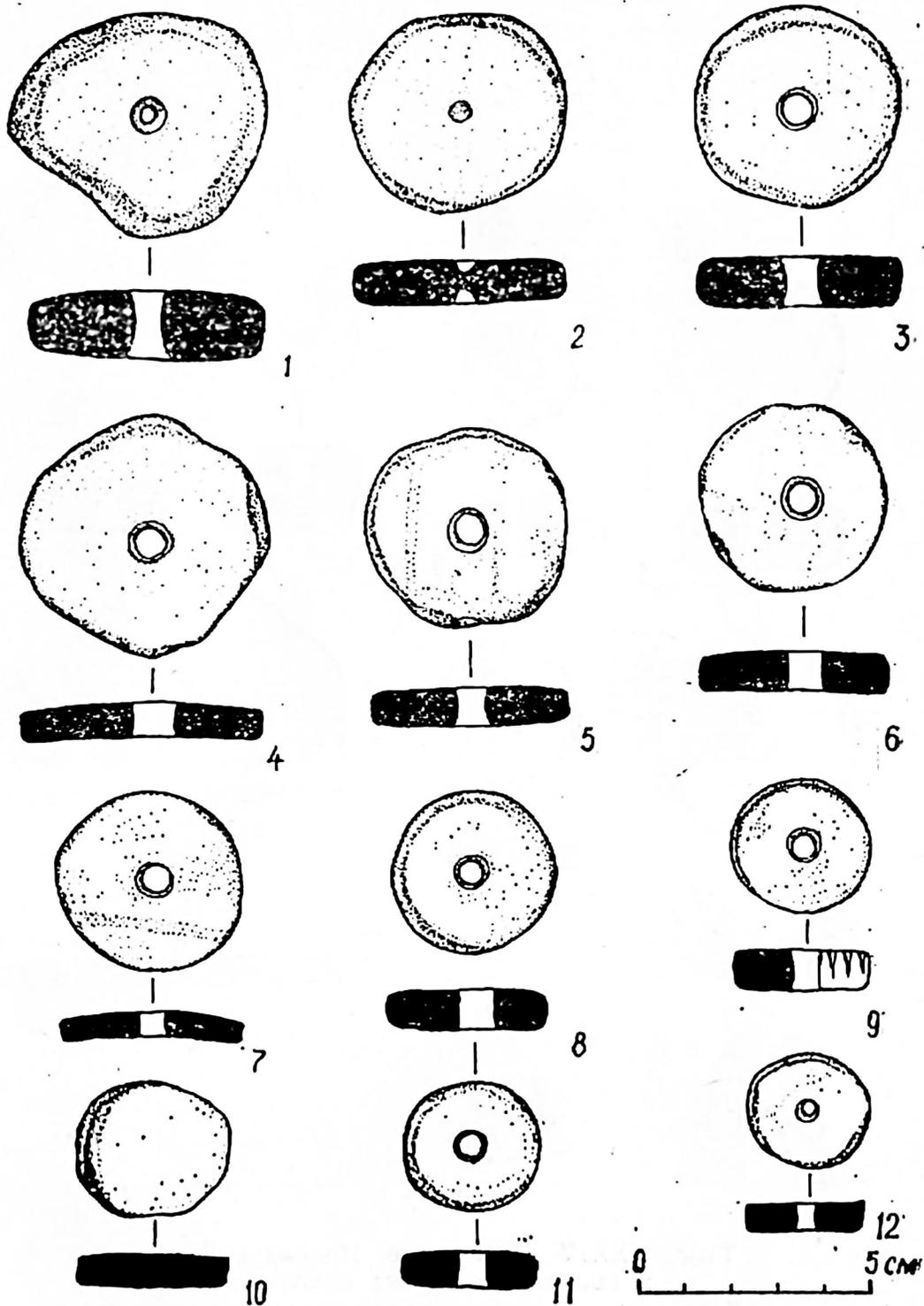

Табл. XXXIII. Чакан-депе. Пряслица, выточенные из стенок керамических сосудов,

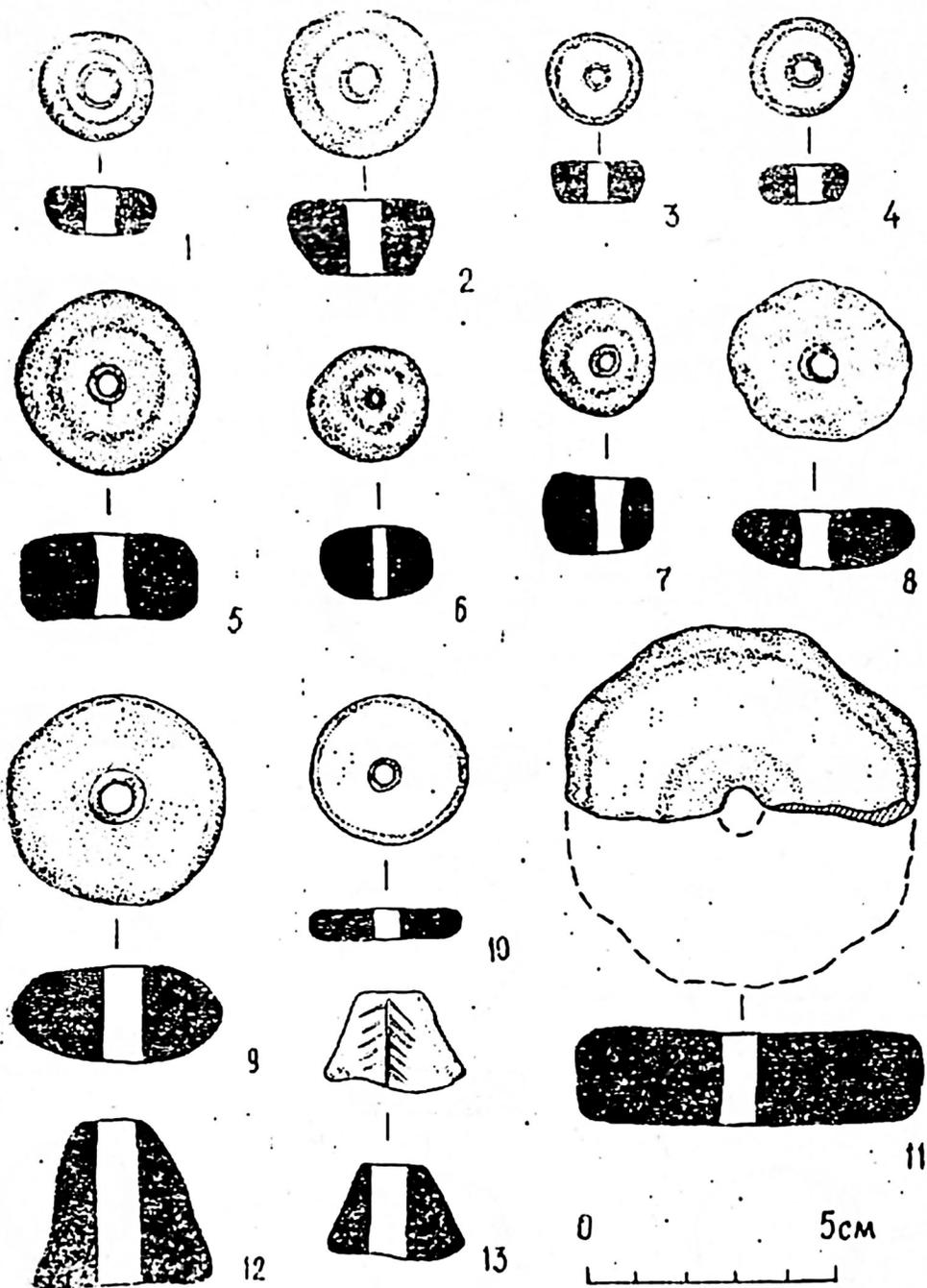

Табл. XXXIV, Чакан-депе. Цилиндрические
и конические лепные прясла,

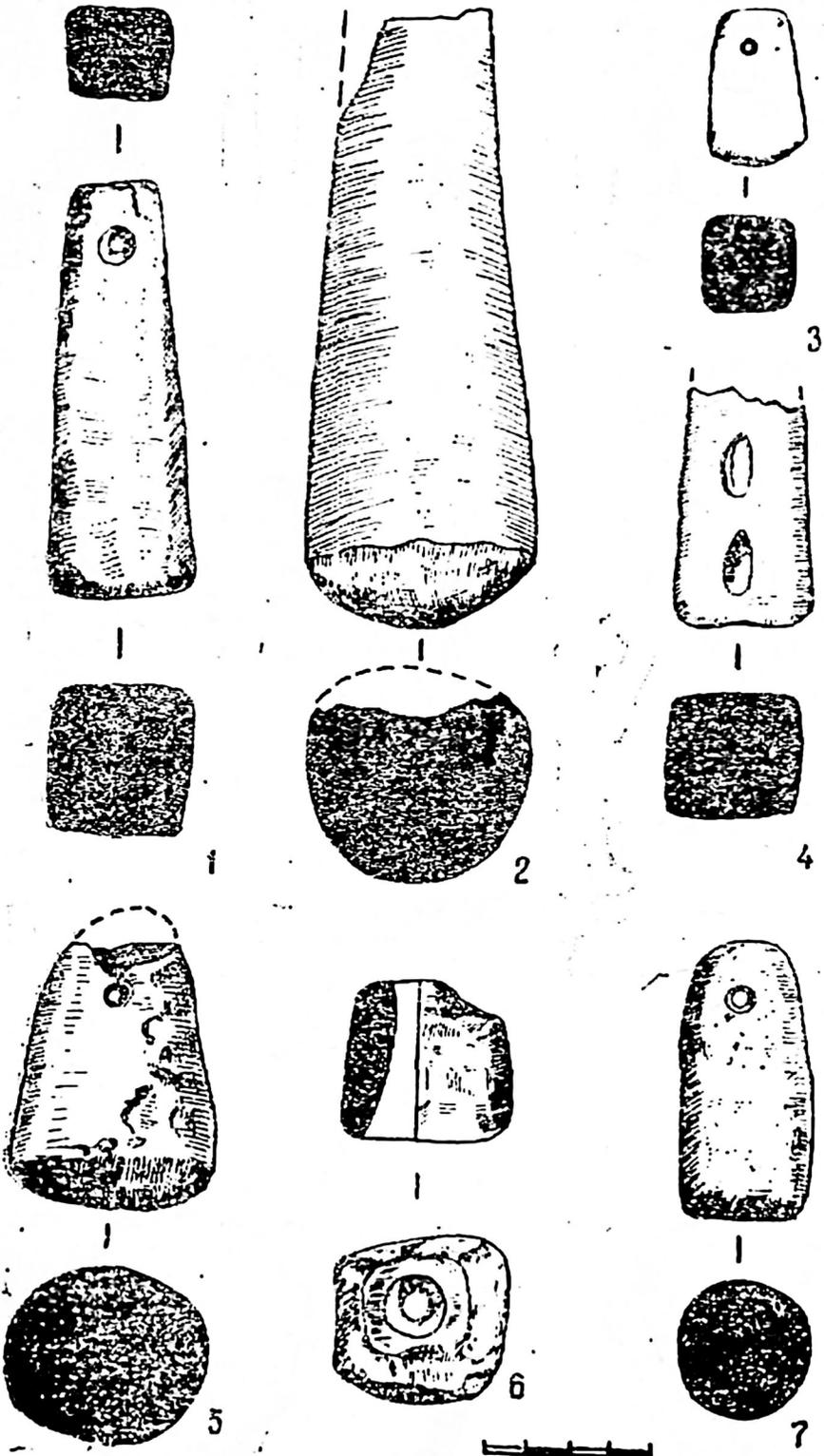
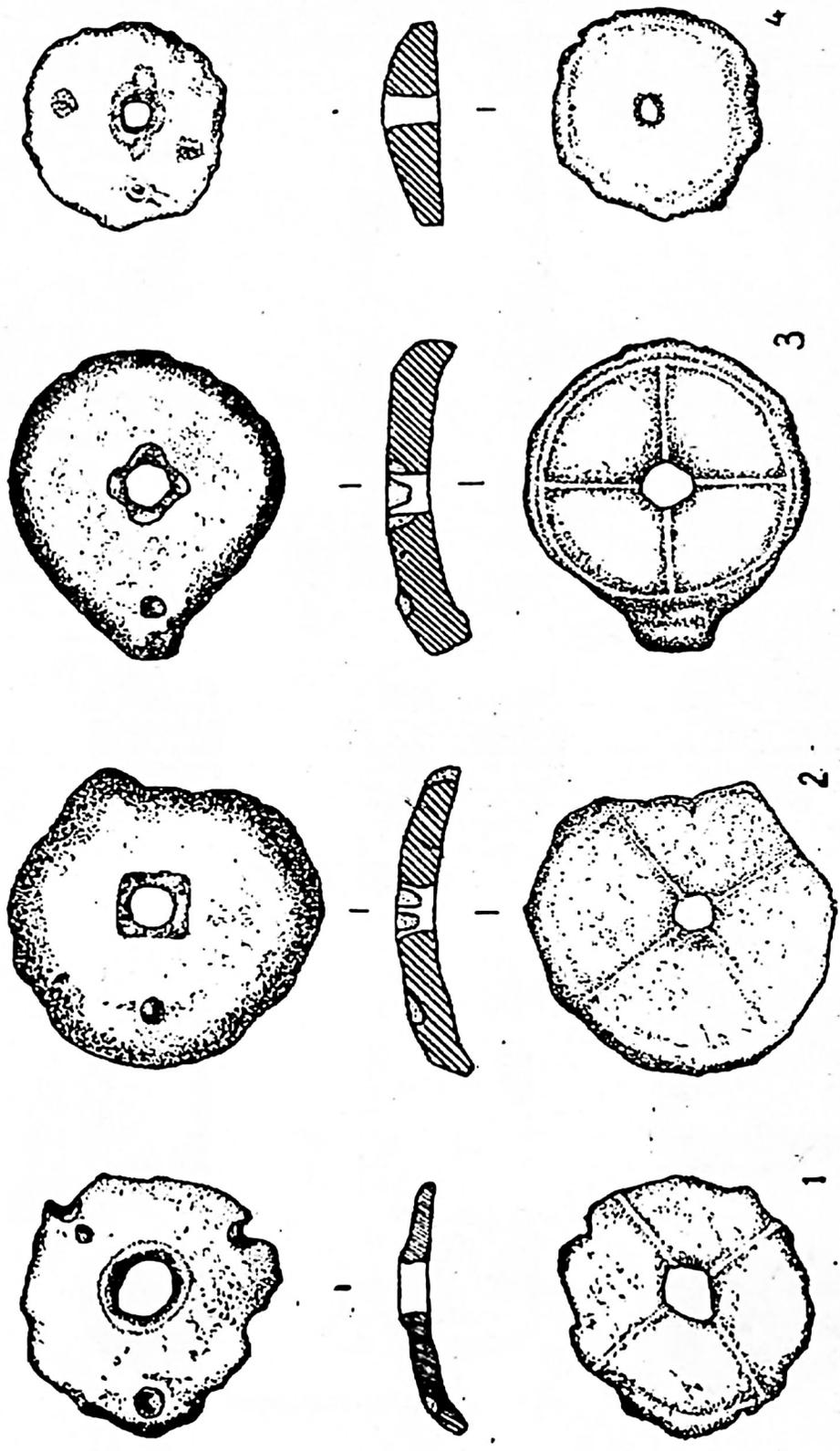

Табл. XXXV, Чакан-депе, Грузия и пестик (2).

Табл. XXXVI, Чакан-депе, Жернова,

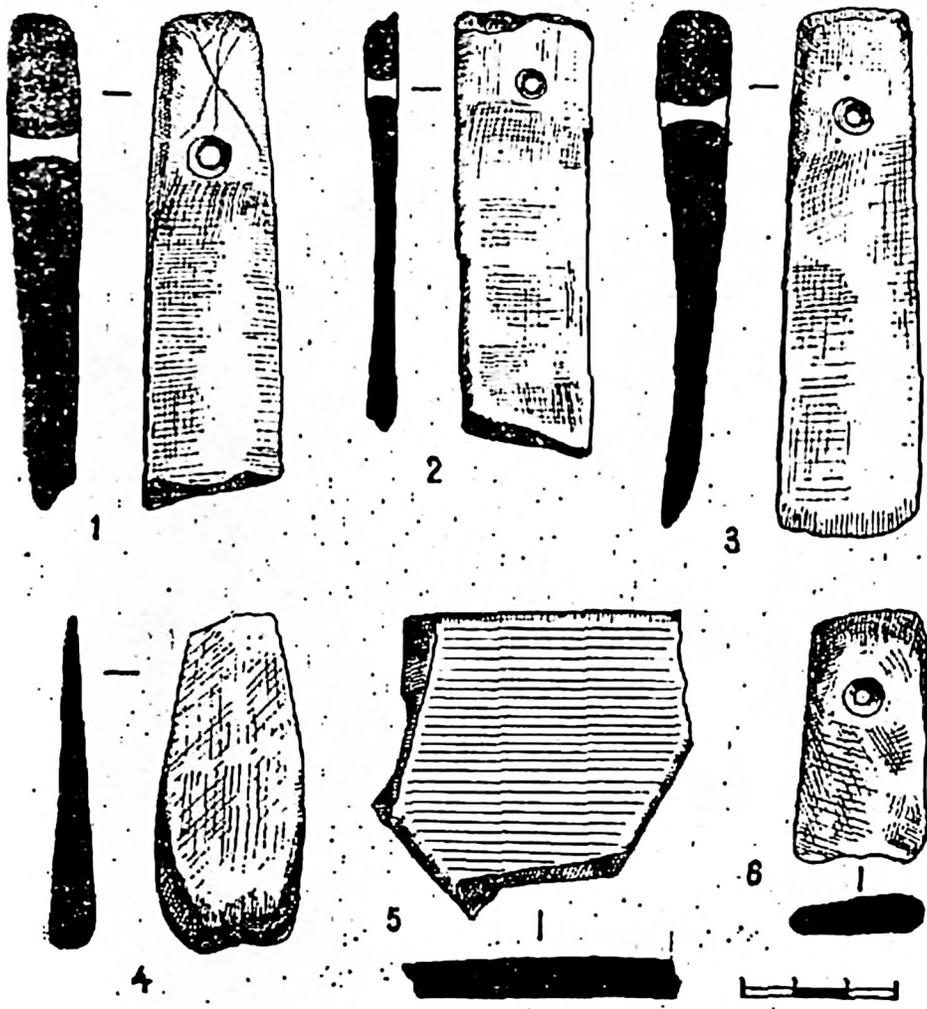

Табл. XXXVII. Чакан-депе. Оселки и точильные камни.

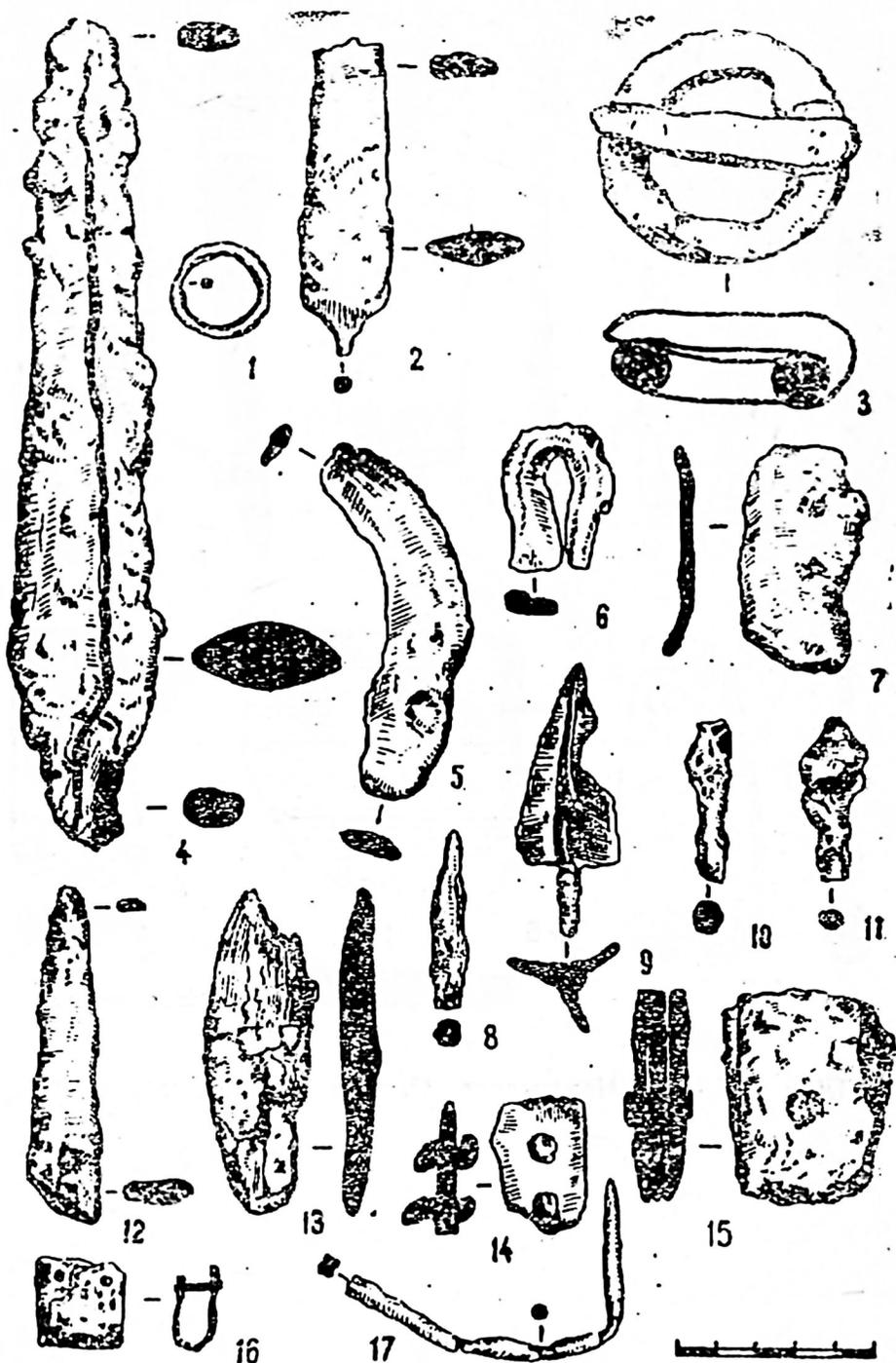

Табл. XXXVIII, Чакан-депе. Металлические изделия,

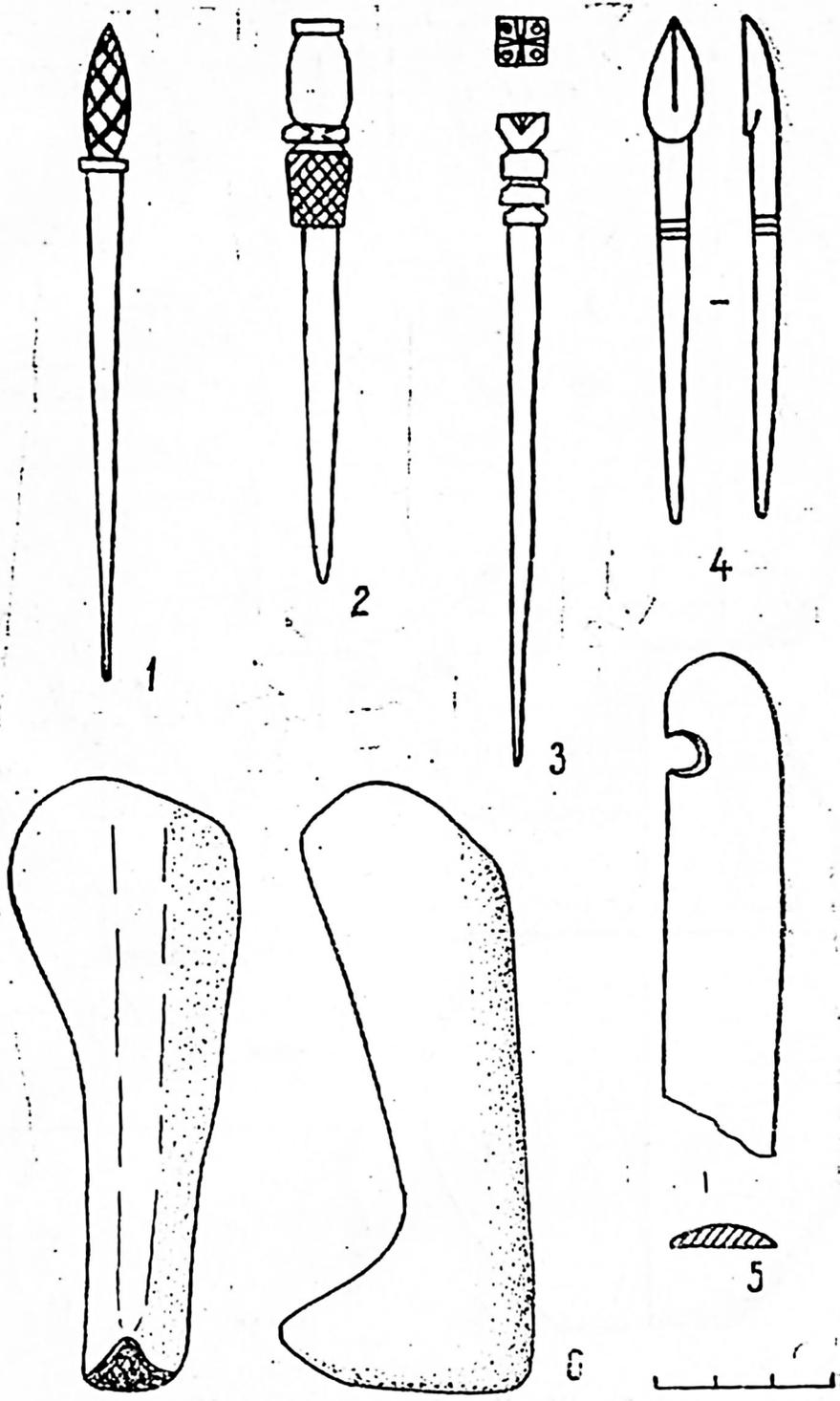

Табл. XXXIX. Чакан-депе. Изделия из кости
и бронзовая заколка (3).

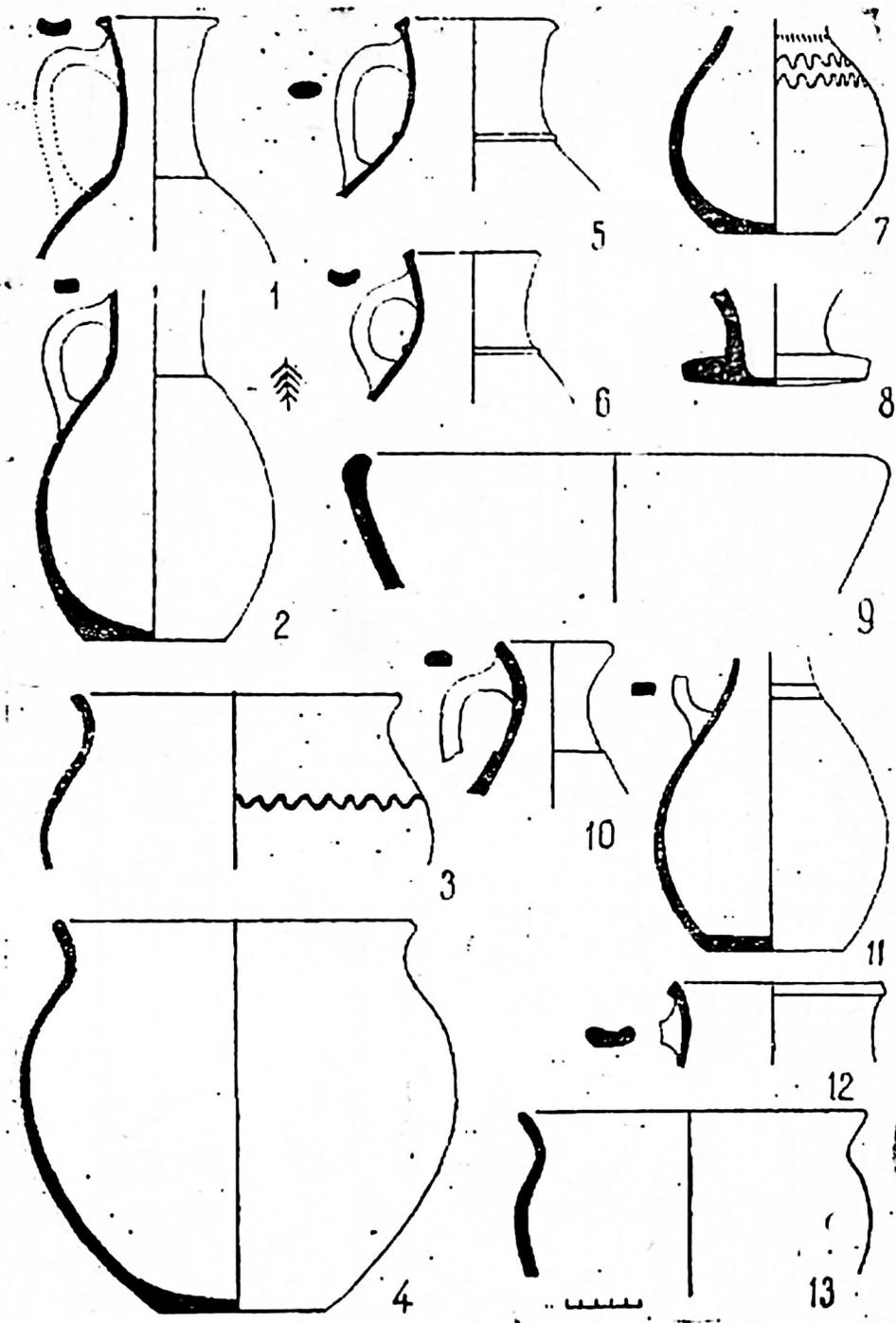
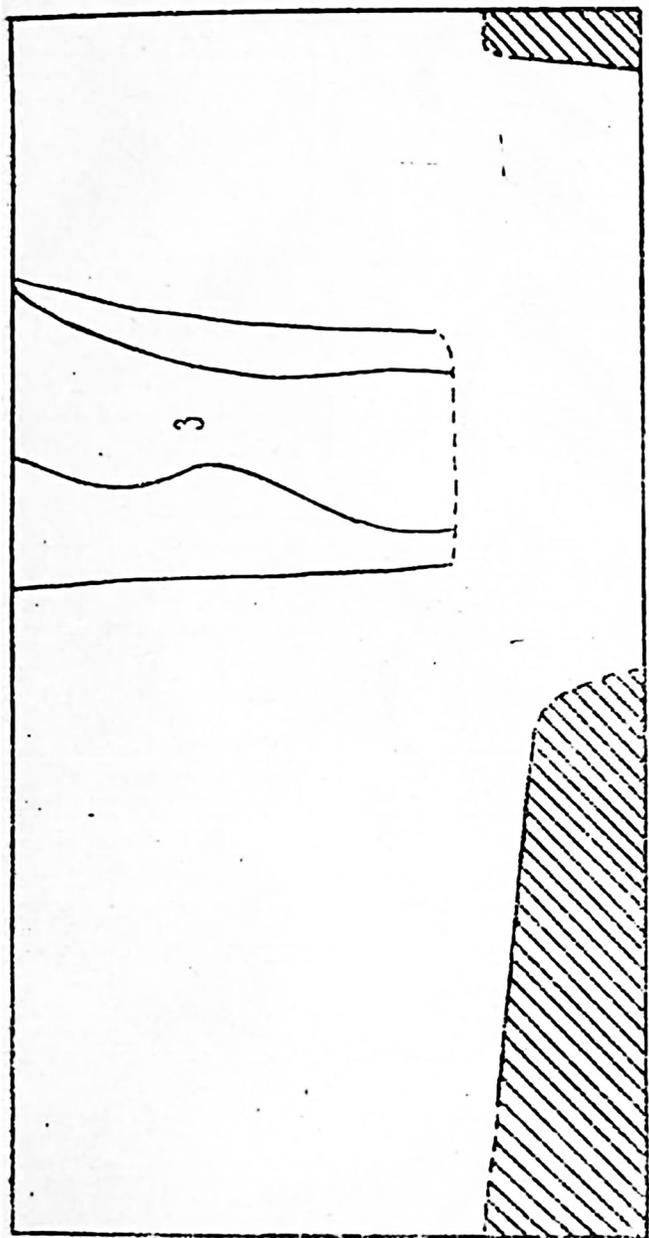
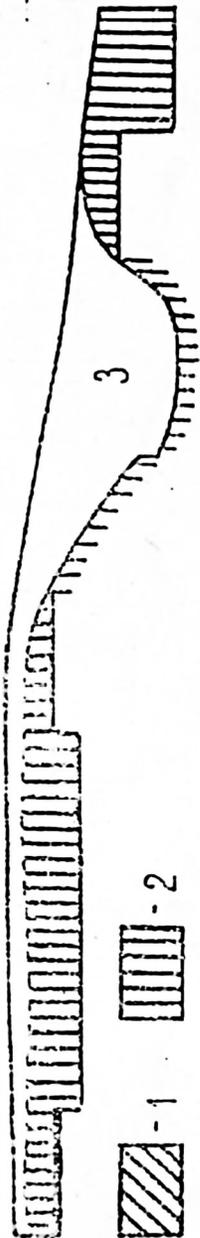

Табл. XL, Комплекс Яндаклы II,

0 2 м

- 1 - 2

Табл. ХLI. Кебелек-депе. Контрольный раскол. План (вверху) и разрез:
 1 — остатки стен; 2 — плотная глиняная структура.

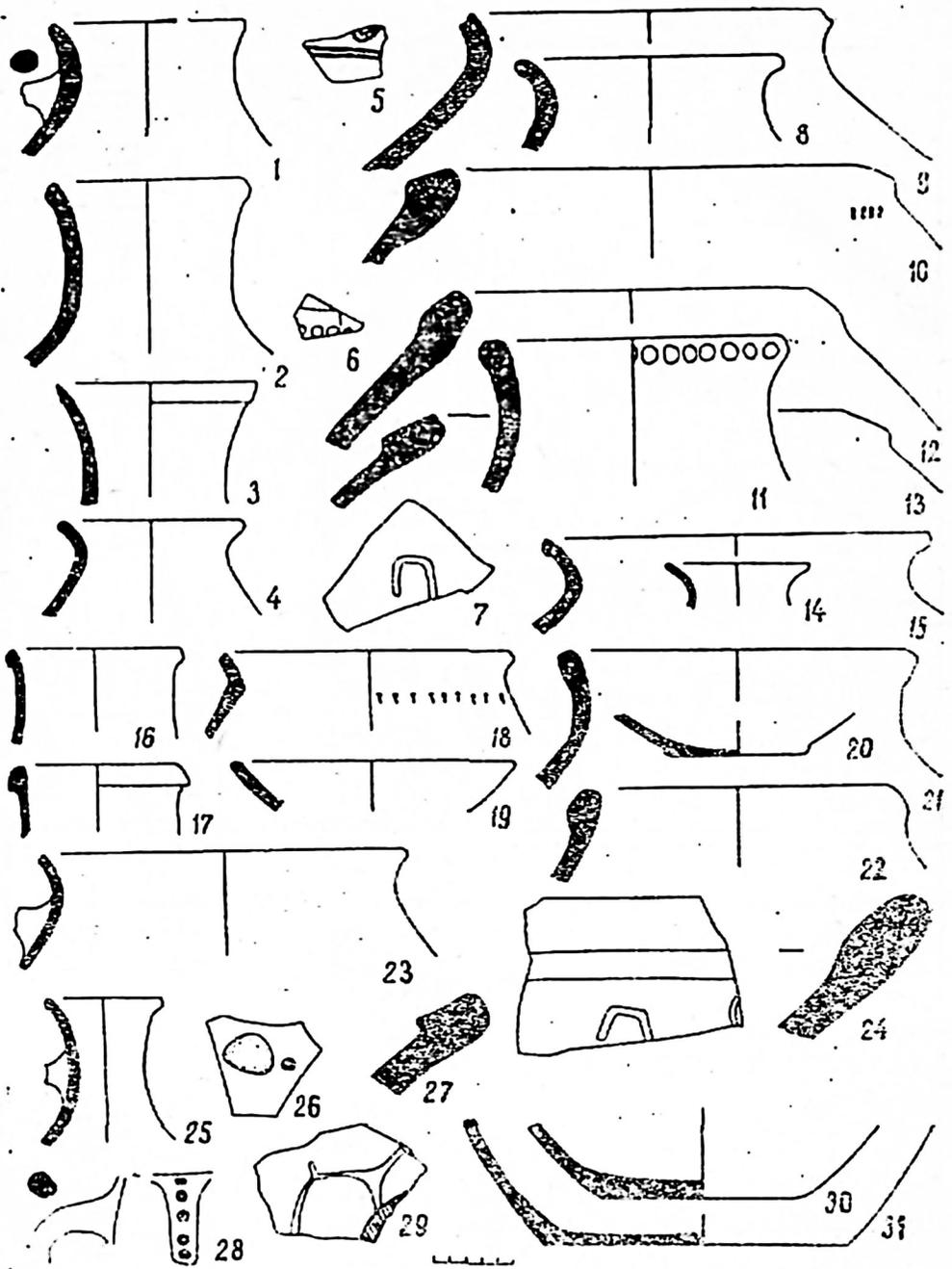
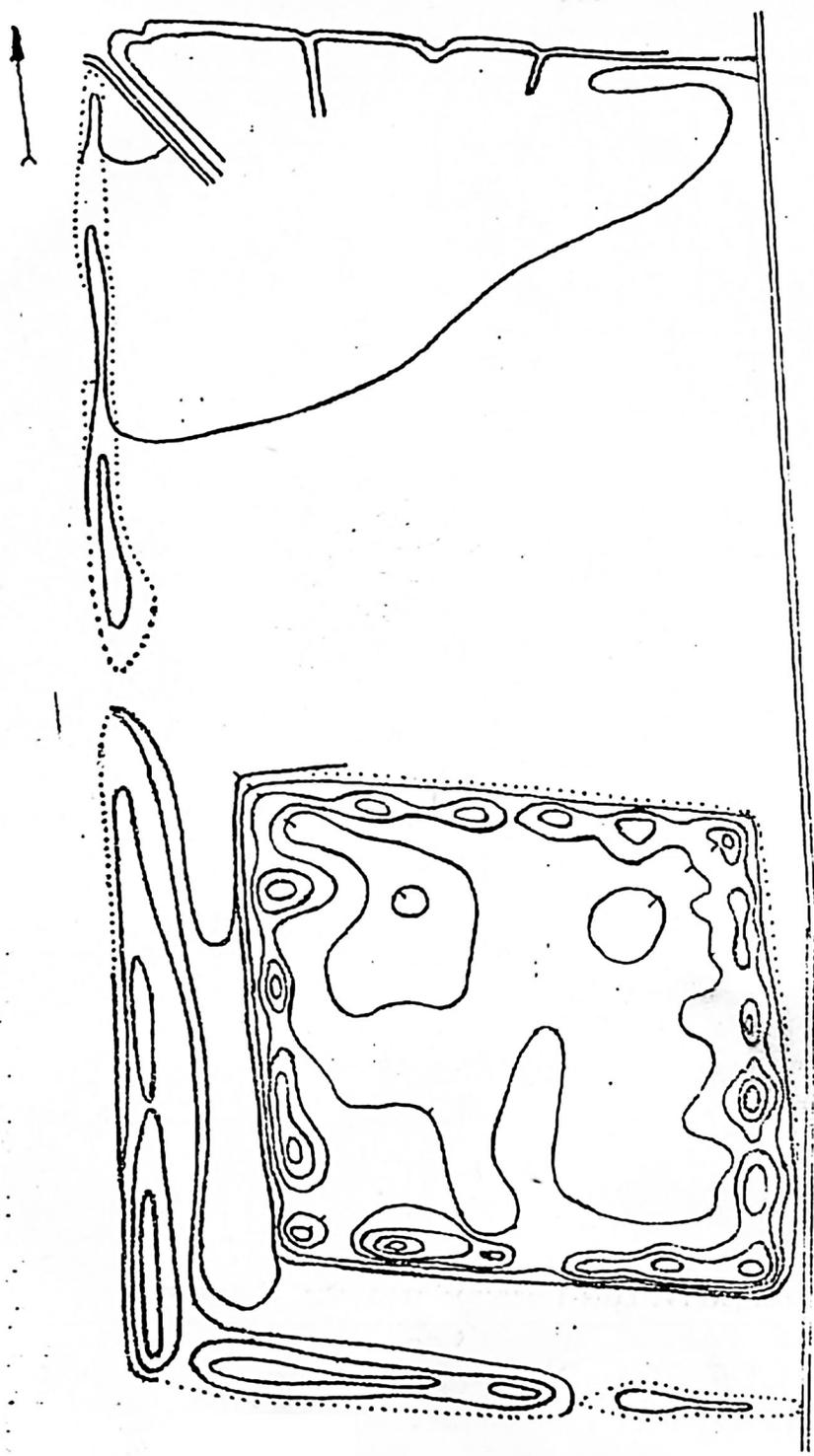

Табл. XLII. Кебелек-депе, Керамика,

0 30 M

Табл. XLIII. Геоэ-Тепинское городище, План,
Инструментальная съёмка.

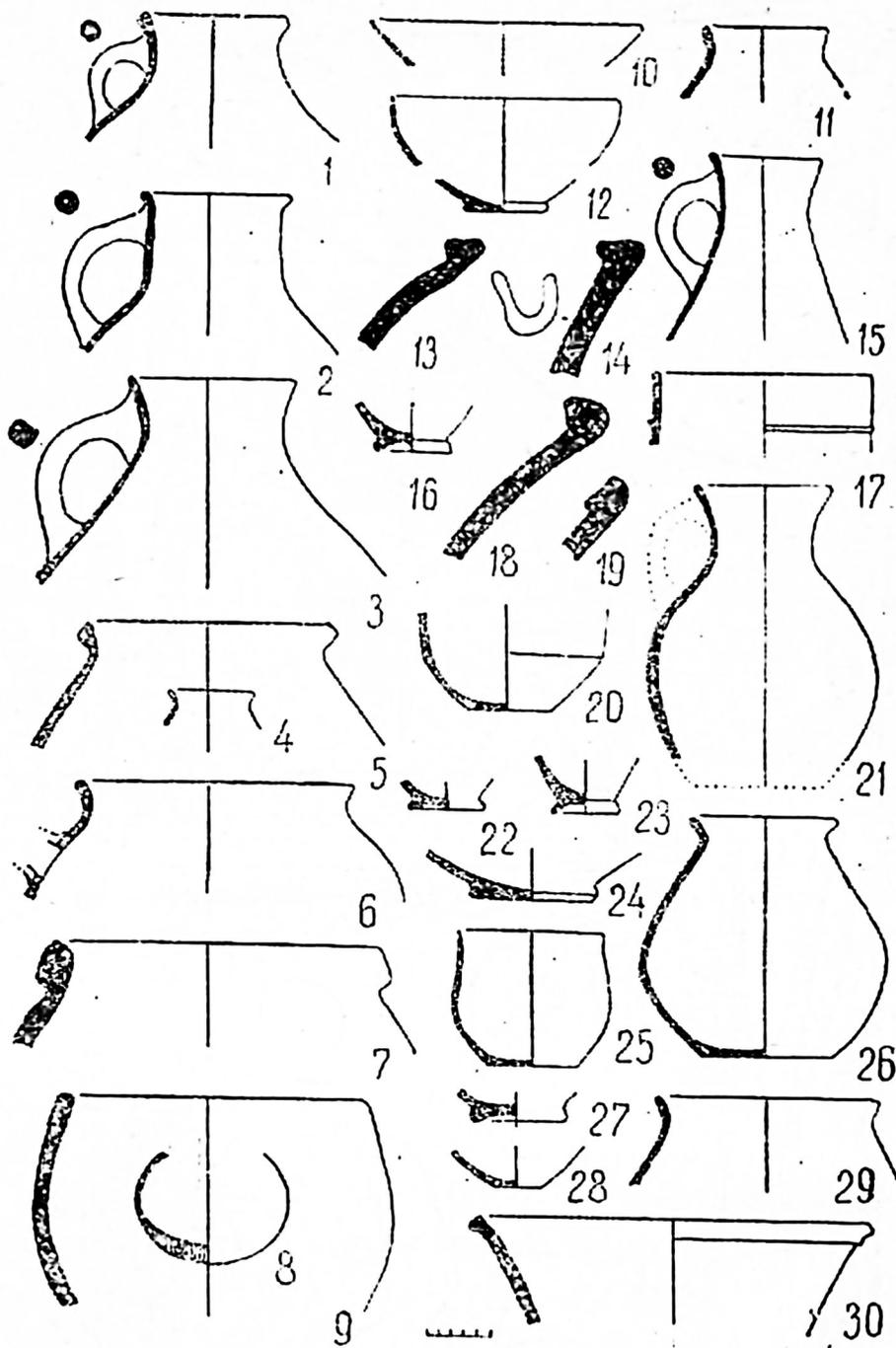

Табл. XLIV, Геок-Тепинское городище. Керамика,

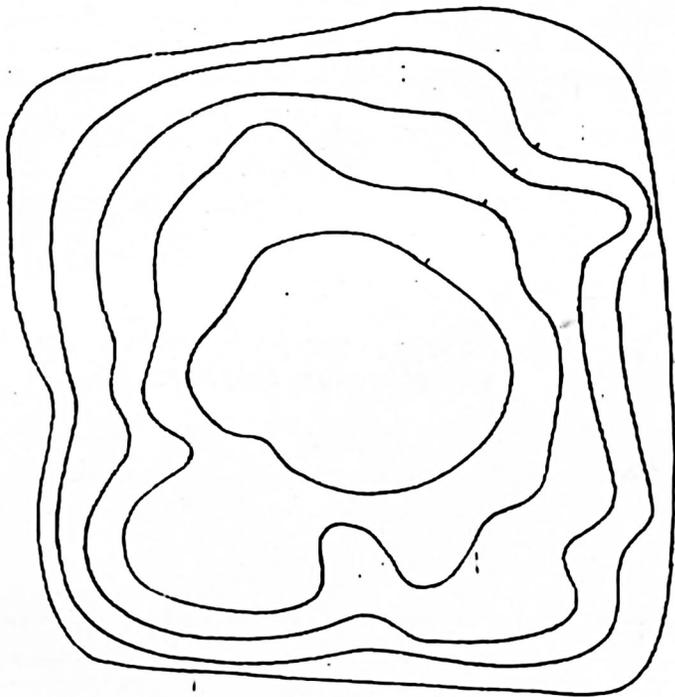
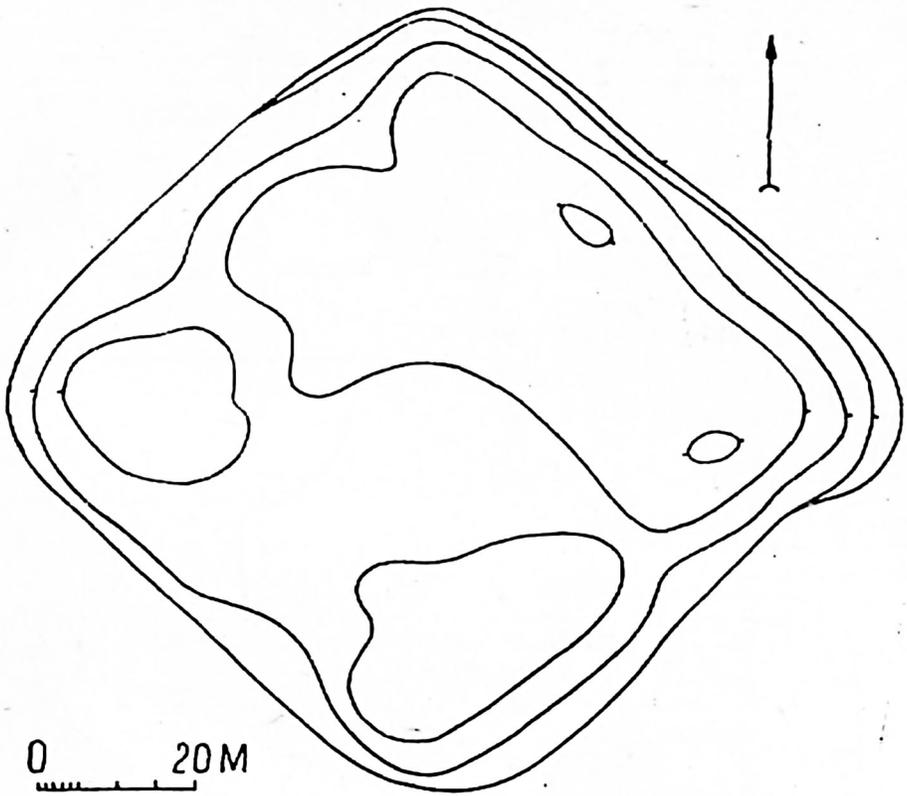

Табл. XLV, Яндаклы-депе (вверху) и Орта-депе. План.
Инструментальная съемка,

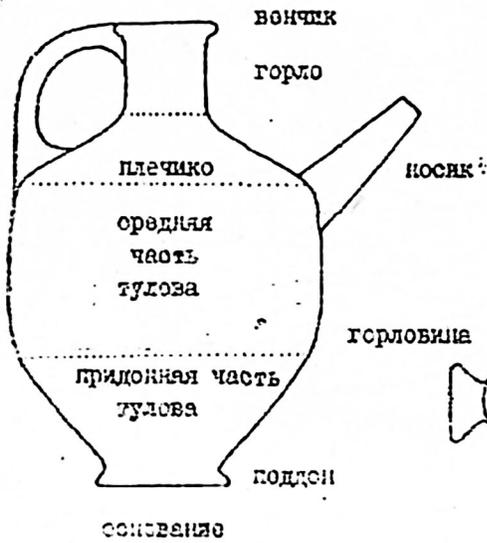
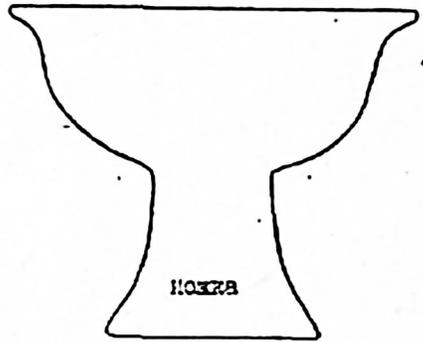
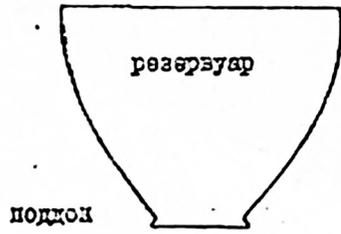
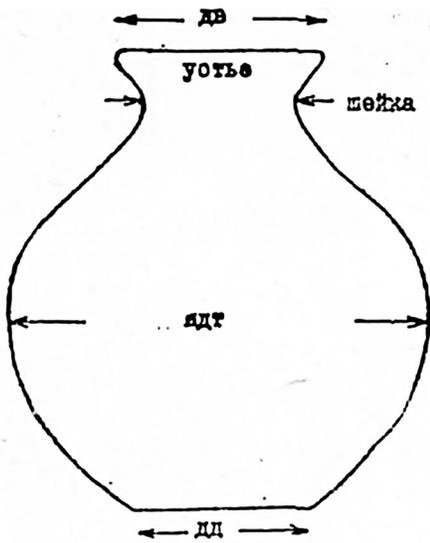

Табл. XLVI. Номенклатура морфологических признаков керамических сосудов.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ Об истории изучения памятников античного времени в подгорной полосе Копетдага см.: *Пилипко В. Н.* Северная Парфия// Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. — М., 1985. — С. 209—212.

² *Пилипко В. Н.* Парфянское сельское поселение Гарры-Кяриз. — Ашхабад, 1975.

³ *Пилипко В. Н.* Парфянский слой поселения Коша-депе у Бабадурмаза//СА. — 1980.—№ 4.

⁴ Материалы раскопок поселений Дашлинского оазиса еще не опубликованы. Общая информация о начальной стадии этих исследований содержится в работе В. Н. Пилипко (*Пилипко В. Н.* Некоторые итоги разведывательного изучения Дашлинского оазиса в Каахкинском районе ТССР//Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. — 1982. — № 5).

⁵ *Абаев В. И.* Бехистунская надпись//Древний Восток. — М., 1950.

⁶ *Дьяконов И. М.* История Индии. — М.—Л., 1956. — С. 593; *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы//МИА, 73. — М.—Л., 1959.—С. 133—135.

⁷ *Сагдуллаев А. С.* Заметки о раннем железном веке//СА.— 1982. — № 2.

⁸ *Массон В. М.* Средняя Азия в эпоху раннего железа: культурная и социально-экономическая динамика//Ранний железный век Средней Азии и Индии: Тез. докл. — Ашхабад, 1984; *Сариниди В. И.* Древние земледельцы Афганистана. — М., 1977.—С. 107—116; *Кузьмина Е. Е.* К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии//ВДИ. — 1972.—№ 1.

⁹ См. публикации в Трудах ЮТАКЭ, посвященные памятникам античного периода.

¹⁰ *Нурмухаммедов К.* Из истории формирования туркменского населения Ахала//Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. — 1960.— № 5.—С. 79; *Оразов А.* Этнографические очерки хозяйства туркмен Ахала в XIX — начале XX в. — Ашхабад, 1985. — С. 3—4, 88—89.

¹¹ Эти различия прослеживаются уже в эпоху неолита (см.:

Бердыев О. Древнейшие земледельцы Южного Туркменистана. — Ашхабад, 1969. — С. 55), в дальнейшем они сохраняются в эпоху энеолита и бронзы.

¹² Массон М. Е. Городища Нисы в селении Багир и их изучение//Тр. ЮТАКЭ. — Ашхабад. — 1949.—Т. 1.—С. 54—55.

Глава I. КОША-ХАУДАН

¹ В 1983 г. поселение было почти полностью сnivelировано. Инструментальный его план снят в 1969 г. А. А. Ляпиным. Предварительное сообщение о результатах раскопок 1970 г. см.: Пилипко В. Н. Исследование античных памятников в Северной Парфии в 1970 гг.//Каракумские древности.—Ашхабад, 1972.—Вып. 4.

² Стены помещения имеют легкий наклон внутрь. Не исключено, что это — свидетельство купольной конструкции его покрытия.

³ Пугаченкова Г. А. К интерпретации и типологии некоторых архитектурных памятников Мерва и Нисы//Тр. ЮТАКЭ. — Ашхабад, 1978. — Т. 16. — С. 22—24.

⁴ Чернение черепка и поверхности сосуда следует рассматривать как один из приемов декоративного оформления. Формы большинства сосудов этой группы идентичны соответствующим изделиям керамики с красно-коричневым черепком, поэтому отдельные типы сосудов на основании только принадлежности к группе черноглиняных изделий не выделяются.

⁵ Представлены двумя фрагментами верхних частей сосудов. Не исключено, что это не горшки, а фляги, небольшой размер фрагментов и изготовление сосудов от руки не позволяют уточнить их назначение.

⁶ Stronach D. Pasargadae. — London, fig. 114; Hansman J., Stronach D. Excavations at Shahr-i Qumis, 1971//Journal of Royal Asiatic Society. — London. — 1974.—N 1 (fig. 5).

⁷ Кой-Крылган-кала. — М., 1967.—С. 112 (табл. 5, 23—24); Массон М. Е. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и Мавераннахр//Тр. ЮТАКЭ. — Ашхабад. — 1966.—Т. 13. (рис. 44).

⁸ Казиев С. М. Альбом кувшинных погребений. — Баку, 1960 (табл. 26).

⁹ Haerink E. Twin-spouted vessels and their distribution in Near East from Achaemenian to the Sasanian periods//Iran. Journal of the British Institute of the Persian Studies. — London, 1980. — Vol. XVIII.

¹⁰ Сборы С. А. Ершова. Материалы хранятся в Государственном историческом музее Туркменистана.

¹¹ Найдена автором при осмотре поселения в 1981 г.

¹² Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма//Тр. ЮТАКЭ. — М., 1958.—Т. 6.—С. 81—83.

¹³ Обельченко О. В. Курганные погребения первых веков нашей эры и кенотафы Кую-Мазарского могильника//Тр. САГУ. Археология Средней Азии. — Ташкент. — 1957.—Вып. 4.—С. 121—122; Чурсин Г. Ф. Амулеты и талисманы кавказских народов: Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа.—Махачкала, 1929. — Вып. 46.—С. 201—202.

¹⁴ Пилипко В. Н. Отлиски печатей на парфянских хумах//Памятники Туркменистана. — 1970.—№ 2.

- ¹⁵ Материалы не опубликованы. Изображения ладоней процарапаны на одном из зубчатых устоев здания с квадратным залом и на стене помещения I «Восточной малой башни».
- ¹⁶ *Капанадзе Д. Г.* Родовой знак багратидов на грузинских предневековых монетах. Нумизматический сборник III//Тр. ГИМ.— М., 1957. — Вып. 26.—С. 81.
- ¹⁷ *Ставиский Б. Я.* Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1963—1964 гг.//Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. — М., 1969. — С. 23—24.
- ¹⁸ См.: *Дементьев Г. П., Карташев Н. Н., Келейников А. А.* О стеновых изображениях в мавзолее Тауруз-султан//Тр. ЮТАКЭ.— Ашхабад. — 1955.—Т. 5.—С. 174.
- ¹⁹ *Борисов А. Я., Луконин В. Г.* Сасанидские геммы. — Л., 1963.—С. 194, № 810—812.
- ²⁰ *Пилипко В. Н.* Парфянское сельское поселение Гарры-Кяриз. — Ашхабад. — 1975.—С. 65—66.
- ²¹ *Росляков А. А.* Глиняная печать из села Изгант//Тр. ЮТАКЭ. — 1955.—Т. 5.
- ²² *Пилипко В. Н.* Парфянское сельское поселение Гарры-Кяриз. — С. 55 (рис. 26).
- ²³ Неопубликованные материалы Парфянской экспедиции, раскопки В. Ю. Вдовина и В. Н. Пилипко.
- ²⁴ Определение условное. Анализ состава металлических изделий не производился.
- ²⁵ *Литвинский Б. А.* Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. — М., 1978. — С. 28 (табл. 6).
- ²⁶ Использование при изготовлении ручных мельниц разных пород камня известно по этнографическим данным. У горных таджиков нижний диск, изготовленный из более легкого камня, назывался женским, а верхний, из более твердой породы, — мужским (*Андреев М. С.* Таджики долины Хуф. — Сталинабад, 1958. — С. 91).
- ²⁷ Сводка сообщений о находках жерновов в Средней Азии и их датировка даны в работах: *Кацурис К., Буряков Ю.* Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяуркалы//Тр. ЮТАКЭ.—Ашхабад.—1963.—Т. 12.—С. 147, 155; *Литвинский Б. А.* Орудия труда и утварь... — С. 31—37. Там же приводятся сведения о технике работы на ручной мельнице.
- ²⁸ Название условное. Эти терки могли использоваться и для других целей. Специальное трассологическое их изучение не проводилось.
- ²⁹ Предварительное определение монеты сделано М. Е. Масоном вскоре после завершения полевых работ (см.: *Пилипко В. Н.* Исследование античных памятников... — С. 81). После этого монета была подвергнута дополнительной чистке, позволившей выявить некоторые новые детали изображения.
- ³⁰ *Sellwood D.* An Introduction to the coinage of Parthia.—London, 1980.
- ³¹ *Пилипко В. Н.* Парфянские бронзовые монеты со знаком П под луком//ВДИ. — 1980.—№ 4.
- ³² Примерно такое количество людей могло устроиться без особой тесноты в помещениях 1—3. Методика подсчета описана в главе 2.

¹ По сообщению одного из местных жителей, холм получил название по кличке лошади одного из дайхан в сравнительно недавнее время (в конце XIX в.). Туркмены-текинцы в этой местности не жили, а лишь имели пашни, и один дайханий всегда привязывал своего коня Чакана у этого холма. Постепенно кличка коня закрепилась за холмом.

² Архив Института археологии АН СССР. Личный архив А. А. Марущенко, фонд 15, папка 6.

³ *Еришов С. А.* Полевой дневник за август—сентябрь 1950 г.

⁴ Работы на Чакан-депе осуществлялись Парфянской экспедицией под руководством В. Н. Пилипко. В разные годы в них принимали участие археологи: А. Бабаев (1978—1979), В. Ю. Вдовин (1976—1980), Г. Гутлыев (1976), С. Д. Логиннов (1976—1977, 1979—1980), Х. Юсупов (1977), М. Русаковская, И. Хан, Б. Удеумурадов, антрополог О. Бабаков (1978), топограф А. Ляпин (1977). Всем им автор приносит благодарность за самоотверженный труд в сложных условиях.

⁵ Значительное количество фрагментов керамики раннего железного века встречено при раскопках верхнего здания. Она попала сюда при использовании земли из подстилающих слоев на разные хозяйственные нужды. По форме и фактурным особенностям она легко отделяется от керамики позднеаршакидского периода.

⁶ *Крашенинникова П. И.* К вопросу о взаимосвязи «круглого храма» с так называемой «башней» Старой Нисы//Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. — 1960.—№ 4.—С. 42; *Рапорт Ю. А.* Строительная техника и архитектурные конструкции//Топрак-кала. Дворец. — М., 1984.—С. 22—24.

⁷ Подобные скопления булыжников отмечались при раскопках Гарры-Кяриза и Коша-депе у Бабадурмаза. Назначение их непонятно см.: *Пилипко В. Н.* Парфянское сельское поселение Гарры-Кяриз. — Ашхабад, 1975.—С. 26.

⁸ Контуры могильной ямы, вырытой в рыхлом культурном слое, сохранились плохо.

⁹ По определению О. Бабакова, головной указатель равен 82,1, рост — 155 см, вес — 61,7 кг.

¹⁰ Яма вскрыта лишь частично. Она прямоугольной формы (ширина — 1,8 м, длина точно не установлена).

¹¹ Не исключено, что эта зольная линза — остатки очага, связанного с верхним полом. В таком случае и эту монету следует относить к последнему периоду обживания здания.

¹² Башни нумерованы по часовой стрелке, начиная с северо-западного угла.

¹³ *Пугаченкова Г. А.* К интерпретации и типологии некоторых архитектурных памятников Мерва и Нисы//ЮТАКЭ.—Ашхабад.—1978.—Т. 16.—С. 24.

¹⁴ *Массон М. Е., Пугаченкова Г. А.* Парфянские ритоны Нисы//Тр. ЮТАКЭ. — Ашхабад.—1959.—Т. 4.—С. 18—20; *Пугаченкова Г. А.* Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма//Тр. ЮТАКЭ.—М., 1958.—Т. 6.—С. 69—76.

¹⁵ *Пилипко В. Н.* Парфянский слой поселения Коша-депе у Бабадурмаза//ВДИ. — 1980.—№ 4.

¹⁶ Пилипко В. Н. Парфянское сельское поселение Гарры-Кяриз. — Ашхабад, 1975 (рис. 10, 15).

¹⁷ Например, комнаты «замка» Эрк-кала в Старом Мерве имели высоту 6,5 м (см.: Усманова З. И. Эрк-кала//Тр. ЮТАКЭ. — Ашхабад. — 1963.—Т. 12.—С. 37—40). На Старой Нисе стены нижних помещений «малой башни» имели высоту не менее 4 м, а сводчатые обводные коридоры большой башни достигали высоты 6 м (Крашенинникова Н. И. К вопросу о взаимосвязи круглого храма с так называемой «башней» Старой Нисы//Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. — 1960.—№ 4).

¹⁸ Пилипко В. Н. Парфянское сельское поселение... — С. 85; Пещерова Е. М. Гончарное производство Средней Азии. — М.—Л., 1959 —С. 62—65.

¹⁹ Сведения о том, как широко был распространен данный тип сосудов, отсутствуют, так как по форме венчика он одноклассен с другими горшковидными сосудами.

²⁰ Несколько иной формы носки с рогообразными напеками известны по находкам из Гарры-Кяриза (см.: Пилипко В. Н. Парфянское сельское поселение... — С. 87—89) и Старой Нисы (см.: Крашенинникова Н. И. Отвал битой тары середины I в. до н. э. из винохранилища Старой Нисы//Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. — 1963.—№ 5.—С. 96 (рис. 3, 7).

²¹ Мастерская могла размещаться в примыкающем к зданию дворе или на некотором удалении от него, но вся прилегающая к холму местность распахана и занята под виноградники.

²² Азиев И. Н. Изображение креста в древнеземледельческих культурах Южной Туркмении//КСИА.—1962.—Вып. 91.

²³ Пилипко В. Н. Парфянское сельское поселение... — С. 85.

²⁴ Знак процарапан на краснолощеном, явно привозном сосуде.

²⁵ Воробьева М. Г. Дингильдже. Усадьба I тыс. до н. э. в древнем Хорезме. — М., 1973.—С. 143—147.

²⁶ Литвинский Б. А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. — М., 1978.—С. 41—42.

²⁷ Хлопин И. Н. Античные погребения на среднем течении Сумбара//Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук.—1979.—№ 3.—С. 76.

²⁸ Шелов Д. Б. Ремесленное производство//Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР.—М., 1984.—С. 173.

²⁹ Francfort H. P. Le sanctuaire du temple a niches indentees// Fouilles d'Al Khavoun, III.—Paris, 1984.—P. 47.

³⁰ Пидяев Ш. Р. Поселения кушанского времени Северной Бактрии.—Ташкент, 1978.—С. 81.

³¹ Усманова З. И. Раскопки мастерской ремесленника парфянского времени на городище Гяур-кала//Тр. ЮТАКЭ. — Ашхабад.— 1963 —Т. 12.—С. 172 (рис. 7).

³² Литвинский Б. А. Орудия труда... — С. 31—38.

³³ Кацурис К., Буряков Ю. Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяур-калы//Тр. ЮТАКЭ. — Ашхабад. — 1963.—Т. 12.—С. 146—147.

³⁴ Пилипко В. Н. Исследование античных памятников в Северной Парфии в 1970 г.//Каракумские древности. — 1972.—Вып. 4.— С. 85—86.

³⁵ Обломок оселка из погребения у западной стены двора более темный, почти черный.

³⁶ Литвинский Б. А. Орудия труда.—С. 28; Юсупов Х. Результаты археологических работ в Северо-Западной Туркмении весной

1971 г.//Каракумские древности. — Ашхабад, 1977.—Вып. 5.— С. 111 (рис. 3, 5).

³⁷ Литвинский Б. А. Орудия труда... С. 22.

³⁸ Там же. — С. 75—80.

³⁹ Юсупов Х. Древности Узбоя. Ашхабад, 1986.—С. 42 (рис. 7).

⁴⁰ Пугаченкова Г. А. Коропластика древнего Мерва//Тр. ЮТАКЭ. — Ашхабад.—1962.—Т. 11.—С. 127 (рис. 7 и др.).

⁴¹ Пилипко В. Н. Парфянские бронзовые монеты со знаком П под луком//ВДИ. — 1980.—№ 4.

⁴² Marshall J. Taxsila, T. 3. — Cambridge, 1951.—Pl. 199, 206 (N 13—22); Ghirshman R. Begram. — P. 64 (Pl. 16—36).

⁴³ Deonna W. Le mobilier dehen. Ecole française d'Athenas. Exploration archeologique de Delos. fasc. 18.—Paris, 1938.

⁴⁴ Grantfort H. P. Le sanctuaire... — P. 14.—Pl. IV.—N 20, 26.

⁴⁵ Пидаев Ш. Р. Поселения кушанского времени... — С. 78 (рис. 27).

⁴⁶ Пугаченкова Г. А. Халчаян.—Ташкент.—1966.—С. 96.

⁴⁷ Пидаев Ш. Р. Поселения кушанского времени... — С. 80; Толстов С. П. Древний Хорезм.—М., 1948.—С. 111 (табл. 27).

⁴⁸ Филанович М. И. Две находки на Шаштепе в Ташкенте//ИМКУ. Ташкент, 1986.—Вып. 20.—С. 49—50.

⁴⁹ Атагарриев Е. Раскопки 1972 г. на городище Мисриан//Каракумские древности. — Ашхабад, 1977.—Вып. 6.—С. 76—78 (рис. 8).

⁵⁰ Аракелян Б. Н. Раскопки крепости Гарниц//ВДИ. — 1954.— № 4.

⁵¹ Литвинский Б. А. Орудия труда...—С. 136—137.

⁵² Кацурис К., Буряков Ю. Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяур-калы//Тр. ЮТАКЭ. — Ашхабад, 1963.—Т. 12.—С. 153 (рис. 24). Встречаются они и позднее (см.: Еришова С. А. Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе г. Байрам-Али//Тр. Ин-та истор., археол. и этногр. АН ТССР. — Ашхабад,— 1959.—Т. 5 (табл. 25).

⁵³ Трудновская С. А. Инвентарь, полученный при раскопках дворца//Топрак-кала. Дворец. — М., 1984.—С. 216—220.

⁵⁴ Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья.— М., 1978. — С. 65.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. — С. 58—62.

⁵⁷ Массон М. Е. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ 1953—1954 гг.//Тр. ЮТАКЭ. — Ашхабад.—1974.—Т. 15.—С. 303.

⁵⁸ Пилипко В. Н. Парфянское сельское поселение Гарры-Кяриз... Анау//Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук.—1973.—№ 5.

⁵⁹ Крашенинникова Н. И. Отвал битой тары...

⁶⁰ Пилипко В. Н. Парфянское сельское поселение Гарры-Кяриз...

⁶¹ Пилипко В. Н. Исследования античных памятников... — С. 76—86.

⁶² Пилипко В. Н. Исследование памятников античного времени в районе Геок-Тепе//Каракумские древности. — Ашхабад. — 1968.— Вып. 1.—С. 31—32.

⁶³ Пилипко В. Н. Исследование античных памятников... — С. 74—76.

⁶⁴ Ермолова Н. М. Палеозоологические данные о скотоводстве и охоте у древнего населения Туркмении в эпоху железа. Ранне-

железный век Средней Азии и Индии//Тез. докл. чл. советско-индийского симпозиума. — Ашхабад.—1984.—С. 47—48.

⁶⁵ *Массон М. Е.* Народы и области южной части Туркменистана в составе парфянского государства//Тр. ЮТАКЭ.—Ашхабад.—1955.—Т. 5.—С. 69.

⁶⁶ *Пилипко В. Н.* Парфянское сельское поселение... — С. 57 (табл. 1).

⁶⁷ *Ермолова Н. М.* Палеозоологические данные...—С. 47.

⁶⁸ *Дьяконов И. М., Лившиц В. А., Массон М. Е.* Налоговые парфянские документы II в. до н. э. из Нисы//Мат-лы ЮТАКЭ.—М.—Л., 1951.—Вып. 2; *Дьяконов И. М., Лившиц В. А.* Документы из Нисы I в. до н. э. Предварительные итоги работ. — М., 1960 и др.

⁶⁹ *Массон М. Е.* К открытию парфянских документов на городище Новая Ниса//Налоговые парфянские документы...

⁷⁰ *Литвинский Б. А.* Погребальные сооружения и погребальная практика в Парфии (к вопросу о парфяно-бактрыйских соответствиях)//Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. — М., 1983.

⁷¹ *Крашенинникова Н. И.* Некоторые наблюдения на некрополе Парфавнисы//История и археология Средней Азии. — Ашхабад. 1978.

⁷² *Марущенко А. А.* Курганные погребения сарматского времени в подгорной полосе Южного Туркменистана//Тр. Ин-та истор., археол. и этнограф. АН ТССР.—Ашхабад, 1959.—Т. 2; *Мандельштам А. А.* Некоторые новые данные о памятниках кочевого поселения Южного Туркменистана в античную эпоху//Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. — 1963.—№ 2; *Он же.* Мешрепитахтинский могильник//КСИА. — М., 1971.—Вып. 128.

⁷³ *Ершов С. А.* Отчет о раскопках Чопан-депе в 1957 г.

⁷⁴ *Юсупов Х.* Результаты археологических работ в Северо-Западной Туркмении весной 1973 г.//Каракумские древности. — Ашхабад, 1978.—Вып. 7.—С. 69.

⁷⁵ *Литвинский Б. А.* Погребальные сооружения и погребальная практика в Парфии (к вопросу о парфяно-бактрыйских соответствиях)//Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности.— М., 1983.

⁷⁶ *Лившиц В. А.* Парфянские остраки из Коша-депе//СА.—1980.—№ 4.—С. 240.

ПРИЛОЖЕНИЕ

¹ Здесь и далее сведения об обследовании памятников С. А. Ершовым извлечены из его полевого дневника за 1950—1951 гг. и рукописи «Археологические памятники Туркмении» (хранятся в Отделе археологии Института истории АН ТССР).

² *Марущенко А. А.* Дневник об археологических раскопках в Геок-Тепинском и Бахарденском районах в сентябре 1958 г. (Архив Отдела археологии Института истории АН ТССР).

³ *Массон М. Е.* Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг.//Тр. ЮТАКЭ.—Ашхабад.—Т. 5.—С. 225.

⁴ *Марущенко А. А.* Записи из личного архива (хранятся в Институте археологии АН СССР).

⁵ Пилипко В. Н. Парфянское сельское поселение.

⁶ Сведения о находках монет сообщены С. Д. Логинным (определенные автором).

⁷ Кошеленко Г. А. Отчет о работах в апреле 1970 г. археологического отряда по разведке памятников в зоне IV очереди Каракумского канала (участок Геок-Тепе—Бахарден).

⁸ Там же.

⁹ В дневнике С. А. Ершова за 1950 г. имеется запись о закладке шурфа на Денгиль-депе, расположенном в непосредственной близости от городища.

¹⁰ Пугаченкова Г. А., Сарцианиди В. Н. Археологические исследования у селения Мурча: Отчет о работах 1951 г. (Архив ЮТАКЭ).

¹¹ Коське Ф. Я. Эллинистическая крепость под Геок-Тепе (Архив Отдела археологии Института истории АН ТССР).

¹² Там же.

¹³ Пилипко В. Н. Исследование памятников... С. 34—35.

¹⁴ Коське Ф. Я. Племена Северной Парфии в борьбе с македонским завоеванием//ВДИ. — 1962.—№ 1.—С. 120, 124; Массон М. Е. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ//Тр. ЮТАКЭ.—Ашхабад. — 1955.—Т. 5.—С. 225—226 (городище ошибочно названо Денгиль-депе, так называется холм, расположенный внутри теслинской крепости); Кошеленко Г. А. Культура Парфии.—М., 1966.—С. 13.

¹⁵ Бердыев О. Стратиграфия Тоголок-депе в связи с расселением племен джейтунской культуры//СА. — 1964.—№ 3.

¹⁶ Раскопки В. Ю. Вдовина в составе Парфянской экспедиции (материалы не опубликованы).

¹⁷ Марущенко А. А. Дневник об археологических раскопках...

¹⁸ Пилипко В. Н. Исследование памятников...

¹⁹ Губаев А., Кошеленко Г. А. Изучение античных и ранне-средневековых памятников//Каракумские древности. — Ашхабад, 1968.—Вып. 1.—С. 37—41.

²⁰ «Северный» храм раскопан (см.: Кошеленко Г. А., Пилипко В. Н. Исследование парфянского святилища в окрестностях Нисы//Каракумские древности. — Ашхабад, 1968.—Вып. 2).

²¹ Археология СССР. Древние государства Кавказа и Средней Азии. — М., 1985.—С. 219.

²² Там же. — С. 215.

²³ В данном случае площадь составных частей городища определена по внешним контурам стен (см.: Вязьмитина М. И. Археологические работы на городище Новая Ниса в 1947 г.//Тр. ЮТАКЭ.—Ашхабад.—1953.—Т. 2.—С. 148 (рис. 1). Общая площадь городища по подошве холма составляет около 25 га.

²⁴ Давидович Е. А. Исследование вала к юго-западу и западу от Новой Нисы//Тр. ЮТАКЭ.—Ашхабад.—1949.—Т. 1.

²⁵ Массон М. Е. Городища Нисы в селении Багир и их изучение//Тр. ЮТАКЭ.—Ашхабад.—1949.—Т. 1.—С. 30; Ершов С. А. К археологическим работам на крепостях Старая и Новая Ниса (Архив Отдела археологии Института истории АН ТССР).

²⁶ Массон М. Е. Городища Нисы...—С. 32.

²⁷ Вязьмитина М. И. Археологическое изучение городища Новая Ниса в 1946 г.//Тр. ЮТАКЭ.—Ашхабад.—1949.—Т. 1; Она же. Археологические работы на городище Новая Ниса в 1947 г.//Тр. ЮТАКЭ.—Ашхабад. — 1953.—Т. 2.

²⁸ *Массон М. Е.* Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1955—1957 гг.//Тр. ЮТАКЭ.—Ашхабад.—1978.—Т. 16.—С. 119.

²⁹ Площадь городища в данном случае определена по гребню сохранившихся стен; площадь старобинскийского холма по подошве составляет около 21 га.

³⁰ *Массон М. Е.* Городища Нисы...—С. 41—42.

³¹ Там же. — С. 51—52, 109.

³² *Sellwood D.* The Drachms of the Parthian «Dark age»//J.R.A.S.—1976.—N 1.—P. 13—14. *Пилипко В. Н.* К вопросу о чекане Митридатокерта//ВДИ. — М., 1987.—№ 1.

³³ *Крашенинникова Н. И., Пугаченкова Г. А.* Круглый храм парфянской Нисы//СА. 1964.—№ 1.—С. 125—126.

³⁴ *Марущенко А. А.* Сводный дневник раскопок городища Старой Нисы в сентябре—октябре 1934 г. (хранится в архиве Института археологии АН СССР).

³⁵ *Росляков А. А.* Мелкие археологические памятники окрестностей Ашхабада//Тр. ЮТАКЭ. — Ашхабад.—1955.—Т. 5.—С. 83.

³⁶ *Левина В. А.* Позднее городище Анау//Тр. ЮТАКЭ.—Ашхабад.—1953.—Т. 2.—С. 357—358, 364—370.

³⁷ *Дейлс Д. Ф.* Керамика Мохенджо-Даро//Инф. бюл. МАИКЦА.—М., 1982.—Вып. 2.

³⁸ *Gardin J. C.* Code pour L'analyse des formes de poterie. — Paris, 1974.

³⁹ *Маршак Б. И.* Код для описания керамики Пенджикента V—VI вв.//Статистико-комбинаторные методы в археологии. — М., 1970.

⁴⁰ *Геннинг В. Ф.* Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок//СА.—1973.—№ 1.

⁴¹ *Шишкина Г. В.* Глазурованная керамика Согда. — Ташкент, 1979.

⁴² *Дейлс Д. Ф.* Керамика Мохенджо-Даро...

СПИСОК СОКРАЩЕНИИ

- ВДИ — Вестник древней истории
ГИМ — Государственный исторический музей
КСИА — Краткие сообщения Института археологии СССР
МИА — Материалы исследования по археологии СССР
СА — Советская археология
САГУ — Среднеазиатский государственный университет
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	3
Глава I. Коша-Хаудан	6
Глава II. Чакан-депе	24
Заключение	84
ПРИЛОЖЕНИЕ	91
Список позднепарфянских памятников Ахала	93
Система описания и анализ керамики античного времени подгорной полосы Копетдага	103
Примечания	167
Список сокращений	176

Виктор Николаевич Пилипко

ПОЗДНЕПАРФЯНСКИЕ ПАМЯТНИКИ АХАЛА

Печатается по постановлению
Научно-издательского совета АН ТССР

Редактор издательства *Л. Татаурова*
Художественный редактор *А. Эсенов*
Технический редактор *М. Кемаева*
Корректор *Л. Кривченко*

ИБ № 1238

Сдано в набор 07.03.90. Подписано в печать
11.06.90. Формат 84×108 1/32. Бум. тип. № 2. Гар-
нитура литературная. Высокая печать. Усл.
печ. л. 9,24. Усл. кр.-отг. 9,66. Уч.-изд. л. 9,19.
Тираж 1000 экз. Изд. № 20. Заказ № 1286.

Цена 1 р. 40 к.

Издательство «Ылым» АН ТССР, 744000,
Ашхабад, ул. Энгельса, 6.
Типография АН ТССР, 744012, Ашхабад,
ул. Советских пограничников, 92а.

1 р. 40 к.